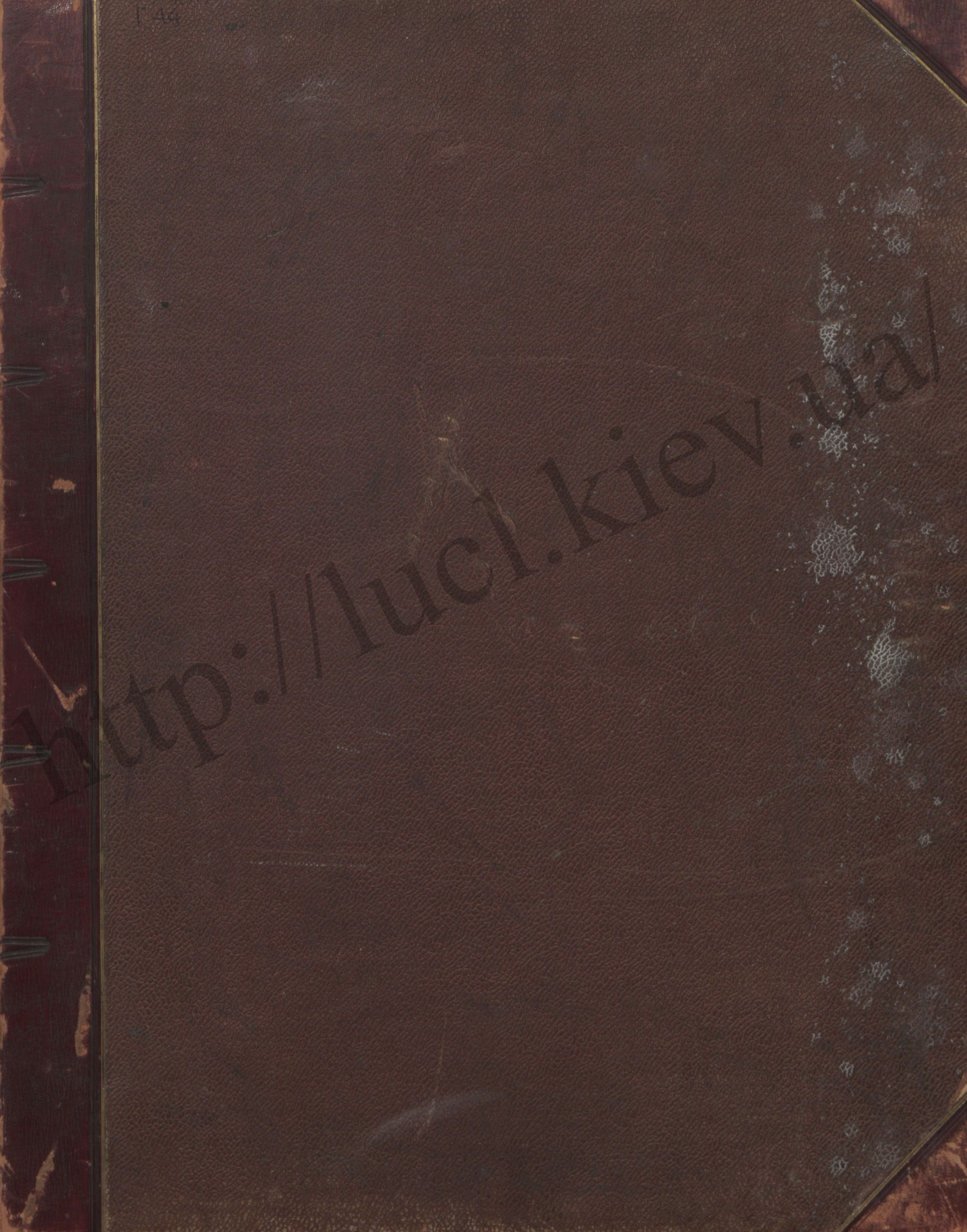

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Фаустъ

трагедія

Гёте

с рис. Энгельберта Зейбертца

Гёте.
Фаустъ.
Изданіе
А. Ф. Маркса.
въ
С.П.Б.

ТРАГЕДІЯ

ГЁТЕ

Переводъ А. ФЕТА.

Съ рисунками Энгельберта Зейбертца.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1899.

Дозволено цензурою, 24 ноября 1898 г. СПБ.

Типографія **А. Ф. Маркса,** Средн. Подьяч., д. № 1.

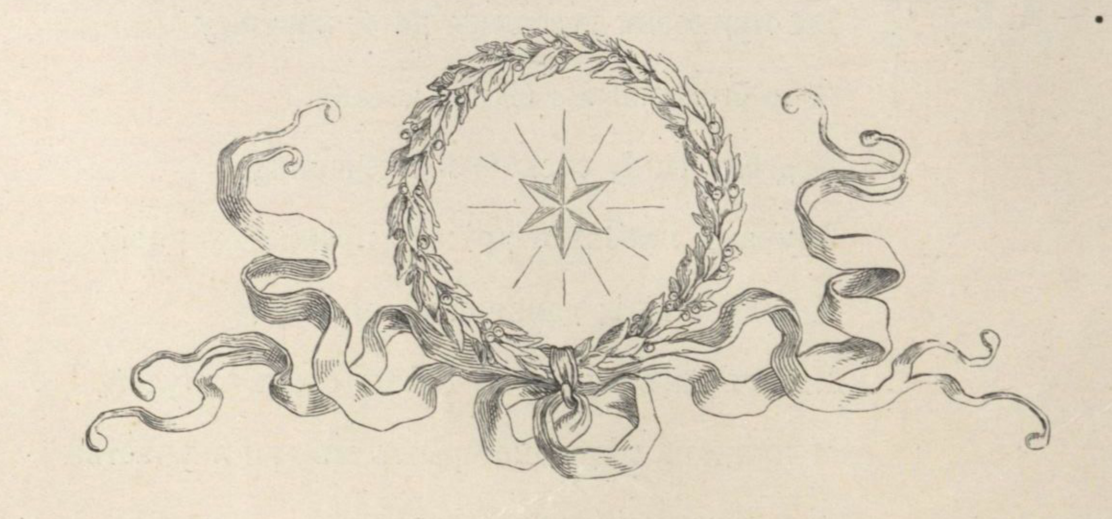

Вы вновь ко мнѣ, воздушныя видѣнья!
Давно знакомъ печальный съ вами взоръ!
Хочу ль теперь тѣ задержать волненья?
Иль сердцу милъ безумный сонъ съ тѣхъ поръ?
Вы принеслись! Я, полонъ умиленья,
Въ туманной мглѣ привѣтствую вашъ хоръ;
Трепещетъ грудь младенческими снами
Отъ волшебства, навѣяннаго вами.

Вы принесли веселыхъ дней картину
И много милыхъ ожило тѣней;
Подобно сагѣ, смолкшей вполовину,
Звучатъ любовь и дружба прежнихъ дней;
И больно мнѣ; давнишнюю кручину
Несетъ мнѣ жизнь со всѣхъ своихъ путей,
И кличетъ тѣхъ, которыхъ въ мигъ участья
И унесло и обмануло счастье.

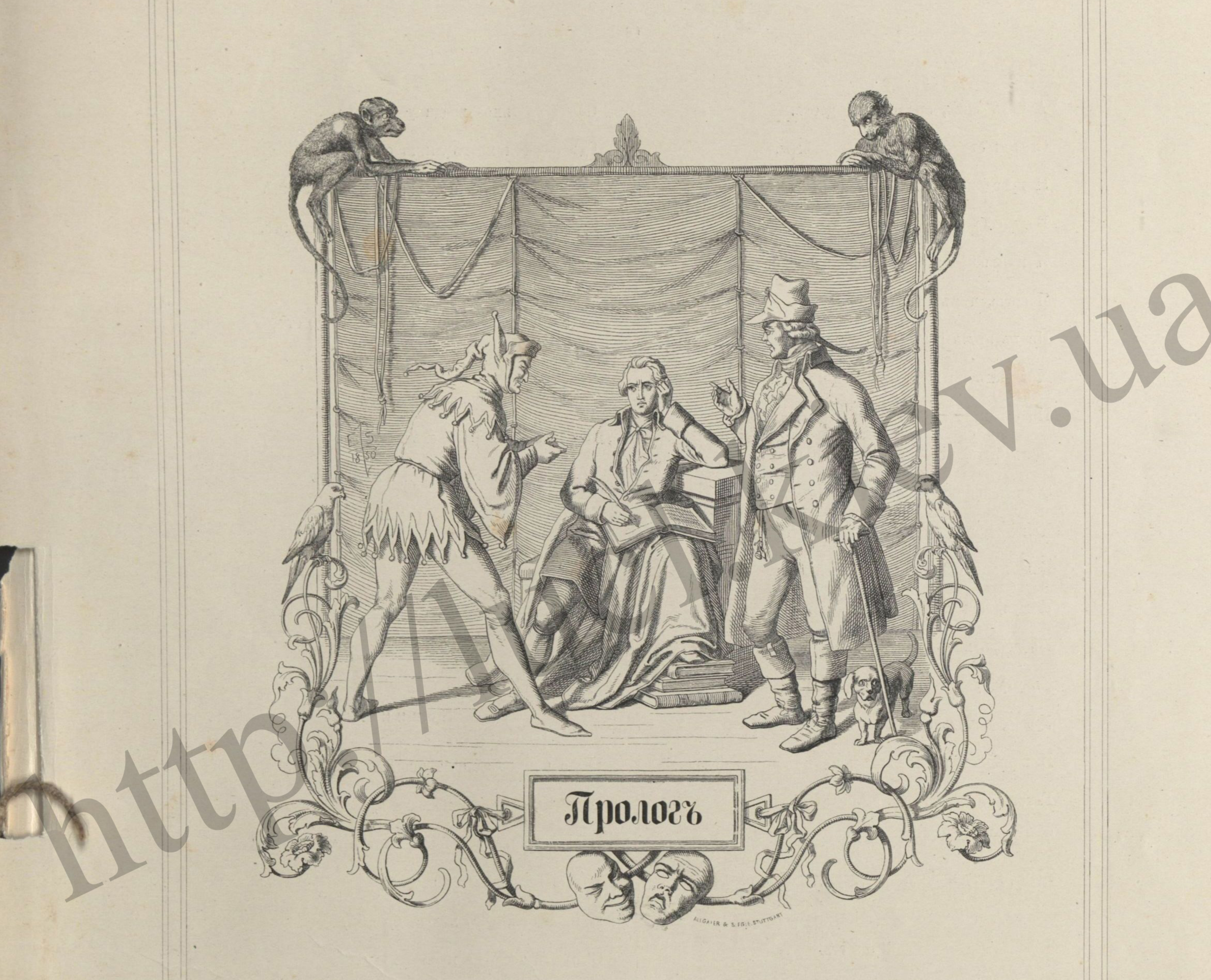
Имъ не слыхать послѣдующихъ пѣсенъ,
Всѣмъ тѣмъ, кому я первыя пѣвалъ;
Кружокъ привѣтный избранныхъ сталъ тѣсенъ
И отголосокъ первый отзвучалъ.
Кому пою, тотъ кругъ мнѣ неизвѣстенъ,
Его привѣтъ мнѣ сердце запугалъ;
А тѣ, чей слухъ мою и любитъ лиру,
Хотя въ живыхъ, разсѣяны по міру.

И вновь во мнѣ отвычное стремленье
Въ тотъ кроткій міръ, къ задумчивымъ духамъ;
Неясное подъемлю пѣснопѣнье
Подобное Эоловымъ струнамъ;
Проснулось въ строгомъ сердцѣ умиленье,
Невольно слезы слѣдуютъ слезамъ;
Все, чѣмъ владѣю, кажется мнѣ лживо,
А что прошло—передо мною живо.

ПРОЛОГЪ НА ТЕАТРѢ.

Gotz v. Berlichingen
Tasso

Директоръ, Поэтъ, Комикъ.

Директоръ.

Вы оба мнѣ уже не разъ
Въ нуждѣ и горѣ были братья,
Скажите, это предпріятье
Успѣшно ли пойдетъ у насъ?
Вѣдь на толпу поди-ка угоди ты,

А вѣдь живя, она и жить даетъ.
Столбы стоятъ и доски поприбиты,
И праздника невольно всякій ждетъ.
Вотъ собрались, сидятъ поднявши брови
И изумленья ждутъ, коли не крови.
Я знаю, чѣмъ народу угождать;
Но въ этотъ разъ меня сомнѣнья взяли.
Хоть ихъ не водится хорошимъ баловать,
Но страшно много всѣ читали.
Какъ быть, чтобъ вышло ново и свѣжо,
Значительно и вмѣстѣ хорошо?
Конечно, видѣть радъ я весь потокъ народа,
Какъ къ нашей лавочкѣ валитъ онъ такъ что страсть
И мучается тамъ у узенькаго входа
Въ дверь милосердія попасть.
Съ утра уже начнется страшной давкой
У кассы, чуть забрезжитъ свѣтъ.
И, какъ въ голодный годъ предъ хлѣбниковой лавкой,
Готовъ пропасть онъ за билетъ.
Такое чудо—дѣло рукъ поэта.
Мой другъ, прошу, сегодня сдѣлай это.

Поэтъ.

О, не кажи на пестрое движенье,
Въ которомъ духъ поэта не живетъ,
Скрой отъ меня все это треволненье,
Что насъ невольно мчитъ въ водоворотъ.
Нѣтъ, въ тихое введи уединенье,
Гдѣ радости поэтъ лишь обрѣтетъ,
Тамъ гдѣ любовь и дружба въ благостынѣ
Рукой боговъ приводятъ насъ къ святынѣ.

Ахъ! что лишь сердца глубина рождаетъ,
Что съ робостью лепечутъ лишь уста,
Что удалось и снова исчезаетъ
Суровый свѣтъ развѣетъ навсегда.
Нерѣдко лишь съ годами возникаетъ
Вся образовъ воздушныхъ полнота.
Блестящее на мигъ лишь создается,
Прекрасное въ вѣка передается.

Комикъ.

Мы о вѣкахъ здѣсь толковать отложимъ;
Потомки, я скажу, положимъ,
А современныхъ тѣшить какъ?
И имъ вѣдь хочется забавы;
И въ настоящемъ малый бравый,
Скажу я, тоже не пустякъ.
Кто ловокъ говорить съ толпой,
Тому хоть будь она еще въ причудахъ злобнѣй;
И нуженъ кругъ ему большой,
Чтобъ потрясать его удобнѣй.

Итакъ смѣлѣй, чтобъ вѣрно въ цѣль попасть;
Фантазіи весь хоръ намъ подавайте,
Пускайте умъ и разумъ, чувство, страсть,
А глупости, прошу, не забывайте!

Директоръ.

Но дѣйствію ты долженъ дать кипѣть!
Идутъ смотрѣть, такъ было бъ что смотрѣть,
Коль ты въ глаза бросаешься жестоко,
Чтобъ всякъ сидѣлъ разиня ротъ,
Ты тотчасъ захватилъ широко,
И ужъ привлекъ къ себѣ народъ.
На массы ты лишь массой повліяешь;
Всякъ что-нибудь на вкусъ отыщетъ свой.
Взявъ многое, ты многихъ одѣляешь;
Тогда доволенъ всякъ пойдетъ домой.
Разбей свой кусъ, чтобъ каждый видѣлъ крошку;
Имъ нравится глотать подобную окрошку,
Легко играть, легко и сочинять.
Какая польза, здѣсь имъ цѣлое давать!
Вѣдь публика же все расщиплетъ понемножку.

Поэтъ.

Вамъ не понять, къ чему тутъ ремесло ведетъ!
Художнику оно позоръ неотразимый!
А пачкотня такихъ господъ,
Какъ вижу, ужъ у васъ максимой.

Директоръ.

Не ляжетъ твой упрекъ на совѣсти моей.
Кто хочетъ дѣйствовать вѣрнѣй,
И долженъ выбирать орудіе прямое.
Подумай, вѣдь колоть то дерево гнилое,
Взгляни-ко, для кого писать!
Пришли: тотъ скуку разогнать,
Изъ-за стола поднялся объѣдало,
А вѣдь иной, легко сказать,
Пришелъ отъ чтенія журнала.
Идутъ разсѣянно они какъ въ маскарады,
Полюбопытствовать изъ креселъ и изъ ложъ;
И дамы показать себя, свои наряды,
Безденежно играютъ тожъ.
На высяхъ что мечтать, поэтъ-владыко?
Наполненный театръ порадуетъ ли васъ?
На покровителей взгляни-ко!
То сущій ледъ, то дикари подчасъ.
За карты сѣсть одни мечтаютъ молодцы,
Тотъ до продажной добѣжать постели.
Чего жъ вамъ, бѣдные глупцы,
Прекрасныхъ музъ терзать для этой цѣли?
Давайте больше, больше,—вамъ твержу одно,

Отъ этого никакъ не уклоняйтесь.
Лишь съ толку сбить людей старайтесь,
А угодить имъ мудрено. —
Чѣмъ полонъ ты? восторгомъ иль слезами?

Поэтъ.

Ступай, ищи другихъ рабовъ!
Какой поэтъ права свои готовъ,
То право человѣка, что дано
Природою ему, попрать ногами?
Чѣмъ властвуетъ онъ надъ сердцами?
Чѣмъ примиряетъ все въ одно?
Не тѣмъ созвучьемъ ли, что изъ груди стремится,
Чтобъ съ цѣльнымъ міромъ въ сердце возвратиться?
Когда природа нити безконечной
Бездушное крутитъ веретено,
Когда всей пестрой, скоротечной
Толпиться твари суждено,
Кто все въ ряды текучіе ровняетъ,
Гдѣ все риѳмически плыветъ?
Кто частности въ священный хоръ скликаетъ,
Къ аккорду дивному зоветъ?
Кто въ бурю страсть влагаетъ роковую?
Даетъ задумчивость зарѣ?
Кто милой на стезю кидаетъ дорогую
Цвѣты, въ весенней ихъ порѣ?
Кто злачными, ничтожными листами
Заслугу чтитъ, сплетая ей вѣнецъ?
Кто на Олимпѣ правитъ и богами?
Мощь человѣка—лишь пѣвецъ.

Комикъ.

Такъ властью пользуйся своей,
Примись за творчество скорѣй,
Какъ за дѣла любовныя берутся.
Сначала встрѣтятся, прочувствуютъ, сойдутся,
Глядишь и заплелось, прикованъ нѣжный взоръ;
Все къ счастію пошло, а вдругъ наперекоръ;
Восторгъ въ груди, тутъ жди сердечныхъ ранъ,
И не оглянешься, а цѣлый ужъ романъ.
Обрадуй насъ ты пьесою такой!
Старайся почерпать изъ жизни-то людской!
Всѣ ей живутъ, не всѣмъ она извѣстна,
А гдѣ ни выхвати, повсюду интересна.
Картину пеструю при слабомъ освѣщеньи
И правды искорку при многомъ заблужденьи:
Такое пиво какъ сварить,
По вкусу будетъ всѣмъ, всѣмъ можно угодить.
Весь цвѣтъ сберется молодежи,
Чтобъ откровенья слово услыхать,
И въ каждомъ нѣжномъ сердцѣ тоже
Твое творенье будетъ грусть питать;

То то̀, то это станетъ пробуждаться,
И станетъ каждый самъ съ собой считаться.
Они еще не прочь и плакать, и смѣяться,
Имъ дорогъ и порывъ, ихъ привлекаетъ видъ:
Кто довершенъ, съ тѣмъ трудно управляться;
Кто развивается, за все благодаритъ.

Поэтъ.

Такъ вороти тѣ дни мнѣ снова,
Когда я самъ въ развитьи былъ,
Когда потокъ живого слова
За пѣспей пѣсню торопилъ,
Когда я видѣлъ міръ въ туманѣ,
Изъ ранней почки чуда ждалъ,
Когда я всѣ цвѣты срывалъ,
Что распускались на полянѣ.
Я былъ убогъ и какъ богатъ!
Алкая правды, такъ обману радъ.
Дай тотъ порывъ мнѣ безусловный,
Страданій сладостные дни,
И мощь вражды и пылъ любовный,
Мою ты молодость верни!

Комикъ.

Другъ, молодость тебѣ нужна,
Когда въ сраженьи мечъ надъ головой твоею,
Когда красавицъ—не одна,
А много кинулись на шею,
Когда за бѣгъ быстрѣйшій твой
Еще вдали вѣнецъ мелькаетъ,
Когда за пляской круговой
Всю ночь попойка ожидаетъ.
Но съ силою, съ умѣньемъ ударять
По всѣмъ струнамъ знакомымъ, неизмѣннымъ,
Цѣль самому себѣ избрать
И въ обаяньи сладостномъ витать
Ужъ долгъ велитъ вамъ, господамъ почтеннымъ,
И честь отъ васъ нимало не отходитъ.
Не къ дѣтству старость можетъ возвращать,
Она лишь насъ вполнѣ дѣтьми находитъ.

Директоръ.

Довольно на словахъ считаться,
Пора бы дѣло увидать;
Чѣмъ въ комплиментахъ разливаться,
Могли бъ полезное создать.
Что толковать о вдохновеньи этомъ?
Не жди, хватай его сейчасъ.
Коль ты считаешься поэтомъ,
Такъ дай поэзіи приказъ.
Нашъ вкусъ довольно обнаруженъ,
Напитокъ самый крѣпкій нуженъ,
Вари сейчасъ, чтобъ былъ хорошъ!

Что нынче не сыскалъ и завтра не найдешь;
Пропалъ, кто день одинъ просрочитъ.
Одно возможное вездѣ
Хватаетъ сильный, пріурочитъ,
Тогда ужъ самъ бросать не хочетъ
И продолжаетъ, по нуждѣ.
Ты знаешь самъ, на нашихъ сценахъ
Свое всякъ тащитъ на показъ;
И не тужи на этотъ разъ
Ты о машинахъ, перемѣнахъ.
Большой и малый свѣтъ пускай ты произвольно,
На звѣзды тоже будь щедрѣй,
Воды, огня и скалъ довольно,
И хватитъ птицъ у насъ, звѣрей.
Такъ на подмосткахъ дай-ко вдругъ
Всего творенья полный кругъ,
И пробѣгай, насколько быстро надо,
Съ высотъ небесъ ты черезъ міръ до ада.

ПРОЛОГЪ НА НЕБѢ.

Engelbert Seibertz erf. u. gez.
Adrian Schleich gest
ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА. ВЪ СПБ.

Господь.—Небесныя Силы.—
Затѣмъ Мефистофель.

Три Архангела.

Рафаилъ.

Ликуетъ солнце какъ бывало,
Свой голосъ въ хоръ міровъ неся,
Не уклонилася нимало
Его громовая стезя.
Сей видъ возноситъ херувима,
Твоихъ твореній безъ числа
Краса для всѣхъ непостижима,
И все какъ въ первый день свѣтла.

Гавріилъ.

И съ быстротою вѣской мочи
Земли кружится красота,
То вся покрыта мракомъ ночи,
То райскимъ свѣтомъ залита;
И пѣнясь моря волны рвутся,
Что бъ со скалою въ бой идти,
И море и скала несутся
Стремглавъ по вѣчному пути.

Михаилъ.

И бури вѣчныя бушуютъ
Къ морямъ съ земли, къ землѣ съ морей,
И цѣпь вліяній образуютъ
Живой подвижностью своей.
И все спаля и уничтожа,
Прогрохотавшій гаснетъ громъ.

Но мы, Твои посланцы, Боже!
Твой кроткій день мы воспоемъ.

Всѣ три.

Сей видъ возноситъ херувима,
Твоихъ твореній безъ числа
Краса для всѣхъ непостижима
И все какъ въ первый день свѣтла.

Мефистофель.

Когда, Господь, ты вновь доступенъ намъ
И самъ спросилъ, какъ тамъ у насъ ведется,
И милостивъ ко мнѣ обычно самъ,
То съ челядью и мнѣ предстать придется.
Прости! отъ громкихъ словъ не жду успѣха,
Хоть попади у всѣхъ я на языкъ. —
Мой паѳосъ лишь тебѣ бъ надѣлалъ смѣха,
Когда бъ ты самъ отъ смѣха не отвыкъ.
О солнцѣ, о мірахъ мнѣ вовсе неизвѣстно,
Я вижу лишь, что человѣку тѣсно.
Сей мелкій богъ земли сталъ на одну ступень
И страненъ, какъ и въ первый день.
И отъ того бѣда надъ нимъ стряслася эта,
Что призракъ далъ ему небеснаго ты свѣта;
Его онъ разумомъ зоветъ и съ нимъ готовъ
Звѣроподобнѣе явиться всѣхъ скотовъ.
Коль вашей милости угодно,
Живетъ съ цикадою онъ длинноногой сходно,
Что, подлетая, подскакнетъ
И тотчасъ же въ травѣ все старое поетъ.
И хоть лежалъ бы ужъ въ травѣ-то безъ вопроса!
А то вѣдь дряни нѣтъ, куда бъ не сунулъ носа.

Господь.

Иль ты сказать другого не имѣешь?
Иль только осуждать умѣешь?
Земля хоть разъ тебѣ понравиться могла бъ.

Мефистофель.

Помилуй Господи! Но міръ нашъ плохъ и слабъ.
Мнѣ жаль людей, и я, при ихъ терзаньи,
Самъ мучить ихъ не въ состояньи.

Господь.

Ты знаешь Фауста?

Мефистофель.

Докторъ онъ?

Господь.

Мой рабъ!

Мефистофель.

Не какъ другой тебѣ онъ угождаетъ.
Чудакъ все неземнымъ однимъ себя питаетъ.
Броженіемъ его уноситъ неизмѣнно,
Свое безумство онъ едва ли сознаетъ;
Давай ему звѣзды небесной непремѣнно,
Земля неси ему свой лучшій плодъ,
И все, что близко или отдаленно,
Никакъ въ немъ жажды не зальетъ.

Господь.

Хоть смутно онъ мнѣ служитъ, но въ концѣ
Его на свѣтъ я выведу блестящій.
Вѣдь узнаетъ садовникъ въ деревцѣ
Грядущій цвѣтъ, прекрасный плодъ сулящій.

Мефистофель.

Бьюсь объ закладъ, что онъ для васъ пропащій,
Лишь дайте власть въ моемъ лицѣ
Повесть его дорогой настоящей!

Господь.

Пока съ земли онъ не сойдетъ,
То я тебѣ не возбраняю.
Блуждаетъ человѣкъ, пока живетъ.

Мефистофель.

Благодарю на этомъ; не желаю
Я съ мертвыми возиться никогда.
Съ румянцемъ щеки — вотъ моя среда.
Покойникомъ меня ужъ не прельстишь;
Я такъ люблю, какъ кошка любитъ мышь.

Господь.

Ну, хорошо; теперь ты власть имѣешь!
Сбей этотъ духъ съ живыхъ его основъ
И низведи, коль съ нимъ ты совладѣешь,
Его до низменныхъ круговъ.
Но устыдись, узнавъ когда-нибудь,
Что добрый человѣкъ въ своемъ стремленьи темномъ
Найти сумѣетъ настоящій путь.

Мефистофель.

Прекрасно. Въ ожиданьи скромномъ,
Я въ выигрышѣ буду преогромномъ.
Когда дойду до цѣли я,
Вотъ хохотать-то мнѣ придется.
Онъ пыли въ сласть же насосется,
Какъ тетушка моя, почтенная змѣя.

Господь.

И вновь явись. Таких какъ ты пускаютъ.
Не гналъ я васъ отъ моего лица.
Изъ духовъ всѣхъ, что отрицаютъ
Скорѣе всѣхъ терплю я хитреца.
Слабъ человѣкъ, на трудъ идетъ не смѣло,
Сейчасъ готовъ лелѣять плоть свою;
Вотъ я ему сопутника даю,
Который бы, какъ чортъ, дразнилъ его на дѣло.
Вы жъ, дѣти божьяго избранья,
Любуйтесь красотой созданья!
Все, что въ бываньи движетъ и живитъ,
Пусть гранію объемлетъ васъ любовной,
И что въ явленьи призракомъ паритъ
Скрѣпляйте мыслью безусловной.

(Небо закрывается, Архангелы разсѣеваются).

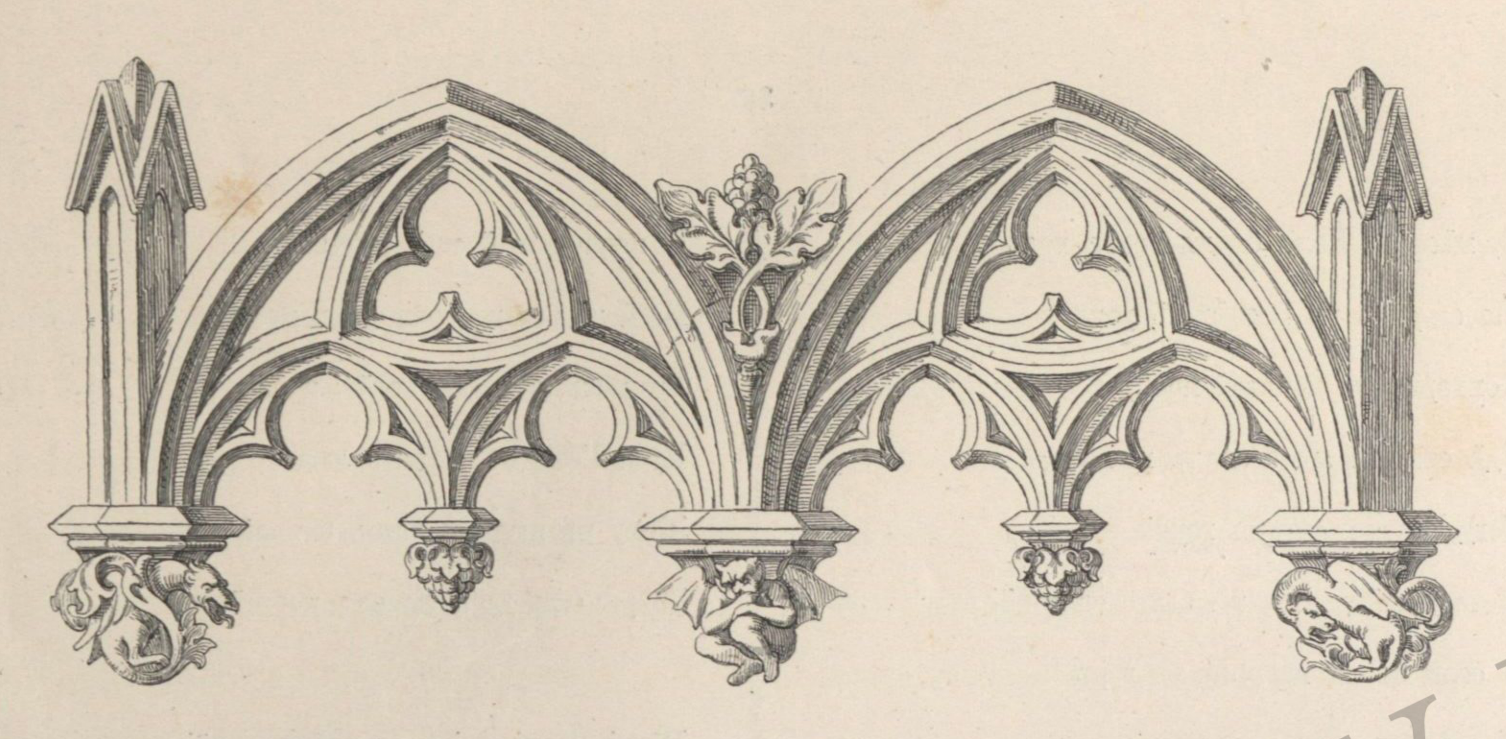
Мефистофель (одинъ).

Радъ видѣть старика я хоть на мигъ одинъ,
Боюсь въ немилость впасть конечно.
Прекрасно, что такой великій господинъ
И съ чортомъ рѣчь ведетъ такъ человѣчно.

ТРАГЕДІИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Ночь.

Тѣсная, готическая комната съ высокими сводами.

Фаустъ (въ безпокойствѣ, на своемъ креслѣ у конторки).

Ахъ, и философовъ-то всѣхъ,
И медицину, и права,
И богословіе, на грѣхъ,
Моя изучила вполнѣ голова;
И вотъ стою я, бѣдный глупецъ!
Какимъ и былъ, не умнѣй подъ конецъ;
Магистромъ, докторомъ всякій зоветъ,
И за носъ таскать мнѣ десятый ужъ годъ
И вверхъ и внизъ, и вкривь и вкось
Учениковъ своихъ далось. —
И вижу, что знать ничего мы не въ силахъ!
Отъ этого кровь закипаетъ въ жилахъ.
Я точно ученѣе всѣхъ этихъ глупцовъ,
Магистровъ, писцовъ, докторовъ и поповъ;
Смущаться сомнѣньемъ мнѣ больше не надо,
Не стану бояться я чорта и ада.
Зато и отрады ни въ чемъ не встрѣчаю,
Не мню я, что нѣчто хорошее знаю,
Не мню, что чему-то могу поучать,
Людей исправлять и на путь наставлять.
Ни денегъ не нажилъ, ни благъ иныхъ,
Ни славы, ни почестей мірскихъ;
Собака бъ не стала такъ жить, какъ я маюсь!
Поэтому къ магіи я обращаюсь,
Не изречетъ ли мощный духъ
Какой-нибудь мнѣ тайны вслухъ;
Чтобъ пересталъ я твердить, кряхтя,
Другимъ, чего не знаю я;
Чтобъ позналъ я, чѣмъ вполнѣ
Міръ связанъ въ тайной глубинѣ,
Чтобъ силы мнѣ предстали сами,
А не возился бы я надъ словами.

О, мѣсяцъ! Если бъ въ этотъ часъ
Ты озарялъ въ послѣдній разъ
Конторку въ комнатѣ моей,
Гдѣ столько я не спалъ ночей!
Тогда надъ книгами горой,
Печальный другъ, ты былъ со мной!
О если бъ на вершинахъ горъ
Я свѣтомъ могъ насытить взоръ,
Средь духовъ вкругъ пещеръ носиться,
Въ лугахъ, въ лучахъ твоихъ томиться,
Отъ чада знанья облегченный,
Въ твоей росѣ возобновленный!

Увы! не въ той же ль я тюрьмѣ?
Нора, въ которой душно мнѣ,
Гдѣ даже свѣтъ небесъ дневныхъ
Тускнѣй отъ стеколъ расписныхъ!
Стѣсненный этой грудой книгъ,
Что точитъ червь, гнѣздясь въ пыли,
Гдѣ вверхъ до сводовъ до самихъ
Бумаги въ копоти легли;
Вездѣ бутыли у шкаповъ
И инструменты по стѣнамъ,
Межъ нихъ набитъ старинный хламъ —
И вотъ твой міръ! вотъ міръ каковъ!

Спрошу ль, зачѣмъ такъ сердце вдругъ
Пугливо застучится въ грудь?
И непонятный мнѣ недугъ
Всей жизни преграждаетъ путь?
Взамѣнъ природы всей живой,
Куда Господь послалъ людей,
Живу въ пыли я лишь гнилой
Звѣриныхъ да людскихъ костей.

Бѣги! Воспрянь! и въ свѣтъ иной!
И развѣ эта книга вотъ,
Что Нострадамуса рукой
Написана, — не поведетъ?
Тогда познаешь ходъ планетъ,
Природою руководимъ,
И сила духа дастъ отвѣтъ,
Какъ духъ бесѣдуетъ съ другимъ.
Напрасно трезвымъ здѣсь умомъ
Святые знаки разъяснять:
Вы, духи! вьетесь здѣсь кругомъ;
Отвѣтьте, коль могли вы внять!

(Открываетъ книгу и видитъ знакъ макрокосма.) [1]

О! что за радость этотъ видъ исторгъ
Изъ всей души покорной этимъ силамъ!
Я слышу, юный и святой восторгъ
Течетъ по нервамъ у меня и жиламъ.
Не богъ ли эти знаки начерталъ,
Что бурю сердца укрощаютъ,
Его отрадой наполняютъ,

И тайной властію началъ
Природы силы вдругъ предъ взоромъ обнажаютъ?
Не богъ ли я? Все ясно наконецъ
Въ чертахъ я сихъ читать умѣю.
Природы творчество передъ душой моею.
Теперь я понялъ, что̀ сказалъ мудрецъ:
«Не міръ духовъ намъ запертъ властный,
Твой смыслъ закрытъ. — Но ты прозри,
Встань, ученикъ! Омой, несчастный,
Земную грудь въ лучахъ зари!»

(Онъ разсматриваетъ знакъ.)

Какъ все слилося здѣсь въ одномъ,
Какъ все живетъ одно въ другомъ!
Какъ вверхъ и внизъ здѣсь силы неземныя
Несутъ другъ другу ведра золотыя,
На крыліяхъ перелетаютъ,
Съ небесъ сквозь землю проникаютъ
И все созвучьемъ наполняютъ!
Какое зрѣлище! Лишь зрѣлище, увы!
Природы силы, гдѣ же вы?
Гдѣ, груди, вы? Источникъ жизни каждой,
Къ которому земля и небо льнетъ,
Куда всего меня влечетъ! —
Ты всѣхъ поишь, что жъ я томлюся жаждой?

(Онъ нетерпѣливо раскрываетъ книгу въ другомъ мѣстѣ и видитъ знакъ духа земли.)

Совсѣмъ не такъ на этотъ знакъ смотрю!
Ты, духъ земли, ты мнѣ роднѣе;
Себя я чувствую сильнѣе,
Я словно отъ вина горю;
Я мужество почуялъ молодое,
Сносить и скорбь и счастіе земное,
Сражаться съ бурею морскою,
Подъ трескъ крушенья не слабѣть душою.
Тускнѣетъ надо мной —
Луна свой прячетъ свѣтъ —
Лампада меркнетъ!
Чадѣетъ! — Красные лучи дрожатъ
Вкругъ головы моей! — Со сводовъ
Какой-то дрожью вѣетъ
И обдаетъ меня!
Ты рѣешь, духъ желанный, чую я:
Откройся!
Ахъ! какъ стѣснилась грудь моя!
Для новыхъ движеній
Я полонъ волненій!
Всѣ сердца порывы къ тебѣ стремятся!
Явись! Явись! Хоть съ жизнью пришлось бы
разстаться!

(Онъ беретъ книгу и таинственно произноситъ знакъ духа. Красное пламя вздрагиваетъ и *духъ* является въ пламени.)

Духъ.

Кто звалъ меня?

Фаустъ (отворачиваясь).

Ужасныя черты!

Духъ.

Ты влекъ меня въ сильнѣйшей мѣрѣ,
И долго льнулъ къ моей ты сферѣ,
И вотъ —

Фаустъ.

Ахъ! нестерпимъ мнѣ ты!

Духъ.

Ты звалъ, алкалъ подъ страстный лепетъ
Услышать мой голосъ и ликъ видѣть мой;
Я тронулся твоей мольбой,
Вотъ я! — Какой позорный трепетъ,
О, полубогъ, тебя объялъ?
Гдѣ грудь, въ которой міръ ты цѣлый создавалъ,
Носилъ, вмѣщалъ, гордясь мечтой любовной
Возвыситься до насъ, до высоты духовной?
О, гдѣ ты, Фаустъ! чей зовъ ко мнѣ звучалъ,
Котораго ко мнѣ порывъ всесильный мчалъ?
Ты ль здѣсь, объятъ моимъ дыханьемъ,
Вдругъ сталъ трепещущимъ созданьемъ,
Подобьемъ слабаго червя?

Фаустъ.

Ликъ огненный, смущусь ли я душою?
Я точно Фаустъ, и равенъ я съ тобою.

Духъ.

Въ бурѣ дѣяній, въ волнахъ бытія
Бродящая сила,
Кружусь на просторѣ,
Рожденье, могила
И вѣчное море,
За смѣной другая,
И жизнь огневая,
Основу у времени шумно сную,
Живой я покровъ божества создаю.

Фаустъ.

Носящійся надъ бездной міровой,
Духъ дѣятель, какъ родственъ я съ тобой!

Духъ.

Съ тѣмъ равенъ бываешь, кого постигаешь,
Не ты со мной!
(Исчезаетъ.)

Фаустъ (содрогаясь).

И не съ тобой?
Такъ съ кѣмъ же?
Я, образъ божества!
И даже не съ тобой!
(Стучатъ.)

Смерть! узнаю, — мой фамулусъ опять;

Engelbert Seibertz erf. u. gez. Adrian Schleich gest.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА, ВЪ СПБ.

Прощай все счастіе мгновенья!
Вѣдь нужно жъ эту мощь видѣнья
Сухому шатуну прогнать!

Вагнеръ въ халатѣ и колпакѣ, съ лампой въ рукѣ.

Фаустъ отворачивается.

Вагнеръ.

Простите! декламировали, мнилось,
По греческой трагедіи вы? — Вотъ
Такое бъ мнѣ искусство пригодилось,
Ему теперь большой почетъ.
Слыхалъ я мнѣнье, да и всякій скажетъ,
Иной актеръ священнику укажетъ.

Фаустъ.

Да, ежели священникъ самъ актеръ;
Какъ это иногда бываетъ.

Вагнеръ.

Ахъ! кто сидитъ, вперяя въ книгу взоръ,
И міръ едва по праздникамъ видаетъ,
Лишь издали, въ трубу глядя глазами,
Какъ станетъ міръ онъ убѣждать словами?

Фаустъ.

Чего въ насъ нѣтъ, намъ не поймать, мой милый!
Не изъ груди оно течетъ,
Откуда съ первобытной силой
У слушателя къ сердцу льнетъ.
Вамъ вѣкъ сидѣть въ трудѣ безслѣдномъ,
Въ чужихъ объѣдкахъ видѣть прокъ,
Стараясь въ вашемъ пеплѣ бѣдномъ
Раздуть убогій огонекъ!
У обезьянъ, да у ребятъ возбудишь
Восторгъ, — коль въ этомъ вкусъ нашелъ;
А сердца льнуть ты къ сердцу не принудишь,
Коль не отъ сердца ты изшелъ.

Вагнеръ.

Но дикція — оратора спасенье.
Самъ чувствую, отсталъ я, безъ сомнѣнья.

Фаустъ.

Къ чему при честной цѣли шумъ!
Зачѣмъ шутомъ съ гремушкой быть?
Съ искусствомъ малымъ здравый умъ
Себя сумѣетъ заявить.
И если подлинно есть что̀ сказать,
Зачѣмъ мудреныхъ словъ искать?
Да, ваши рѣчи съ яркой мишурой,
Глаза лишь людямъ отводящей,
Безплодны, какъ осеннею порой
Туманный вѣтръ, въ сухой листвѣ шумящій!

Вагнеръ.

О, Боже! жизнь кратка, — межъ тѣмъ
Искусство долго въ изученьи.
Я при своемъ критическомъ стремленьи
Пугаюсь иногда совсѣмъ.
Источники, какіе и найдешь,
Чтобъ пріобрѣсть, какъ трудно достается!
Полупути пожалуй не пройдешь,
А бѣдняку и умереть придется.

Фаустъ.

Ужель пергаментъ кладезь тотъ священный,
Что въ силахъ жажду навсегда залить?
Лишь изъ души отрадою нетлѣнной
Возможно душу утолить.

Вагнеръ.

Позволь! Такъ радостно, признаться,
Въ духъ прошлыхъ лѣтъ переселяться,
И видѣть, что̀ до насъ писалъ мудрецъ, —
И какъ мы далеко ушли-то наконецъ.

Фаустъ.

О! Далеко. До звѣздъ самихъ!
Для насъ, мой другъ, чреда вѣковъ былыхъ
Есть книга за семью печатьми.
Что̀ духомъ тѣхъ вѣковъ слыветъ,
То въ сущности духъ самыхъ тѣхъ господъ,
А въ немъ вѣка должны признать мы.
Тутъ больше грустнаго, чѣмъ срама.
Посмотришь, — жаль, что не бѣжалъ давно;
Помойное ведро, чуланъ для хлама,
И много что событіе одно, —
Съ прекрасной прагматической максимой,
Ни съ чѣмъ въ устахъ у куколъ несравнимой!

Вагнеръ.

Однако міръ и духъ-то нашъ познать!
Вѣдь каждаго изъ насъ прельщаетъ.

Фаустъ.

Да, что̀ зовется познавать!
Кто вещи звать ихъ именемъ дерзаетъ?
Того, кто что-нибудь да зналъ
И, сердцу въ простотѣ душевной давъ свободу,
Свои воззрѣнія и чувства несъ народу,
Народъ же изгонялъ всегда, да распиналъ.
Любезный другъ, прости, давно ужъ ночь,
Пора разстаться позднею порою.

Вагнеръ.

А я не спать и долѣ бы не прочь,
Чтобъ такъ учено толковать съ тобою.
Но завтра, ради праздника Христова,

Про то и се позволь спросить мнѣ снова.
Ученый трудъ давно себѣ усвоя,
Хоть много знаю,—знать хотѣлъ бы все я.
(Уходитъ.)

Фаустъ.

Какъ въ головѣ надежда не проходитъ,
Когда иной пустому только радъ,
Рукою жадно роетъ кладъ,
А дождевыхъ червей находитъ!

Какъ смѣетъ рѣчь людская здѣсь звучать,
Гдѣ мощный духъ сказался мнѣ тревогой?
Но ахъ! спасибо, въ этотъ разъ, сказать
Я долженъ и тебѣ, бѣднякъ убогой.
Ты спасъ меня въ ужасный этотъ мигъ,
Какъ я едва съ разсудкомъ не разстался.
Такъ исполински образъ сей возникъ,
Что самъ себѣ я карликомъ казался.

Я, образъ божества, когда
Передъ зерцаломъ правды вѣчной
Я мнилъ, въ отрадѣ безконечной,
Стряхнуть земное навсегда;
Я, выше херувимскихъ силъ
Мечтавшій всюду разливаться
И творчески съ небесными равняться,—
Какъ тяжело я долженъ разсчитаться!
Ты словно громъ меня сразилъ.
Съ тобою мнѣ равняться не пристало.
Хоть силъ во мнѣ призвать тебя достало,
Но удержать тебя не стало силъ.
Я былъ въ тѣ чудныя мгновенья
Въ душѣ такъ малъ и такъ высокъ;
Ты вновь столкнулъ безъ сожалѣнья
Меня въ людской, невѣрный рокъ.
Кто скажетъ мнѣ: куда стремить желанья?
За тѣмъ порывомъ, иль назадъ?
Ахъ! наши дѣйствія, равно какъ и страданья,
Ходъ нашей жизни тормозятъ.

Къ высокому, что̀ въ духѣ обрѣтаемъ,
Все чуждое помалу пристаетъ;
Когда земного блага достигаемъ,
Все лучшее мечтой у насъ слыветъ.
Святыя чувства жизненныхъ стремленій
Коснѣютъ средь житейскихъ треволненій.

Хотя сперва, въ порывѣ молодомъ,
Мечта рвалась взлетѣть надъ сферой звѣздной,
Теперь ей кругъ очерченъ небольшой,
Когда за счастьемъ счастье взято бездной.
Забота тотчасъ въ сердце западаетъ,
Въ немъ тайныя страданья порождаетъ,
И разрушая радость и покой
Все маской прикрывается другой:

Домъ, дворъ, жена и дѣти насъ дурачатъ,
Вода, огонь, кинжалъ и ядъ,
Что̀ не грозитъ—предъ тѣмъ дрожатъ,
И то, чего не потерять, — оплачутъ.

Богамъ не равенъ я! Глубоко въ томъ сознаюсь;
Я равенъ червяку, я въ прахѣ пресмыкаюсь.
Его, возросшаго, живущаго въ пыли,
Стираетъ путника ступня съ лица земли.

Не прахъ ли—что̀ съ высокихъ стѣнъ
Здѣсь грудь стѣсняетъ мнѣ до боли,
Что̀ здѣсь гнететъ меня какъ тлѣнъ
Въ жилищѣ копоти и моли?
Найду ли здѣсь, чего искалъ,
Хоть въ тысячахъ бы книгъ я убѣждался,
Что человѣкъ всегда страдалъ,
Что изрѣдка счастливецъ выдавался?—
Что̀ скалишься такъ, черепъ ты пустой?
Что мозгъ твой, какъ и мой, былъ полнъ смущенья,
Что дня искалъ ты въ темнотѣ густой,
И, алча правды, зналъ лишь заблужденья!
Вы, инструменты, кубы горбачи,
Колеса, гребни, на смѣхъ знать вы были.
Стоя у вратъ, я видѣлъ въ васъ ключи,
Бородки ваши ничего не вскрыли.—
Таинственна средь бѣла дня,
Природа не даетъ покровъ свой снять руками,
И то, чего она не вскроетъ для меня,
Винтами выдавить нельзя да рычагами.
Ты, старый хламъ, мной сбереженъ ты весь,
Ты послужилъ отцу, но мнѣ не могъ годиться.
Ты, старый свитокъ, ты коптишься здѣсь,
Съ тѣхъ поръ, какъ на столѣ лампада тутъ дымится.
Не лучше ль было бъ мнѣ всю эту дрянь прожить,
И не потѣть всю жизнь надъ малымъ! Что̀ имѣешь,
Что̀ могъ ты отъ отца въ наслѣдство получить,
Пріобрѣти его — и имъ ты овладѣешь.
Насъ давитъ то, чего нельзя употребить;
Лишь въ томъ, что̀ создалъ мигъ, ты пользу возымѣешь.

Но отчего мой взоръ къ той точкѣ прилѣпился?
Ужель тотъ пузырекъ для глазъ моихъ магнитъ?
Зачѣмъ весь міръ вокругъ внезапно озарился,
Какъ въ часъ, когда луной полночной лѣсъ залитъ?

Привѣтъ тебѣ, о склянка дорогая!
Благоговѣйно чту тебя, снимая!
Въ тебѣ дивлюсь людскому я уму.
Ты усыпительница мукъ несносныхъ,
Ты выжимокъ всѣхъ соковъ смертоносныхъ,
Иди служить владѣльцу своему!
Тебя я вижу — и слабѣй страданья,
Тебя беру — и никнутъ всѣ желанья,
Отливъ волны духовной настаетъ.

Меня влечетъ морская вдаль пучина,
У ногъ моихъ зеркальная равнина,
На новый берегъ новый день зоветъ.

Я огненную вижу колесницу
Сходящую! — и я готовъ душой
Перелетѣть эѳирную границу
Къ дѣяньямъ чистымъ сферы неземной.
И это счастье жизни богоравной,
Недавній червь, ты могъ бы заслужить?
Лишь къ солнцу, милому недавно,
Дерзни ты спину обратить!
Отважься только въ тѣ врата ворваться,
Которыхъ всякъ бѣжитъ невольно самъ.
Пора тому на дѣлѣ оправдаться,
Что сильный не уступитъ божествамъ.
Не трепетать предъ мрачной той пещерой,
Куда мечта на казнь себя ведетъ,
Въ тотъ переходъ пуститься съ вѣрой,
Гдѣ цѣлый адъ предъ устьемъ тѣснымъ ждетъ;
На шагъ такой съ улыбкою рѣшиться,
Хотя бъ затѣмъ пришлось въ ничто разлиться.

Теперь сойди, хрустальная ты чара,
Изъ своего стариннаго футляра,
Тебя я много лѣтъ позабывалъ!
Пиры отцовъ ты обходила,
Гостей угрюмыхъ веселила,
Когда тебя одинъ другому подавалъ.
Изображеній хитрыхъ блескъ и свѣтъ
И пьющихъ долгъ ихъ объяснять стихами
И пить до дна, не отольнувъ устами,—
Все въ память мнѣ съ пирушекъ юныхъ лѣтъ;
Теперь тебя не передамъ сосѣду,
И въ честь твою не разсмѣшу бесѣду;
Вотъ этотъ темный сокъ, который лью
Теперь въ тебя, мгновенно охмеляетъ.
Кто самъ готовилъ — избираетъ,
Чего душа въ послѣдній разъ алкаетъ,
Его въ честь утра праздничнаго пью!

(Подноситъ чашу къ устамъ.)

Звонъ колоколовъ и хоровое пѣніе.

Хоръ ангеловъ.

Христосъ воскресе!
Радость свободнаго
Отъ первороднаго
Грѣха народнаго
Міру дадеся!

Фаустъ.

Что такъ жужжитъ, какой веселый звонъ
Отъ устъ моихъ вдругъ чару отрываетъ?
Иль гулъ колоколовъ со всѣхъ сторонъ
О свѣтломъ праздникѣ вѣщаетъ?

Иль та же пѣснь, что пѣлъ ночной порой
Хоръ ангеловъ надъ сѣнью гробовой,
Союзъ намъ новый обѣщаетъ?

Хоръ женщинъ.

Благоуханія
Мы ему лили,
Полны рыданія,
Здѣсь положили.
Въ платъ изъ холста мы
Его облекли.
Ахъ! но Христа мы
Здѣсь не нашли.

Хоръ ангеловъ.

Христосъ воскресе!
Блаженъ тотъ преданный,
Кому извѣданный
И заповѣданный
Искусъ дадеся!

Фаустъ.

Зачѣмъ юдольнаго жильца
Искать вамъ здѣсь, святые звуки?
Звучите тамъ, гдѣ нѣжныя сердца.
Я слышу вѣсть, но съ вѣрой я въ разлукѣ;
Кто вѣритъ, жаждетъ чуда до конца.
Мой духъ летѣть въ тѣ сферы не дерзаетъ,
Откуда слышенъ вашъ привѣтъ;
Но этотъ звонъ, знакомый съ юныхъ лѣтъ,
Меня и нынѣ къ жизни призываетъ.
Въ субботней, помню, тишинѣ
Лобзанія небесъ слетали:
Тогда такъ вѣще мнѣ колокола звучали,
И такъ молиться сладко было мнѣ.
Въ порывахъ радостно могучихъ
Рвался въ лѣса я и поля
И новая, средь слезъ горючихъ,
Мнѣ открывалася земля.
Міръ дѣтскихъ игръ, не знающихъ искусства,
Пѣлъ въ этихъ звукахъ, вѣющихъ весной.
Я вспомнилъ все, — младенческое чувство
Послѣдній шагъ задерживаетъ мой.
О, лейся отзвукъ сладостно святого,
Слеза течетъ, землѣ я отданъ снова!

Хоръ учениковъ.

Коль погребенный
Взнесся надъ нами,
Преображенный
Жизни лучами,
Коли въ блаженствѣ весь
Онъ всесозданія,
Ахъ, на землѣ мы здѣсь

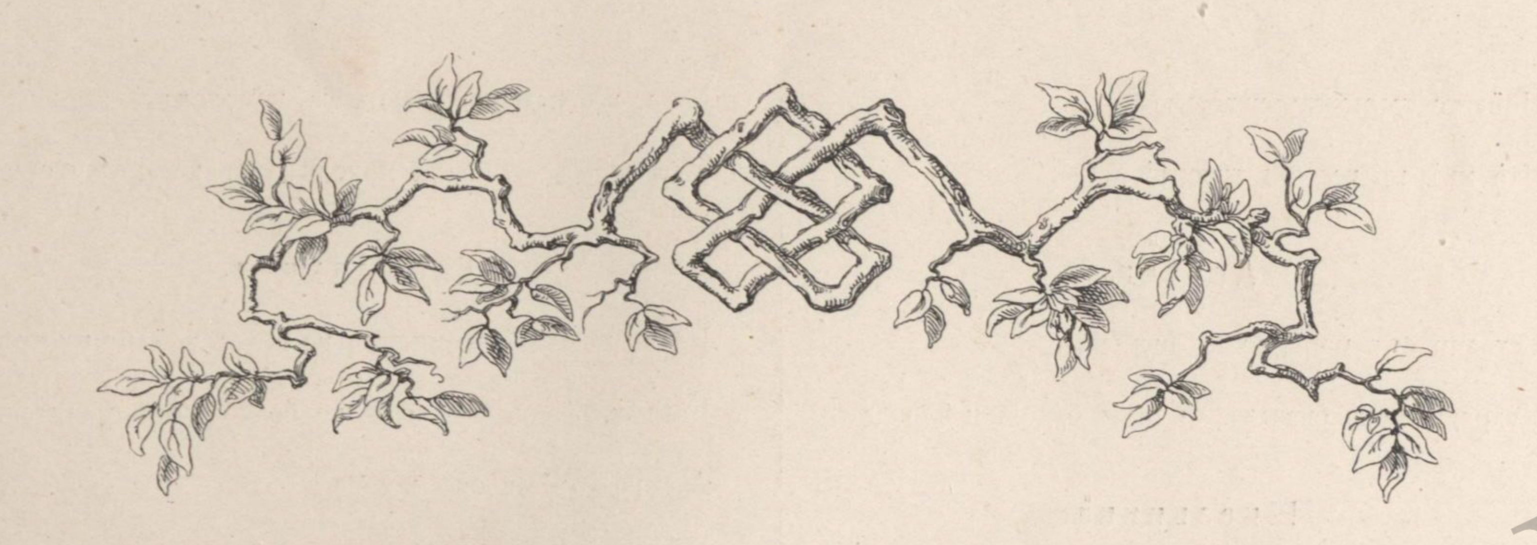

ALLGAIER & SIEGLE. STUTTGART.

Лишь для страданія.
Коль и въ обитель
Слезъ мы пойдемъ,
Жребій, учитель,
Твой воспоемъ!

Хоръ ангеловъ.

Христосъ воскресе!
Изъ лона тлѣнія
Вырвитесь здѣсе
Вы изъ плѣненія!
Вы его чтители,
Вѣры хранители,
Въ братствѣ сожители,
Тайнъ огласители,
Благовѣстители,
Близокъ учитель къ вамъ,
Съ вами онъ самъ.

За городскими воротами.

Проходятъ гуляющіе всякаго рода.

Мастеровые.

Зачѣмъ же тѣмъ путемъ?

Другіе.

Мы въ домъ охотничій идемъ.

Первые.

А мы на мельницу желаемъ прогуляться.

Мастеровой рабочій.

Къ прудамъ пройдитесь не спѣша.

Другой.

Дорога къ нимъ не хороша.

Вторые.

А ты куда?

Третій.

Съ другими поболтаться.

Четвертый.

Взберитесь-ко на Бургдорфъ; — тамъ всегда
И дѣвушки, и пиво хоть куда,
И драки перваго разбора.

Пятый.

Ты весельчакъ! Давно не битъ?
Иль кожа въ третій разъ зудитъ?
Туда я не пойду; боюсь я ихъ задора.

Служанка.

Нѣтъ, нѣтъ! я въ городъ ворочусь.

Другая.

Подъ тополями тамъ съ нимъ можемъ повстрѣчаться.

Первая.

Не много счастья въ томъ дождусь;
Къ тебѣ онъ только будетъ жаться,

Пойдете танцовать вдвоемъ.

Что̀ мнѣ въ веселіи твоемъ!

Другая.

Сегодня онъ навѣрно не одинъ.

Кудрявый, онъ сказалъ, съ нимъ будетъ и блондинъ.

Школьникъ.

Вишь, какъ шагаютъ дѣвки дружно!

Пойдемъ-ко, братъ! намъ провожать ихъ нужно.

Покрѣпче пиво, злой табакъ,

Да разодѣтая служанка,—вотъ-такъ та̀къ!

Дѣвушка горожанка.

Вишь, мальчики, не постыдятся!

И молодежь какая тутъ;

Могли бы въ обществѣ отборномъ обращаться,

А за служанками бѣгутъ!

Второй школьникъ (первому).

Не торопись! за нами двѣ!

Онѣ одѣты очень мило;

Моя сосѣдка въ томъ числѣ,

Она меня приворожила.

Идутъ неспѣшною стопой,

Пожалуй подъ конецъ и насъ возьмутъ съ собой.

Первый.

Нѣтъ, братъ! стѣсненья не люблю ни въ чемъ.

Скорѣй! упустимъ дичь! Мое такое мнѣнье,

Рука, которая въ субботу съ помеломъ,

Тебя всѣхъ ласковѣй похолитъ въ воскресенье.

Гражданинъ.

Нѣтъ, новый бургомистръ на вкусъ мой не годится!

Какъ выбрали, что день, то больше онъ кичится.

А городу чѣмъ онъ помогъ?

Не хуже ль съ каждымъ днемъ? признаться,

И больше прежняго велятъ повиноваться,

И больше прежняго налогъ.

Нищій (поетъ).

Такъ и румяны, и нарядны,

Вы, госпожи и господа,

Не будьте къ намъ душою хладны,

Взгляните, какова нужда!

Не дайте пѣть мнѣ тутъ напрасно;

Тотъ веселъ, кто даетъ другимъ.

Пусть день, для всѣхъ людей прекрасный,

Днемъ будетъ жатвеннымъ моимъ.

Другіе горожане.

Мнѣ въ праздникъ ничего такъ слушать не отрадно,

Какъ разговоръ о битвахъ и войнѣ,

Какъ въ Турціи, тамъ гдѣ-то въ сторонѣ,

Народы бьются безпощадно.

Стаканчикъ, подойдя къ окну, опорожнишь,

Внизъ барки по рѣкѣ глазами провожаешь;

Вернешься вечеромъ домой,—повсюду тишь,

И мирный вѣкъ благословляешь.

Третій гражданинъ.

Такъ, такъ, сосѣдъ! И я согласенъ въ томъ,

Пусть какъ хотятъ дерутся часто,

Пускай хоть все идетъ вверхъ дномъ,

Лишь будь попрежнему у насъ-то.

Старуха (дѣвушкамъ горожанкамъ).

Эхъ разодѣты! Молодо, свѣжо!

Ну кто на васъ не заглядится?

Лишь не кичитесь! Дайте срокъ, ужо
По мыслямъ вамъ могу я пригодиться.

Дѣвушка горожанка.

Агата! Ты отъ вѣдьмы этой прочь!
Чтобъ съ нею насъ толпа не увидала;
Хотя она въ Андреевскую ночь
Мнѣ суженаго чудно указала.

Другая.

Мнѣ показала моего
Въ стеклѣ,—такой солдатъ красивый;
Смотрю вокругъ, ищу его,
Не попадается спесивый!

Солдаты.

Крѣпостей твердыхъ,
Башнями въ поле,
Дѣвушекъ гордыхъ,
Взросшихъ на волѣ,
Мнѣ бы поболѣ!
Сколько отваги,
Сколько наградъ!

Будятъ и кличутъ
Трубные звуки,
Какъ на веселье,
Такъ и на муки.
Вотъ такъ живется!
Долго ль сбираться!
Дѣвушкамъ, башнямъ
Надо сдаваться.
Сколько отваги,
Сколько наградъ!
Вотъ и солдаты
Мимо спѣшатъ.

Фаустъ и Вагнеръ.

Фаустъ.

Ледъ вскрылся по рѣчкамъ, весна прилетѣла,
Кидая вокругъ оживляющій взоръ;
Въ долинахъ свѣжѣетъ зеленый коверъ;
Старуха зима бушевать ослабѣла
И скрылась въ ущелья суровыя горъ.
Оттуда она посѣваетъ ужъ намъ
Крупу ледяную, съ усильемъ несмѣлымъ,
Косыми грядами по свѣжимъ полямъ;
Но солнце ни съ чѣмъ не сживается съ бѣлымъ;
И всюду зачатки, все къ жизни стремится,
Все хочетъ въ окраскѣ живой возродиться.
Но въ полѣ цвѣтовъ еще нѣтъ никакихъ;
Нарядные люди теперь вмѣсто нихъ.
Вотъ съ этой только высоты
Взгляни назадъ на городъ ты:

Изъ мрачной глубины воротъ
Какъ движется пестро народъ.
Всякъ хочетъ погулять сегодня,
Въ день Воскресенія Господня.
Они и сами воскресли, глядишь,
Изъ низкихъ домишекъ, угловъ отсырѣлыхъ,
Изъ плѣна работъ въ мастерскихъ закоптѣлыхъ,
Да изъ-подъ гнета давящихъ крышъ.
Изъ улицъ, гдѣ не протѣснишься,
Изъ благодатной мглы церквей
На солнышко бѣгутъ скорѣй.
Смотри, смотри! какъ всѣ спѣшатъ разбиться
Въ поля иль въ садъ на бугорокъ,
Какъ вся рѣка и вдоль и поперекъ
Отъ лодокъ весело пестрится;
Въ послѣдней лодкѣ такъ насѣли,
Что чуть ко дну нейдетъ она,
И даже съ горныхъ тропъ отселѣ
Одежда пестрая видна.
Въ деревнѣ гамъ какой-то сбродный;
Вотъ настоящій рай народный,
Вопитъ и малый и большой,
Здѣсь человѣкъ я.—Здѣсь я свой.

Вагнеръ.

Вотъ съ вами, докторъ, прогуляться,
Тутъ и почетъ и польза есть;
Одинъ же здѣсь не могъ бы я остаться,
Я грубости не въ силахъ снесть.
Тутъ вой смычковъ невыносимъ для слуха,
И крикъ, и шумъ, и кегли тутъ;
Вопятъ, какъ будто бы во власти злого духа,
И это пѣніемъ зовутъ.

Крестьяне (подъ липкой).

Пляска и пѣнье.

Собрался къ танцамъ пастушокъ,
На немъ цвѣтной кафтанъ, вѣнокъ;
И на устахъ улыбка.
Подъ липкой было все полно,
Тамъ въ танцахъ бѣсятся давно.
Люли! люли!
Ахъ люшеньки! живѣй юли!
Такъ заливались скрипки.

Въ толпу проворно онъ влетѣлъ,
И локтемъ дѣвушку задѣлъ,
Не далеко отъ липки;
Та обернулася, глядитъ,
«Какъ это глупо», говоритъ,
Люли! люли!
Ахъ люшеньки! живѣй юли!
Ужъ черезчуръ вы прытки!

Но въ кругъ пускаются—и вотъ,
Направо, влѣво поворотъ,—
Подолъ летаетъ зыбкій.
Они краснѣютъ, духота,—
И отдыхаетъ ихъ чета;
Люли! люли!
Ахъ люшеньки! живѣй юли!
Онъ жмется къ ней съ улыбкой.

Не льните такъ—и безъ проказъ!
Божбой вводили ужъ не разъ
Невѣстъ своихъ въ ошибки!
Но въ даль уйти съ ней удалось,
И изъ-подъ липки къ нимъ неслось:
Люли! люли!
Ахъ люшеньки! живѣй юли!
И крикъ и звуки скрипки.

Старый крестьянинъ.

Вотъ, докторъ, добрый вы какой,
Что не побрезгали вы нами,
Многоученый мужъ такой,
А въ многолюдство вышли сами.
Ужъ кружку лучшую виномъ
Для васъ спѣшили мы налить.
О ней просія, скажу я вслухъ:
Ей мало жажду утолить,
Пусть сколько капель будетъ въ ней,
Вамъ пріумножится и дней.

Фаустъ.

Я подношу ее къ губамъ,
Спасибо! и во здравье вамъ!

Народъ сбирается въ кружокъ.

Старый крестьянинъ.

Ну, право хорошо, что вы
Явились къ намъ въ веселый часъ;
Вѣдь нѣкогда и въ злые дни
Вы тожъ не забывали насъ!
Какъ много здѣсь еще въ живыхъ,
Которыхъ вырвалъ вашъ отецъ
У злой горячки въ дни, когда
Чумѣ онъ положилъ конецъ.
Въ то время юношей вы шли
Охотно въ каждый домъ къ больнымъ;
Снесли не мало мертвецовъ
Но вы осталися живымъ,
Не тронулъ васъ недугъ-губитель;
Хранилъ спасителя Спаситель.

Всѣ.

Мы доблестному шлемъ привѣтъ,
Чтобъ помогалъ онъ много лѣтъ!

Фаустъ.

Вы передъ Тѣмъ склонитесь, Кто съ высотъ
И учитъ помогать и помощь шлетъ.

(Уходитъ далѣе съ Вагнеромъ.)

Вагнеръ.

Великій мужъ! Что долженъ ощущать
Среди ты общаго высокопочитанья!
Блаженъ, кому дано изъ знанья
Такую пользу извлекать!
Отецъ спѣшитъ тебя сынишкѣ указать,
Къ тебѣ стремится каждый взоръ,
Смолкаютъ скрипки, ждетъ танцоръ.
Проходишь ты, какъ словно власть,
На воздухъ шапки полетѣли;
Недостаетъ всѣмъ на колѣни пасть,
Какъ бы священный ходъ узрѣли.

Фаустъ.

Еще немного,—вонъ до камня мы дойдемъ!—
Тамъ на пригоркѣ отдохнемъ и сами.
Какъ часто одинокъ я сиживалъ на немъ
И мучился молитвой да постами.
Съ надеждой, съ вѣрой до конца,
Въ слезахъ, стеня любве-обильно,
Конецъ заразы у Творца
Мечталъ я вымолить насильно,
Привѣтствія толпы какъ на смѣхъ мнѣ одинъ.
Когда бъ тебѣ мои раскрыты чувства были,
Какъ мало и отецъ и сынъ
Такую почесть заслужили!
Отецъ былъ честный, темный человѣкъ;
Надъ всѣмъ, что у природы скрытно,
По совѣсти, хоть очень самобытно
Трудясь, продумалъ онъ весь вѣкъ.
Подобно онъ другимъ адептамъ,
На черной кухнѣ проживалъ,
И по безчисленнымъ рецептамъ
Все, что противно, то мѣшалъ.
Тутъ красный левъ, женихъ отважный (2),
Пускался къ лиліи въ растворъ (3),
Потомъ огнемъ изъ бани влажной
Обоихъ гнали на просторъ.
Когда жъ цвѣтную выливали
Царицу въ склянку—благодать!
Лѣкарство есть, больные умирали.
Кто выздоравливалъ?—Какъ знать!
И съ адскимъ снадобьемъ въ дорогу
Мы шли,—сама чума, ей-Богу,
Не принесла такого зла.
Самъ въ тысячи вливалъ я этой мерзостыни,
Они кончались;—слышу нынѣ,
Убійцамъ наглымъ намъ хвала.

Вагнеръ.

Зачѣмъ же этимъ вамъ смущаться!
Достойный мужъ конечно правъ,

Когда, искусство воспріявъ,
Имъ станемъ точно заниматься!
Коль юношей ты чтишь отца,
Къ урокамъ ты его исполненъ и вниманья;
Коль мужемъ трудишься ты до поту лица,
И сынъ твой высшаго достигнуть можетъ знанья.

Фаустъ.

О счастливъ, кто еще въ надеждѣ самъ,
Что выплывемъ изъ моря лжи мы дружно!
Чего не знаемъ—было бъ нужно намъ,
Того что̀ знаемъ—намъ не нужно.
Но въ этотъ дивный часъ не говори
Мнѣ о скорбяхъ, которыя смущаютъ!
Смотри, какъ тамъ въ лучахъ зари
Сквозь зелень хижины мелькаютъ!
День пережитъ, уходитъ солнце дня,
Спѣша дарить и далѣ жизнью снова.
О! отчего нѣтъ крыльевъ у меня,
Когда душа за нимъ летѣть готова!
У ногъ уже я вижу спящій міръ
Въ зарѣ, сіяющей вовѣки,
По высямъ блескъ, въ долинахъ кроткій миръ,
Ручьи какъ серебро бѣгутъ въ златыя рѣки.
Я чувствую, тогда ущелья мрачныхъ горъ
Полета гордаго уже бъ не задержали.
Ужъ моря теплые заливы засверкали,—
И изумляется мой взоръ.—
Вотъ божество какъ бы готово закатиться;
Но снова пробудилась мочь,
И я несусь, его лучами вновь упиться,
Передо мною день, за мною ночь,
Сводъ неба надо мной, а волны подо мной.
Какой чудесный сонъ и сладкія усилья!
Ахъ! крыльямъ духа кто земной
Придастъ вещественныя крылья?
Но каждому дала природа,
Что чувство въ высь и въ даль его стремитъ,
Когда намъ съ голубого свода
Пѣснь жаворонка звенитъ;
Когда надъ темными лѣсами
Орлы опять парить пошли,
И надъ полями, озерами
Въ отчизну тянутъ журавли.

Вагнеръ.

Бывали у меня такіе дни смятенья,
Но я подобнаго не ощущалъ стремленья.
Прискучитъ долъ и лѣсъ, какъ съ виду ни казистъ;
А птичьихъ крыльевъ мнѣ не надо.
То ль дѣло, какъ помчитъ духовная отрада
Отъ книги къ книгѣ и съ листа на листъ!
Тутъ ночи зимнія становятся свѣтлы,
Отрадный жаръ по членамъ разбѣжится,
И ахъ! какъ развернешь пергаментъ дорогой,
Тебѣ все небо въ душу тутъ глядится.

Engelbert Seibertz erf. u. gez.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА. ВЪ СПБ.

Adrian Schleich gest.

Фаустъ.

Ты испыталъ стремленье лишь одно;
О, никогда не знай другого!
Ахъ! двѣ души вмѣщать мнѣ суждено,
И грудь ихъ разобщить готова.
Одной хвататься грубо суждено
За этотъ міръ, съ его любовнымъ тѣломъ;
Въ другой же все горѣ вознесено
Высокихъ праотцевъ къ предѣламъ.
О, если есть межъ небомъ и землей
Властительные духи,—низойдите
Съ высотъ златыхъ вы—и меня съ собой
Для жизни новой, яркой уведите!
О если бъ былъ волшебный плащъ моимъ,
Чтобъ вдаль унесть меня по міру,
На всѣ одежды, на порфиру
Я бъ кажется не промѣнялся имъ.

Вагнеръ.

Не призывай извѣстныхъ молодцовъ,
Что стелются средь пара голубого;
Они намъ вѣчно строятъ ковъ,—
Со всѣхъ концовъ бѣда готова.
То съ сѣвера нахлынутъ нападать
И грызть тебя зубами неплотскими;
То вдругъ начнутъ съ востока изсушать,
Питаясь легкими твоими.
Когда ихъ югъ погонитъ со степей,
И воздухъ надъ тобой какъ печь они растопятъ,
Ихъ западъ шлетъ, чтобъ освѣжать скорѣй,
Они тебя и всѣ поля затопятъ.
Они внимательны, но, на бѣду земли,
Покорны, коль надуть насъ можно,
Подумаешь, что съ неба притекли,
Какъ ангелы лепечутъ, только ложно.
Однако въ путь! ужъ все кругомъ сѣрѣй,
Туманъ встаетъ и въ воздухѣ свѣжѣй!
Подъ вечеръ только домъ и милъ.
Чего жъ ты сталъ и взоры вдаль вперилъ?
Во что̀ при сумракѣ такъ могъ ты углубиться?

Фаустъ.

Не видишь, черный песъ по жнивью тамъ кружится?

Вагнеръ.

Давно замѣтилъ я: что жъ толку въ этомъ есть?

Фаустъ.

Получше присмотрись! Чѣмъ звѣря можно счесть?

Вагнеръ.

Да пуделемъ, который тожъ въ печали
Хозяйскихъ нюхаетъ слѣдовъ.

Фаустъ.

Замѣтилъ ты, какъ онъ, въ большой спирали
Носясь кругомъ, къ намъ близиться готовъ?
И все мнѣ кажется, что огненный, проворный
Какой-то вихрь за нимъ летитъ.

Вагнеръ.

Не вижу ничего; ну просто пудель черный;
Въ глазахъ у васъ, должно, рябитъ.

Фаустъ.

Какъ будто насъ ловя, магическія петли
Вокругъ онъ нашихъ ногъ старается плести.

Вагнеръ.

Я вижу: ищетъ онъ, хозяина тутъ нѣтъ ли,
И къ незнакомцамъ двумъ боится подойти.

Фаустъ.

Кругъ все тѣснѣй; сближается онъ къ намъ!

Вагнеръ.

Собака какъ и есть, не призракъ, видишь самъ.
Визжитъ и льнетъ, какъ растянулся—на-тко!
Вертитъ хвостомъ,—собачья вся повадка!

Фаустъ.

Ну, подойди! пойдемъ со мной!

Вагнеръ.

Ну, право, пудель пресмѣшной.
Ты остановишься, онъ служитъ;
Заговоришь, онъ радость обнаружитъ;
Что потеряй, вѣдь онъ найдетъ,
За палкой въ воду самъ прыгнетъ.

Фаустъ.

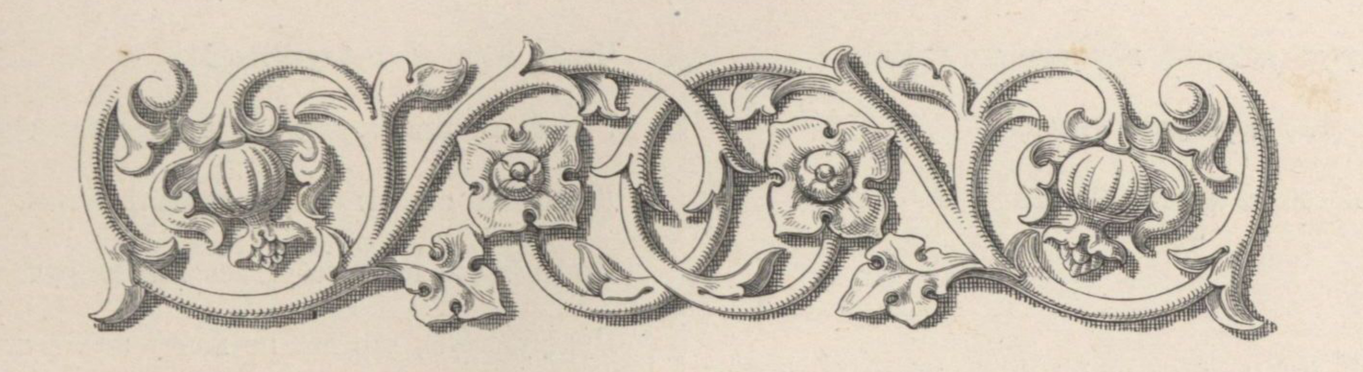
Ты точно правъ; мы духа не найдемъ
Тутъ признака, все дрессировка въ немъ.

Вагнеръ.

Собаку, съ должнымъ воспитаньемъ,
И мудрый мужъ почтитъ вниманьемъ.
Онъ стоитъ, чтобъ и ты къ нему привыкъ,
Студентовъ онъ отличный ученикъ.

(Они уходятъ въ градскія ворота.)

Кабинетъ.

Фаустъ (входитъ съ пуделемъ).

Покинулъ я поля и долы,
Глубокой ночью міръ объятъ,
Ея священные глаголы
Съ душой въ насъ лучшей говорятъ.
Почіютъ въ глубинѣ сердечной
Всѣ злые помыслы и сны,
Полны любви мы человѣчной,
Любовью къ Богу мы полны.

Пудель, уймись! и взадъ и впередъ не мечися!
Чтò на порогѣ ты нюхаешь тамъ?
Въ уголъ за печкой ложися,
Свою подушку тебѣ отдамъ.
Какъ тѣшилъ прыжками ты насъ вдоль дороги,
Стараясь намъ ласку казать, а не злость,
Прими мою ласку ты послѣ тревоги,
Какъ дорогой и тихій гость.

Ахъ! какъ отрадно въ тѣсной кельѣ
Лампада смотритъ на тебя,
Опять въ душѣ какъ бы веселье,
И въ сердцѣ, знающемъ себя.
Опять нашъ умъ глядитъ далеко,
Надежда снова горяча,
И жизни жаждемъ мы потока,
И жизни ищемъ мы ключа.

Полно рычать тебѣ, пудель! Ко звукамъ священнымъ,
Въ душу вливающимъ мнѣ благодати,
Эти звѣриные звуки некстати.
Люди встрѣчаютъ съ укоромъ надменнымъ
То, чего не поймутъ;

Что передъ добрымъ или вдохновеннымъ
Имъ тяжело порицанье унять, —
Знать и собакѣ охота рычать?

Но, ахъ! я чувствую, въ противность доброй волѣ,
Довольства грудь моя не источаетъ болѣ.
Но отчего жъ потокъ подобный сякнетъ вдругъ,
И жаждою опять томится духъ?
Я испыталъ всѣ эти превращенья!
Такой пробѣлъ есть способъ восполнять:
Мы не-земное станемъ почитать,
Алкать мы станемъ откровенья,
Котораго нигдѣ достойнѣй, чище нѣтъ
Того, что Новый далъ Завѣтъ.
Возьму я подлинникъ раскрою;
Съ правдивымъ чувствомъ, я взалкалъ
Святой оригиналъ
Перевести мнѣ рѣчію родною.

(Онъ открываетъ томъ и готовится.)

Написано: «Вначалѣ было слово».
Вотъ я и сталъ! Какъ продолжать мнѣ снова?
Я слову не могу воздать такую честь,
Иначе нужно перевесть,
Коль вѣрно озаренъ исходъ тяжелыхъ думъ.
Стоитъ написано: «Вначалѣ былъ лишь умъ».
На первой строчкѣ надо тщиться,
Чтобы перу не заблудиться!
Умъ та ли власть, что все подвигнувъ сотворила?
Должно бъ стоять: «была вначалѣ сила».
Но въ мигъ, какъ собралась писать рука моя,
Предчувствую, что все не кончу этимъ я.
Вдругъ вижу свѣтъ! Мнѣ духъ глаза открылъ!
И я пишу: «Вначалѣ подвигъ былъ».

Коль хочешь комнату со мной дѣлить,
То перестань ты, пудель, выть.
Ты лаешь!
И мнѣ мѣшаешь.
Такого сосѣда къ себѣ не приму,
Изъ насъ одному
Нѣтъ мѣста въ дому.
Хоть гостя гнать я и не сроденъ,
Дверь отперта, и ты свободенъ. —
Но что̀ я вижу предъ собой!
Естественъ ли исходъ такой?
Тѣнь это? иль на самомъ дѣлѣ?
Мой пудель прибываетъ въ тѣлѣ,
Растетъ, — его не узнаёшь!
Ужъ на собаку онъ не похожъ!
Какой упырь мной въ комнату введенъ!
Съ гиппопотамомъ сходенъ онъ,
Глаза горятъ, ужаснѣйшая пасть.
Не вздумай ты пропасть!

Я знаю, братцы, какъ могучъ
Надъ вами Соломоновъ ключъ.

Духи (въ коридорѣ).

Тамъ одинъ уже попался!
Не входи, кто цѣлъ остался!
Словно въ капканѣ теперь
Адскій томится тамъ звѣрь.
Но, погодите!
Вейтесь, летайте кругомъ.
Этимъ его вы путемъ
Освободите.
Кто только можетъ,
Пусть и поможетъ!
Всѣмъ намъ бывало
Самъ угождалъ онъ не мало.

Фаустъ.

Чтобъ встрѣтиться со звѣремъ могъ,
Беру заклятье четырехъ:

Саламандра гори,
Ундина кружись,
Сильфида пари,
Кобольтъ трудись.

Что ни стихія —
Силы иныя;
Кто ихъ не знаетъ,
Не совладаетъ
Въ вѣки вѣковъ
Съ міромъ духовъ.

Въ огнѣ исчезни,
Саламандра!
Скройся въ безднѣ,
Ундина!
Будь метеора причина,
Сильфида!
Домъ охраняй отъ обиды,
Инкубусъ! инкубусъ ты!
Будете каждый своимъ заняты.

Изъ четырехъ ихъ ни одно
Во звѣрѣ не обрѣтено.
Лежитъ, какъ на смѣхъ, безобидно;
Не пронялъ я его, какъ видно.
Но стану опять
Сильнѣй заклинать.

Такъ если, чадо,
Бѣглецъ ты ада,
То этимъ знакомъ
Изъ васъ во всякомъ
Возбудимъ смиреніе мы!

Ужъ ощетинился сынъ тьмы.

Проклятый родъ!

Прочтешь ли вотъ?

Знакъ вѣкъ несотвореннаго,

Неизреченнаго,

На небо вознесеннаго,

Преступно пробожденнаго?

Залѣзъ за печку онъ,

Раздулся — точно слонъ;

Все больше, больше онъ растетъ,

Пустилъ туманъ великій.

Не подымайся ты подъ сводъ!

А лягъ къ ногамъ владыки!

Ты видишь самъ, недаромъ я грозилъ.

Тебя святымъ огнемъ я опалилъ!

А станешь ждать,

Трикраты опалю опять!

Тебя унять

Сильнѣй искусство берегу я!

Мефистофель.

(Выходитъ изъ тумана, изъ-за печки, бродячимъ схоластикомъ.)

Зачѣмъ шумѣть? Чѣмъ услужить могу я?

Фаустъ.

Вотъ чѣмъ былъ пудель начиненъ!

Проѣзжій въ немъ схоластъ? Поистинѣ забавно!

Мефистофель.

Ученому глубокій мой поклонъ!

Меня потѣть заставили вы славно.

Фаустъ.

Какъ звать тебя?

Мефистофель.

Вопросъ подобный малъ

Въ устахъ того, кто такъ не цѣнитъ слова,

Кто оболочку отвергалъ,

Вникая въ суть всего живого.

Фаустъ.

У вашей братіи, признаться,

Легко по имени добраться

До существа. Такъ васъ къ лицу зовемъ

Царемъ мы мухъ, губителемъ, лгуномъ.

Прекрасно, кто же ты?

Мефистофель.

Той силы часть и видъ,

Что вѣчно хочетъ зла и вѣкъ добро творитъ.

Фаустъ.

Что эта притча означаетъ?

Мефистофель.

Я духъ, который отрицаетъ!

И въ этомъ правъ; все, что̀ родится,

Достойно, чтобы провалиться;

ALLGAIER & SIEGLE, STUTTGART

Не лучше ль было бъ ничему не быть.
И что затѣмъ грѣхомъ могло прослыть,
Все разрушенье, мысли злыя —
Какъ разъ и есть моя стихія.

Фаустъ.

Ты частью назвался, а весь передо мной?

Мефистофель.

Я правду высказалъ со скромностью большой.
Коль человѣкъ свой шутовской мірокъ
Счесть цѣлымъ, какъ извѣстно, могъ,
То часть той части я, что прежде всѣмъ была;
Часть тьмы, которая и свѣтъ произвела,
Свѣтъ гордый, что свою родительницу ночь,
Всего лишивъ, изъ міра гонитъ прочь,
А все удачи нѣтъ; затѣмъ что самъ
Вполнѣ прикованъ онъ къ тѣламъ.
Тѣла онъ краситъ, исходя изъ тѣлъ,
Тѣла въ пути ему преграда. —
Надѣюсь, долго ждать не надо,
Чтобъ онъ съ тѣлами отлетѣлъ.

Фаустъ.

Теперь ясна твоя задача!
Тебѣ въ великомъ неудача,
Такъ ты пошелъ по мелочамъ.

Мефистофель.

Успѣха, точно, мало тамъ.
Небытія противувѣсъ,
То нѣчто — этотъ міръ балбесъ —
Надъ нимъ лишь самъ себя измаешь,
А все его не доконаешь,
Огнемъ ли, бурей, иль волной;
Земля и море все въ порѣ одной!
А этой погани, звѣро-людской породы,
Ничѣмъ известь не хватитъ силъ.
Ужъ сколькихъ я похоронилъ!
Глядишь, опять цвѣтутъ по милости природы.
Съ ума сойдешь! не выдумаешь гаже,
Въ землѣ, въ водѣ и въ вѣтрѣ даже
Кишитъ зачатковъ милліонъ,
Сушь, влагу, стужу наполняя!
Не захвати себѣ огня я,
Такъ бы остался обдѣленъ.

Фаустъ.

Такъ противъ силы благородной,
Творящей вѣчно красоты,
Кулакъ чертовскій свой холодный
Сжимаешь понапрасну ты!
Ужъ лучше же инымъ предметомъ
Займись, сынъ хаоса чудной!

Мефистофель.

Подумать стóитъ мнѣ объ этомъ;
Впредь потолкуемъ мы съ тобой!
Нельзя ль теперь мнѣ удалиться?

Фаустъ.

Я не пойму, вопросъ о чемъ.
Ты навѣщай, когда случится,
Теперь съ тобою я знакомъ.
Вотъ дверь, а вотъ тебѣ окошко;
Труба открыта предъ тобой.

Мефистофель.

Признаться, мой уходъ немножко
Стѣсненъ бездѣлицей одной.—
Волшебный знакъ тамъ на порогѣ.

Фаустъ.

Отъ пентаграммы ты въ тревогѣ?
Эге! Скажи, коль въ ней такая власть,
Какъ могъ сюда, сынъ ада, ты попасть?
Какъ! духъ—и дожилъ до расплоха?

Мефистофель.

Ты присмотрись! Начерченъ знакъ-то плохо;
Тотъ уголъ, что глядитъ на дверь,
Оставленъ, видишь самъ, открытымъ.

Фаустъ.

Вотъ вышло дивомъ знаменитымъ!
Ты у меня въ плѣну теперь?
И неожиданно, и мило!

Мефистофель.

Собака, ничего не чуявши, вскочила,
Теперь же дѣло-то ахти!
Чортъ очутился взаперти.

Фаустъ.

Но видишь самъ, окошко не запёрто.

Мефистофель.

Законъ для привидѣній и для чорта:
Уйти путемъ, которымъ могъ войти.
И въ первомъ мы рабы, второе кто какъ знаетъ.

Фаустъ.

И адъ законы наблюдаетъ?
Вотъ хорошо. Такъ можно заключить
И договоръ съ такими господами?

Мефистофель.

То, чтò обѣщано межъ нами,
Безъ оговорокъ можешь получить.
Но нуженъ толкъ въ такой затѣѣ.
Въ другой перетолкуемъ разъ;

Теперь прошу покорнѣйше я васъ
Освободить меня скорѣе.

Фаустъ.

Минуточку еще одну побудь!
Хорошую, быть-можетъ, сказку знаешь.

Мефистофель.

Теперь пусти! Вернусь я какъ-нибудь;
И спрашивай, о чемъ ты пожелаешь.

Фаустъ.

Я не ловилъ тебя, не завлекалъ,
Самъ влѣзъ ты въ сѣть, въ томъ нѣту спора.
Держись за чорта, кто его поймалъ!
Его въ другой не такъ поймаешь скоро.

Мефистофель.

Изволь — останусь, коль велишь,
Воспользуюсь бесѣдою твоею;
Но подъ условіемъ, что лишь
Тебя своимъ искусствомъ поразсѣю.

Фаустъ.

Смотрѣть я радъ и соглашусь;
Но чтобъ въ искусствѣ былъ и вкусъ!

Мефистофель.

Отъ моего, мой другъ, искусства
Въ часъ насладятся больше чувства
Твои, чѣмъ въ цѣлый скучный годъ.
Что̀ духи пропоютъ малютки,
То не простыя только шутки,
А рядъ прелестнѣйшихъ картинъ.
Тебѣ понѣжатъ обонянье,
И вкусъ, и даже осязанье,
Не то чтобъ только слухъ одинъ.
О подготовкѣ не мечтай,
Мы въ сборѣ всѣ тутъ, — начинай!

Духи.

Вскройтесь, раздайтесь
Мрачные своды!
Выглянь скорѣе,
Чище, синѣе
Нѣжный эѳиръ!
На небѣ чисто,
Тучи проплыли!
Звѣзды лучисто
Вдругъ озарили
Радостный міръ.
И безтѣлесныхъ,
Духовъ прелестныхъ
Легкія волны
Мимо парятъ,
Нѣжности полны
Душу манятъ;
Ихъ одѣянья,

Engelbert Seibertz erf u. gez.

Adrian Schleich gest

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ

Всѣ изъ сіянья,
Скрыли и поле,
Скрыли тѣнь сада,
Гдѣ восхищенный,
Съ милою въ нѣгѣ,
Бродитъ влюбленный.
Тѣнь и прохлада!
Рвутся побѣги!
Сокъ винограда
Льется въ бокалы
Сладостный, алый.
Винная пѣна
Мчится изъ плѣна,
Брызжетъ по грудамъ,
По изумрудамъ,
Мимо высокихъ
Горъ пробѣгаетъ,
Въ плесахъ широкихъ
Холмъ обступаетъ.
Въ радости птицы
Пьютъ и ныряютъ,
Къ свѣту денницы
Рвутся, взлетаютъ;
Вьются красиво
Надъ островами,
Что прихотливо
Зыблетъ волнами;
Гдѣ раздаются
Громкіе хоры,
Въ пляскахъ мятутся
Ленты, уборы.
Радостно въ полѣ
Всѣмъ имъ на волѣ.
Тѣ подыматься
Тянутся въ горы,
Эти плескаться
Лѣзутъ въ озера,
Эти жъ взлетѣли,
Жить захотѣли,
Всѣ къ общей цѣли,
Гдѣ заблестѣли
Звѣзды любви.

Мефистофель.

Онъ спитъ! Спасибо, крошки дорогія!
Вы сны ему напѣли золотые!
Я за концертъ въ долгу, друзья мои.
А чорта удержать знать ты затѣялъ много!
Вы полелѣйте полубога
Въ пучинѣ грёзъ, на самомъ днѣ; —
Но снять волшебный знакъ съ порога,
Крысиный зубъ потребенъ мнѣ.
Не долгія тутъ нужны заклинанья,
Вотъ ужъ одна шуршитъ услышать приказанья.

Я, повелитель крысъ, мышей,

Лягушекъ, мухъ, клоповъ и вшей,

Тебѣ приказываю строго,

Грызи у этого порога,

Гдѣ только масломъ я пролью.

Прыгнула,—вижу прыть твою!

Скорѣй! Тотъ уголъ, что мѣшаетъ,

Вонъ въ самый выходъ упираетъ.

Еще кусни и срѣжешь вгладь! —

Ну, Фаустъ, пока вернусь, ты можешь почивать.

Фаустъ (просыпаясь).

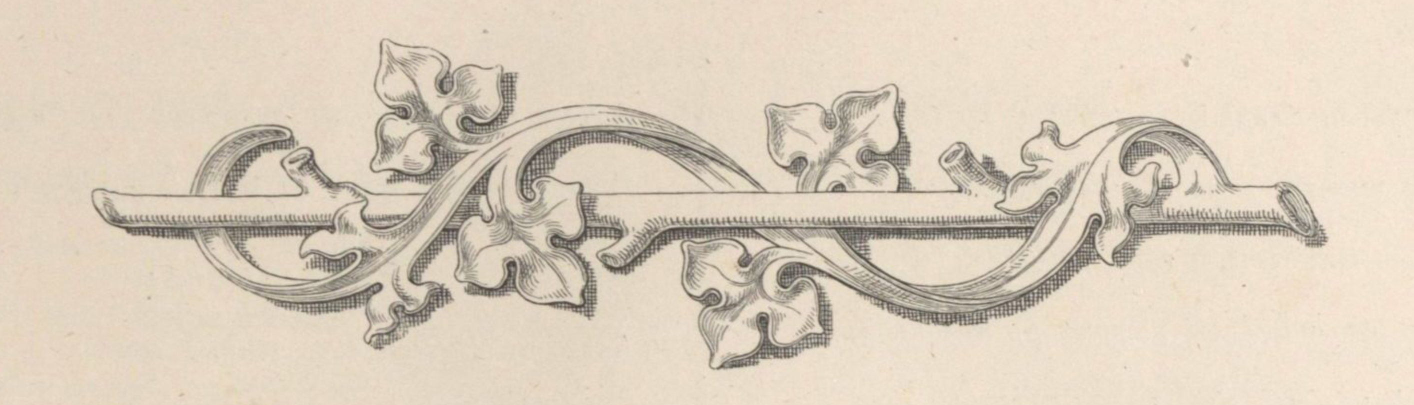
Ужель обманутъ я вторично?

Иль часъ видѣній миновалъ,

Что чортъ приснился мнѣ отлично,

И что мой пудель убѣжалъ?

Кабинетъ.

Фаустъ. Мефистофель.

Фаустъ.

Стучатъ? Войди! Кому мѣшать досужно?

Мефистофель.

Я здѣсь.

Фаустъ.

Войди!

Мефистофель.

Сказать трикраты нужно.

Фаустъ.

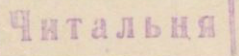
Войди же!

Мефистофель.

Вотъ и сбросилъ спесь.
Дѣла у насъ не будутъ худы!
Чтобъ разогнать твои причуды,
Какъ кавалеръ я свѣтскій здѣсь.
Плащъ въ золотѣ кругомъ—весь красный,
А на мантильѣ шелкъ прекрасный,
И пѣтушиное перо
На шляпѣ,—шпага боевая.—
И точно такъ же ты пестро
Одѣнься, часу не теряя,
Чтобъ ты, развязенъ, воленъ, прямъ,
Что̀ значитъ жить—извѣдалъ самъ.

Фаустъ.

Знать въ каждомъ платьѣ тѣмъ же мнѣ остаться
И тягость жизни сознавать.
Я слишкомъ старъ—игрушками прельщаться,
И слишкомъ молодъ—не желать.
Что̀ дастъ мнѣ міръ? какія благостыни?
Воздерженъ будь! Воздерженъ будь! понынѣ
Все та же пѣсня нищеты
Звучитъ у каждаго надъ ухомъ,
И каждый часъ, до хрипоты,

Всю жизнь владѣетъ нашимъ слухомъ.
Я просыпаюсь даже съ содроганьемъ;
Готовъ встрѣчать я горькою слезой
День, что не дастъ, наперекоръ желаньямъ,
Одной надеждѣ сбыться,—хоть одной.
Онъ даже сладкую мечту
Разборомъ злобнымъ разгоняетъ,
И, что̀ я создалъ самъ и чту,
Кривляньемъ будничнымъ пугаетъ.
Я принужденъ и въ тишинѣ ночной,
Ложася на постель, бояться;
И тутъ мнѣ не сужденъ покой,
И сны ужасные толпятся.
Тотъ богъ, что сердцу говоритъ,—
И все внутри меня тревожитъ;
Какъ онъ надъ силами моими ни царитъ,
На внѣшнее воздѣйствовать не можетъ.
И такъ влачу я ношу бытія,
Мила мнѣ смерть, постыла жизнь моя.

Мефистофель.

А тѣмъ не меньше смерть все грустная статья.

Фаустъ.

О! счастливъ тотъ, кого она вѣнчаетъ
Кровавымъ лавромъ въ битвѣ съ вражьей силой,
Иль кто ее, окончивъ пиръ, встрѣчаетъ
Нежданную въ объятьяхъ дѣвы милой!
О, если бъ, восхищенъ порывомъ духа, могъ
Я бездыханенъ пасть съ мечтой прелестной!

Мефистофель.

А кто-то все-таки тотъ темный сокъ
Въ ночи не выпилъ, намъ извѣстной.

Фаустъ.

Въ шпіонствѣ, кажется, отрада вся твоя.

Мефистофель.

Хоть нѣтъ всевѣдѣнья, но много знаю я.

Фаустъ.

Когда изъ страшнаго смущенья
Меня извлекъ отрадный гулъ,
И дѣтскимъ жаромъ умиленья
Временъ блаженныхъ обманулъ;
Кляну я все, предъ чѣмъ живая
Душа забыть способна боль,
Все, что̀, сверкая и лаская,
Насъ гонитъ въ мрачную юдоль!
Кляну, во-первыхъ, самомнѣнье,
Которымъ духъ у насъ повитъ!
Кляну лукавое явленье,
Что̀ нашимъ чувствамъ говоритъ!
Кляну, что̀ льститъ однимъ мечтаньямъ,
Какъ имя, славы вѣчный громъ!
Кляну, что̀ манитъ обладаньемъ:
Женой, дѣтьми, сохой, рабомъ!

Кляну мамона въ часъ, какъ дѣло
Онъ выставляетъ намъ какъ цѣль.
И въ часъ, когда лелѣять тѣло
Онъ стелетъ мягкую постель!
Кляну я гроздій вдохновенье!
Кляну любви живой успѣхъ!
Надежду! вѣру, а терпѣнье
Кляну я первымъ изо всѣхъ!

Хоръ духовъ (незримый).

Увы! увы!
Его ты разбилъ,
Прекрасный міръ,
Могучей рукой!
Упалъ кумиръ,
Поверженъ во прахъ полубогомъ!
Мы прячемъ
Въ ничто дорогіе обломки,
И плачемъ,
Полны сожалѣнья и страха.
Всевластный
Сынъ праха!
Прекрасный,
Воскресни,
Чтобъ сердцемъ его возсоздать!
И жизнью дышать
Иною,
Съ веселой душою, —
И новыя пѣсни
Польются опять!

Мефистофель.

Слышишь, какъ эти
Умныя дѣти
Къ поискамъ свѣтлыхъ минутъ
Совѣтъ даютъ!
Въ міръ наслажденья,
Изъ заключенья,
Гдѣ наши мысли и кровь застываютъ,
Тебя увлекаютъ.
Брось предаваться горькимъ бреднямъ,
Онѣ какъ коршунъ на груди твоей;
Почувствуешь ты въ обществѣ послѣднемъ,
Что человѣкъ ты межъ другихъ людей.
Я этимъ не хочу сказать,
Что въ сволочь пустимся мы оба!
Хоть я не важная особа;
Тебѣ лишь стоитъ пожелать
Пуститься объ руку со мною, —
И я тебя вполнѣ устрою.
Твоимъ повсюду
Товарищемъ буду,
А если угожу потомъ,
Я буду слугою, я буду рабомъ!

Фаустъ.

А я, чѣмъ буду я въ закладѣ?

Мефистофель.

До этого путь долгъ, — не тернистъ.

Фаустъ.

Нѣтъ, нѣтъ! я знаю, чортъ — великій эгоистъ,
Не станетъ онъ трудиться Бога ради,
Ужъ больно на руку не чистъ.
Ты напрямикъ скажи мнѣ: дѣло въ чемъ?
Такой слуга бѣды накличетъ въ домъ.

Мефистофель.

Здѣсь я готовъ тебѣ служить стараться,
По взгляду твоему трудиться, угождать;
Ты долженъ тѣмъ же поквитаться,
Когда мы *тамъ* увидимся опять.

Фаустъ.

Что̀ *тамъ*, о томъ я не горюю;
Какъ разобьешь ты жизнь земную,
Пускай иная настаетъ.
Я счастье на землѣ вкушаю,
Подъ этимъ солнцемъ я страдаю;
Пусть тамъ, когда ихъ потеряю,
Что̀ хочетъ, то произойдетъ.
На что мнѣ знать, въ какихъ размѣрахъ
Туда любовь и злобу можно внесть,
И подлинно ли въ оныхъ сферахъ
И верхъ и низъ такой же есть.

Мефистофель.

Съ такимъ воззрѣньемъ жди ты проку.
Сойдемся! — и тебя, дай сроку,
Искусствомъ стану ублажать,
Какого никому изъ смертныхъ не видать.

Фаустъ.

Что̀ можешь дать ты, дьяволъ бѣдный?
Когда же духъ, порывъ нашъ всепобѣдный,
Тебѣ подобнымъ понятъ былъ?
Но пищи ты безсочной накопилъ.
Есть у тебя и золото; — схватилъ —
Оно какъ ртуть — пропалъ и слѣдъ;
Есть и игра, гдѣ выигрыша нѣтъ,
И дѣвушка, что̀ на груди моей
Старается мигнуть сосѣду,
Есть почести, — дымъ алтарей —
Какъ метеоръ блестящія безъ слѣду.
Сули мнѣ плодъ, что̀ до срыванья сгнилъ,
И дерева̀, что̀ вѣчно вновь одѣты!

Мефистофель.

Такой задачей ты не затруднилъ;
Въ избыткѣ всѣ подобные предметы.
Но, милый другъ, порой и вкусъ бываетъ разный,
И сладкій кусъ въ тиши насъ лакомо зоветъ.

Фаустъ.

Когда спокойно я разлягусь въ нѣгѣ праздной,
Пускай сейчасъ конецъ мой настаетъ!

Когда исполнишь самомнѣньемъ
Меня, налгавъ о мнѣ самомъ,
Когда обманешь наслажденьемъ:
Тотъ день будь мнѣ послѣднимъ днемъ!
Бьюсь объ закладъ!

Мефистофель.

Идетъ!

Фаустъ.

Порукой въ томъ!
Когда воскликну я мгновенью:
«Остановись! Прекрасно ты!» —
Тогда я твой безъ возраженья,
И двери гроба отперты!
Пусть звонъ я слышу, умирая,
Свободенъ ты съ того же дня,
Спадетъ и стрѣлка часовая,
И минетъ время для меня!

Мефистофель.

Я не забуду, ты обдумай зрѣло.

Фаустъ.

Ты будешь правъ. Не такъ я слабъ,
Чтобъ самъ не сознавать предѣла, —
И настою на томъ: я рабъ,
Твой или чей? какое дѣло!

Мефистофель.

За пиромъ докторскимъ сегодня въ вечерокъ
Въ лакейскомъ я явлюсь нарядѣ; —
Но жизни или смерти ради,
Молю, ты дай мнѣ пару строкъ.

Фаустъ.

Педантъ! ты требуешь, чтобъ я расписку далъ?
Ты слова честнаго, какъ видно, не знавалъ?
Иль мало, что себя, давъ слово, я обрекъ
Порвать всю связь съ былымъ существованьемъ?
Какъ бѣшено мірской уносится потокъ,
А я, я буду связанъ обѣщаньемъ?
Но этотъ призракъ въ нашемъ сердцѣ скрытъ,
И съ нимъ бороться кто посмѣетъ?
Блаженъ, кто вѣрность свято чтитъ,
О жертвахъ онъ не пожалѣетъ!
А все пергаментъ всѣхъ страшитъ,
Всякъ передъ подписью робѣетъ.
Въ перѣ ужъ слово умираетъ,
А воскъ на кожѣ власть воспринимаетъ.
Тебѣ что̀ нужно, злобный духъ? отвѣтъ:
Бумага иль пергаментъ, мраморъ, мѣдь?
Писать мнѣ грифелемъ, рѣзцомъ или перомъ?
Ужъ выбирать ты самъ потщишься.

Мефистофель.

Къ чему ты тотчасъ горячишься
При краснорѣчіи своемъ?
Листокъ какой-нибудь. Всѣ равно хороши.
Ты каплей крови подпиши.

Фаустъ.

Коль таково твое желанье,
Исполнимъ это мы кривлянье.

Мефистофель.

Кровь самый самобытный сокъ.

Фаустъ.

Не бойся! Нарушать союза не желаю!
Къ тому всѣхъ силъ моихъ потокъ
Стремится, что̀ я обѣщаю.
Я заносился, все кляня;
Я изъ такихъ, какъ ты теперь.
Отвергъ великій духъ меня,
Природа заперла мнѣ дверь.
Нить мысли порвалася больно;
Отъ знанья тошно мнѣ невольно.
Упьемся чувственности дымомъ,
Страстей задушимъ въ немъ напоръ!
И въ волшебствѣ непостижимомъ
Пусть будетъ чудесамъ просторъ!
Въ потокъ временъ низринемся шумящій,
Въ раскатъ событій настоящій!
И пусть довольство и нужда,
Удача и бѣда
Мѣняются, какъ знаютъ, вѣкъ:
Лишь въ подвигахъ и виденъ человѣкъ.

Мефистофель.

Запрета нѣтъ тебѣ, ты знай.
Вездѣ, коли придетъ охота
Тебѣ что̀ выхватить съ налета,
Такъ и во здравіе вкушай.
Хватай, отбрось застѣнчивость далече!

Фаустъ.

Ты слышишь, тутъ о радости нѣтъ рѣчи.
Я хмелю предаюсь мучительныхъ отрадъ,
Любовной я враждѣ и сладкой грусти радъ.
Чтобъ грудь моя, не алча знаній болѣ,
Могла затѣмъ всѣ горести вмѣстить,
И что̀ всѣмъ смертнымъ выпало на долю,
Я самъ въ себѣ желаю пережить,
Восторгъ и скорбь, все, чѣмъ трепещутъ люди,
Я накоплю въ своей дрожащей груди,
Въ стремленьи ихъ найду свое стремленье,
И потерплю, какъ и они, крушенье.

Мефистофель.

Повѣрь, жую уже, мой милый,
Я этотъ кусъ не первый вѣкъ.
Его отъ колыбели до могилы
Переварить не въ силахъ человѣкъ!
Повѣрь мнѣ, цѣлое все это
Подсильно Богу одному!
Лишь Онъ одинъ въ сіяньи вѣчномъ свѣта,

Engelbert Seibertz erf. u. gez. ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ Adrian Schleich gest.

Мракъ бездны предоставивъ намъ;
А день и ночь пригодны только вамъ.

Фаустъ.

Но я хочу!

Мефистофель.

Тутъ нечего ждать долго!
Но одного боюсь опять,
Жизнь коротка, искусство долго.
Ты бъ могъ благой совѣтъ принять:
Вступи въ сообщество съ поэтомъ.
Пусть онъ заносится мечтой,
И самымъ благороднымъ свѣтомъ
Пусть окружаетъ обликъ твой,
Отвагой львовъ,
Оленей быстротою,
Тебѣ дастъ итальянца кровь,
Мощь сѣверянъ унизитъ предъ тобою.
Пусть онъ сумѣетъ слить два царства,
Великодушье и коварство,
Успѣетъ также, можетъ-быть,
Тебя по плану онъ влюбить.
Хоть мнѣ бъ такого молодца поймать,
Его бы сталъ я микрокосмомъ звать.

Фаустъ.

Что жъ я, когда не въ силахъ спесть
Вѣнца, которымъ всякъ гордится,
Къ которому душа стремится?

Мефистофель.

Ты напослѣдокъ то что̀ есть,
Хоть ты въ парикъ кудрявый наряжайся,
Хоть на каблукъ аршинный подымайся,
Ты все останешься чѣмъ есть.

Фаустъ.

Я чувствую, напрасно былъ я падокъ
На все, что̀ духъ способенъ совмѣщать,
А какъ взгляну на собственный осадокъ,
То бьющихъ силъ тамъ новыхъ не видать;
Ни на волосъ не сталъ я выше,
И къ безконечному не ближе.

Мефистофель.

На вещи ты такого взгляда,
Какъ вещи принято цѣнить;
Но намъ умнѣе взяться надо,
Чтобъ свѣтлыхъ дней не упустить.
Кой прахъ! Рука, нога, сознаюсь,
И мозгъ и ж...—все твое!
Но все, чѣмъ впрямь я наслаждаюсь,
То развѣ не вполнѣ мое?
Коль я коней купить шестерку могъ,
То не мои ль ихъ силы въ этомъ мірѣ?
И молодцомъ несусь я, словно ногъ
Всѣхъ у меня двадцать четыре.
Пріободрись! Весь позабудь ты бредъ,
И прямо пустимся мы въ свѣтъ!

Скажу тебѣ: кто въ критику зарытъ,
Съ животнымъ схожъ въ тоскѣ голодной,
Которое злой духъ по голому кружитъ,
А кормъ кругомъ зеленый, превосходный.

Фаустъ.

Съ чего жъ начнемъ?

Мефистофель.

Сейчасъ уйдемъ.—Пора.
Чтò тутъ за грустная дыра?
Какой ты жизнью здѣсь живешь?
Тоскуешь самъ, тоскуетъ молодежь.
Сосѣду это предоставь любому!
Какая радость вѣкъ промолотить солому?
Все лучшее, чтò можешь знать,
Не смѣлъ ты юношамъ сказать.
Ужъ тамъ одинъ въ сѣняхъ шагаетъ!

Фаустъ.

Его никакъ я не приму.

Мефистофель.

Давно бѣдняжка ожидаетъ;
И не помочь нельзя ему.
Ты дай беретъ мнѣ свой и платье;
Къ лицу нарядъ мнѣ самому. (Переодѣвается.)
Мнѣ предоставь теперь занятья!
Я въ четверть часика окончу.—Удались.
Тѣмъ временемъ ты въ путь прекрасный снарядись!

(Фаустъ уходитъ.)

Мефистофель (въ платьѣ Фауста).

Лишь презирай ты разумъ, знанья лучъ,
Чѣмъ человѣкъ однимъ могучъ,
Пусть силой волшебства игривой
Въ тебя духъ воцарится лживый,—
Тогда ты безусловно мой.—
Ему судьбой данъ духъ неукротимый,
Который рвется все впередъ,
И съ жаждою неутолимой
Онъ мимо благъ земли идетъ.
Промчу его туда, гдѣ жизнь мятется
По самымъ плоскимъ пустякамъ;
Пусть липнетъ онъ, дрожитъ и бьется;
Его алкающимъ устамъ
Предстанетъ все, чтобъ ѣсть и упиваться;
Но тщетно онъ отрады будетъ ждать—
И хоть бы чорту онъ не вздумалъ предаваться,
Ему бы все не сдобровать.

(Входитъ ученикъ.)

Ученикъ.

Я здѣсь еще съ недавнихъ поръ.
Дерзну ль вступить я въ разговоръ
Съ тѣмъ мужемъ, что всеобщимъ мнѣньемъ
Великимъ окруженъ почтеньемъ?

Мефистофель.

Я радъ любезности рѣчей!
Не лучше многихъ я людей.
Вы осмотрѣлись хоть отчасти?

Ученикъ.

Прошу принять во мнѣ участье!
Я къ дѣлу приношу любовь,
Деньжонокъ нѣсколько и молодую кровь;
Мать отпускать меня едва могла рѣшиться;
Здѣсь настоящему хотѣлъ бы научиться.

Мефистофель.

Какъ разъ на вѣрномъ вы пути.

Ученикъ.

А мнѣ хоть бы назадъ уйти;
Все стѣны, переходы только,
Мнѣ въ нихъ не нравится нисколько.

Совсѣмъ замкнулся бѣлый свѣтъ,
Нѣтъ зелени, деревьевъ нѣтъ;
А въ залѣ, на скамейкахъ,—разомъ,
Заходитъ даже умъ за разумъ.

Мефистофель.

Нужна привычка, милый другъ.
Дитя къ родной груди не вдругъ
Своей охотой припадетъ,
А послѣ всласть ее сосетъ.
Такъ и премудрости сосцами
Разлакомитесь послѣ сами.

Ученикъ.

Я радъ въ ея объятья устремиться;
Скажите мнѣ, какъ этого добиться?

Мефистофель.

Во-первыхъ, дайте мнѣ отвѣтъ:
Какой избрали факультетъ?

Ученикъ.

Ученымъ быть желаю страхъ;
Что̀ на землѣ и въ небесахъ
Хотѣлъ бы знать я безъ сомнѣнья,
Въ природѣ, въ области наукъ.

Мефистофель.

Вотъ настоящій путь, мой другъ;
И бойтесь только развлеченья.

Ученикъ.

Душой и тѣломъ я готовъ;
Но было бъ хорошо при этомъ,
Хотя на нѣсколько часовъ
Повеселиться въ праздникъ—лѣтомъ.

Мефистофель.

Да, время мчится безъ оглядокъ;
Его беречь научитъ васъ порядокъ
Возьмитесь, другъ мой, вы за умъ,
Сперва Collegium logicum!
Тутъ духъ вашъ чудно дрессируютъ,
Въ сапогъ испанскій зашнуруютъ,
Чтобъ осторожнѣе идти
Онъ могъ на мысленномъ пути,
А не совался бъ на-авось
Огнемъ блудящимъ вкривь и вкось.
Тутъ вамъ укажутъ, что къ тому,
Что̀ было просто такъ уму,
Какъ пить и ѣсть,—безъ всякой при,—
Теперь потребно разъ, два, три.
На фабрикѣ мыслей дѣйствительно то жъ,
Что̀ только на ткацкомъ станкѣ узнаешь,
Летаетъ и взадъ и впередъ челночокъ,
Наступятъ—и тысячи нитей мятутся,
И къ ткани всеобщей невидимо льются,
И тысячи нитей скрѣпляетъ толчокъ.
Философъ станетъ васъ учить,

Что этому такъ и слѣдуетъ быть:
Что первое такъ и второе такъ,
Поэтому третье, четвертое такъ,
А въ-первыхъ, да во-вторыхъ принять,
То въ-третьихъ, въ-четвертыхъ и вѣкъ не бывать.
Ученики повторяютъ сами
Все это; — однако, не стали ткачами.
Кто хочетъ живое познать, описать,
Сначала старается духъ-то изгнать;
Тогда овладѣлъ онъ отдѣльною частью,
Лишь связи духовной не стало, къ несчастью.
Encheirisis naturae то въ химіи-де,
Смѣются сами своей бѣдѣ.

Ученикъ.

Я не вполнѣ васъ могъ понять.

Мефистофель.

Вамъ станетъ легче понимать,
Когда дойдете до редукцій,
Классификацій и конструкцій.

Ученикъ.

Ошеломленъ всѣмъ этимъ я,
Какъ будто въ головѣ грохочетъ толчея.

Мефистофель.

Затѣмъ бы, чтобъ не разбросаться,
Вамъ метафизикой заняться!
Тутъ нужно вамъ надъ тѣмъ присѣсть,
Что̀ въ мозгъ людской не можетъ влѣзть;
Въ томъ, что̀ въ него хотя не входитъ,
Прекрасное слово изъ бѣдъ выводитъ.
Но въ полугодьи первомъ здѣсь
Порядокъ заведите весь!
Пять лекцій въ день у васъ пока;
Входите въ самый бой звонка!
Да приготовьтесь на дому,
Вперивъ параграфы уму,
Тогда виднѣе будетъ вамъ,
Что къ книжкѣ онъ не прибавляетъ самъ.
Записывайте же, другъ мой,
Какъ будто самъ диктуетъ Духъ Святой!

Ученикъ.

Я не забуду! Мнѣ на умъ пришло,
Какая польза въ томъ таится;
Что̀ вывелъ чернымъ набѣло,
То дома безъ заботъ хранится.

Мефистофель.

Но изберите жъ факультетъ!

Ученикъ.

Къ законовѣдѣнью охоты не имѣю.

Мефистофель.

На васъ сердиться я не смѣю,
Науки этой мнѣ знакомъ предметъ.
Законы и права передаются,
Какъ бы наслѣдственный недугъ;
Изъ рода въ родъ они плетутся,

Къ чужимъ переходя не вдругъ.
Тутъ умъ въ безумство обернется,
Даръ въ муку. — Правнуку бѣда!
О правѣ, что при насъ всегда,
О немъ никто не заикнется.

Ученикъ.

Усилили во мнѣ вы отвращенье.
Блаженъ, кто внемлетъ ваше поученье!
Хоть богословіе я бъ, кажется, избралъ.

Мефистофель.

Я бъ въ заблужденіе вводить васъ не желалъ.
Въ наукѣ этой, мнится мнѣ,
Путь вѣрный не легко сыскать черезъ мытарства;
Въ ней столько яду есть на днѣ,
Который отличить такъ трудно отъ лѣкарства.
Тутъ тоже лучшее, вамъ слушать одного
И клясться на слова его.
И вообще — держитесь слова!
Тутъ вамъ дорога вся готова
И убѣжденіе дано.

Ученикъ.

Но въ словѣ жъ быть понятіе должно.

Мефистофель.

Прекрасно! Но къ чему такъ мучиться некстати;
Какъ разъ, гдѣ недочетъ понятій,
Тамъ слову стать и суждено.
Словами ловки спорить всѣ мы,
Словами создавать системы,
Въ слова мы вѣримъ, намъ слова такъ милы,
Изъ слова іоты выкинуть нѣтъ силы.

Ученикъ.

Не задержалъ я васъ едва ли,
Но все рѣшаюся трудить.
О медицинѣ, можетъ-быть,
Вы мнѣ словечко бы сказали?
Три года не далекій срокъ —
И Боже! Путь-то какъ широкъ!
Вы указали бы предѣлъ
На этомъ полѣ распростёртомъ.

Мефистофель (про себя).

Такъ тонъ сухой мнѣ надоѣлъ,
И снова хочется быть чортомъ.

(Громко.)

У медицины нѣтъ препятствій на пути;
Учитесь, — міръ большой и малый вамъ открытъ,
Чтобъ послѣ дать всему идти,
Какъ Богъ велитъ.
Что̀ пользы рыться въ грудахъ книгъ,
Всякъ трудъ подъемлетъ подходящій;
Но кто схватить умѣетъ мигъ —
Умъ настоящій.
Вотъ вы прекрасно сложены,
Я чай и смѣлости довольно.
Въ себя повѣрить вы должны,

Повѣрятъ вамъ и всѣ невольно.

Вамъ женщины незамѣнимы;

Ихъ охи, ахи, въ добрый часъ,

Тысячи разъ

Все съ той же точки исцѣлимы.

Коль видъ вашъ вѣру въ нихъ возбудитъ,

То ваше дѣло въ шляпѣ будетъ.

Титулъ васъ долженъ вывесть въ моду.

Затѣмъ, что вы искусный человѣкъ;

Потомъ за все хватайтеся съ приходу,

Чего другому не дождаться вѣкъ,

Пожмите пульсъ межъ разговоромъ,

Потомъ спѣшите съ пылкимъ взоромъ

Свободно стройный станъ обнять,

Не туго ль стянута? — узнать.

Ученикъ.

Вотъ это стало лучше! Видишь, какъ и гдѣ.

Мефистофель.

Теорія, мой другъ, сѣра вездѣ,

А древо жизни ярко зеленѣетъ.

Ученикъ.

Клянусь, все это сномъ какимъ-то вѣетъ.

Дерзну ли къ вамъ явиться я опять,

Чтобъ всей-то мудрости внимать?

Мефистофель.

Чѣмъ я могу, готовъ помочь.

Ученикъ.

Ну, какъ же такъ уйти мнѣ прочь.

Вотъ мой альбомъ, благоволите.

Въ знакъ снисхожденія черкните!

Мефистофель.

Прекрасно! (Пишетъ и передаетъ.)

Ученикъ (читаетъ).

Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum.

(Закрываетъ альбомъ и раскланивается.)

Мефистофель.

Послушайся ты словъ змѣи-старушки — нутко;

Въ богоподобіи тебѣ придется жутко!

(Входитъ Фаустъ.)

Фаустъ.

Куда жъ теперь?

Мефистофель.

Какъ вздумаемъ съ тобой.

Посмотримъ малый свѣтъ, посмотримъ и большой.

Веселость, пользу ты почуешь,

Какъ этотъ курсъ переликуешь!

Фаустъ.

Но съ этой длинной бородой

Не справлюсь съ жизнью я иной.

Теперь мнѣ трудно жить учиться;

Никакъ не могъ я къ свѣту примѣниться;
Я при другихъ такъ малъ, стѣсненъ,
И буду я всегда смущенъ.

Мефистофель.

Любезный другъ, чего ты такъ робѣешь?
Коль вѣришь ты въ себя, такъ ты и жить умѣешь.

Фаустъ.

Но какъ намъ выйти изъ тюрьмы?
Гдѣ кони? Гдѣ карета? Слуги?

Мефистофель.

Вотъ этотъ плащъ раскинемъ мы,
И полетимъ быстрѣе вьюги.
Коль ты на смѣлый шагъ готовъ —
Большихъ не забирай узловъ.
Немножко воздуху горячаго добуду,
И понесетъ онъ насъ повсюду.
При легкости успѣшенъ будетъ взлетъ;
Я поздравляю, — жизнь тебя другая ждетъ.

Погребъ Ауэрбаха въ Лейпцигѣ.

Пиръ гулякъ.

Фрошъ.

И не хохочутъ? и не пьютъ?
Пугну, кто будетъ киснуть тутъ!
Вы словно мокрая солома,
А чай веселость вамъ знакома.

Брандеръ.

Твоя вина; и самъ-то ты хорошъ,
Ни глупостью, ни свинствомъ не займешь.

Фрошъ (льетъ ему на голову стаканъ вина).

То и другое на!

Брандеръ.

Сугубая свинья!

Фрошъ.

По просьбѣ сталъ такою я!

Зибель.

За дверь всѣхъ спорщиковъ, — смотри!
Пой круговую! Пей! Ори!
О! го, го, го!

Алтмейеръ.

Хоть ваты мнѣ бы дали!
Эхъ, уши бѣдныя пропали!

Зибель.

Какъ задрожатъ и своды и стѣна,
Тутъ только баса сила вся слышна.

Фрошъ.

Такъ, такъ, за дверь, кто носъ деретъ на сходкѣ!
А! тра ла — ла!

Алтмейеръ.

А! тра ла — ла!

Фрошъ.

Настроены всѣ глотки. (Поетъ.)

Священный, славный Римскій тронъ,
Какъ можетъ онъ держаться?

Брандеръ.

Политика! фи! дрянь такую пѣть!
Хвалю я Господа все съ каждымъ утромъ болѣ,
Что не далъ мнѣ заботъ о римскомъ Онъ престолѣ!
Какое счастіе, скажу я не хвалясь,
Что я не канцлеръ и не князь.
Но вѣдь и намъ нельзя безъ старшины;
И папу мы избрать должны.
Вы знаете, въ чемъ все значенье,
Какимъ тутъ качествамъ дается предпочтенье.

Фрошъ (поетъ).

Вспорхни, голубчикъ соловей,
Поклоновъ тысячи снеси красѣ моей.

Зибель.

Красѣ поклоновъ нѣтъ! Пустячные привѣты!

Фрошъ.

Поклонъ и поцѣлуй! ужъ не закажешь мнѣ ты!

(Поетъ.)

Отворилась я въ ночи,
Отворилась — постучи.
Затворяюсь — всѣ ушли.

Зибель.

Пой! пой! ты славь ее, хвали!
Какъ насмѣюсь-то я, о Боже!
Меня ужъ провела; съ тобою будетъ то же.
Пускай самъ чортъ съ ней затѣваетъ связь!
На перекресткѣ пусть ее ласкаетъ;
Старикъ-козелъ, на шабашъ торопясь,
Пусть доброй ночи ей, въ припрыжку, проблеяетъ!
А малый, честью одаренъ,
Для этой дѣвки не рожденъ.
Какихъ поклоновъ этой копкѣ,
Какъ только выбить ей окошки.

Брандеръ (бьетъ по столу)

Ну, слушай! что̀ скажу сейчасъ!
Извѣстно вамъ, я жить умѣю;
Сидятъ влюбленные средь насъ,
И вотъ для нихъ-то я припасъ,
На сонъ грядущій-то, что̀ предложить вамъ смѣю.
Ужъ пѣсня! Не сыщете моднѣй!
Подхватывать припѣвъ живѣй! (Поетъ.)

Въ подвалѣ крыса вѣкъ жила,
На лакомство воструха,
Надъ саломъ, масломъ — завела,
Какъ докторъ Лютеръ, брюхо.

Кухарка яду ей подбрось;
Тутъ скоро плохо ей пришлось,
Какъ отъ любовной пытки.

Хоръ (восторженно).

Какъ отъ любовной пытки.

Брандеръ.

Бѣжитъ, не рада ничему,
Припала къ грязной лужѣ,
Грызетъ, скребетъ во всемъ дому,
А легче нѣтъ, все хуже.
Не мало задала прыжковъ;
Но и конецъ ей былъ готовъ,
Какъ отъ любовной пытки.

Хоръ.

Какъ отъ любовной пытки.

Брандеръ.

Она въ страстяхъ средь бѣла дня
По кухнѣ пролетѣла,
Упала корчась у огня,
И страшно засопѣла.
А отравительница ей:
«Тебѣ знать жутко, ей же ей!
Какъ отъ любовной пытки».

Хоръ.

Какъ отъ любовной пытки.

Зибель.

Въ чемъ пошляки нашли отраду!
Не нужно хитростей большихъ
Подсыпать бѣднымъ крысамъ яду!

Брандеръ.

Ты, видно, милостивъ до нихъ?

Алтмейеръ.

Пузанъ-то съ головою лысой!
Сталъ тихъ и милостивъ отъ бѣдъ;
Сравнитъ себя съ раздутой крысой
И видитъ явный свой портретъ.

Фаустъ и Мефистофель.

Мефистофель.

Тебя по первому я слѣду
Введу въ веселую бесѣду,
Какъ жить легко, увидишь самъ.
Тутъ что ни день, то праздникъ молодцамъ.
Съ большимъ огнемъ и малой остротою
На мѣстѣ всякій на одномъ
Вертится, какъ котенокъ за хвостомъ.
Коль не страдаютъ головою,
Пока хозяинъ въ долгъ даетъ,
Имъ весело и горе ихъ нейметъ.

Брандеръ.

Вотъ эти въ мѣстѣ незнакомомъ,
И тотчасъ, видно по пріемамъ,
Они съ дороги, часа нѣтъ, съ большой.

Фрошъ.

Ты правъ дѣйствительно! Хвалю я Лейпцигъ свой!
Онъ маленькій Парижъ. — Людей онъ образуетъ.

Зибель.

Кто эти пришлецы? Ты какъ считаешь ихъ?

Фрошъ.

Дай срокъ по этому вопросу!
У нихъ я за виномъ, въ единый мигъ,
Червей повытащу изъ носу.
Должно, высокаго рожденья;
У нихъ и видъ пренебреженья.

Брандеръ.

Не съ рынка ль крикуны? хоть объ закладъ я съ вами.

Алтмейеръ.

Быть можетъ.

Фрошъ.

Погоди, — я ихъ нажму!

Мефистофель (къ Фаусту).

Вѣдь не почуется же чортъ ни одному,
Хоть тотъ схвати его когтями!

Фаустъ.

Почтенье господамъ!

Зибель.

Мы тѣмъ же воздаемъ.

(Смотря на Мефистофеля — тихо.)

Знать на одну-то ногу онъ хромаетъ?

Мефистофель.

Позволите ль и намъ мѣстечко тутъ занять?
Ужъ станемъ, коль вина хорошаго здѣсь нѣту,
Мы обществомъ себя вознаграждать.

Алтмейеръ.

Избаловались, видно, вы по свѣту.

Фрошъ.

На Риппахъ ѣхали вечерней вы порой.
Скажите, ужинать съ Ивашкой не садились?

Мефистофель.

Нѣтъ, на дорогѣ съ нимъ мы съѣхались одной,
И отъ души разговорились.
О братцахъ онъ своихъ твердилъ безъ угомону,
И каждому велѣлъ снести намъ по поклону.

(Кланяется Фрошу.)

Алтмейеръ (тихо).

А что? каковъ? Досталось!

Зибель.

Продувной!

Фрошъ.

Ну, погоди,—онъ будетъ мой!

Мефистофель.

Здѣсь, какъ послышалося намъ,
Всѣ пѣли хоромъ такъ согласно?
Судя по сводамъ и стѣнамъ,
Тутъ пѣснь должна звучать прекрасно!

Фрошъ.

А вы, пожалуй, виртуозъ?

Мефистофель.

Ахъ, нѣтъ! охоты тьма, да силой не доросъ.

Алтмейеръ.

Хоть пѣсню!

Мефистофель.

Сколько вамъ угодно, господа.

Зибель.

Лишь текстъ бы не былъ слишкомъ прѣсенъ!

Мефистофель.

Мы изъ Испанiи сюда,
Страны вина и чудныхъ пѣсенъ.

(Поетъ.)

Король жилъ благородный,
При немъ блоха жила. —

Фрошъ.

Прислушайтесь! Блоха! Ну, кто когда слыхалъ?
Блоха! Вотъ гостью-то зазвалъ!

Мефистофель (поетъ).

Король жилъ благородный,
При немъ блоха жила.
Какъ сынъ единородный,
Мила ему была.
Позвалъ онъ разъ портного,
Вошелъ портной: взгляни!
Сшей весь нарядъ ей новый
И брюки пригони!

Брандеръ.

Портному вы бы не забыли —
Сказать, чтобъ мѣрка въ точь была,
И, если голова своя ему мила,
Чтобъ брюки капли не морщили!

Мефистофель.

Въ шелкъ, бархатъ разодѣта,
Явилася она,
Сверхъ лентъ, на все на это,
Крестомъ награждена.
И въ министерскомъ, пестромъ
Съ звѣздою кафтанѣ.

Почетъ ея всѣмъ сестрамъ,
И при дворѣ онѣ.

Господъ и дамъ — не шутка —
Грызть стала вся семья,
И королевѣ жутко
И камеръ-фрау ея!
Ихъ счесывать не смѣли,
И щелкать ноготкомъ.
А мы на нашемъ тѣлѣ
И щелкаемъ, и бьемъ.

Хоръ (восторженно).

А мы на нашемъ тѣлѣ
И щелкаемъ, и бьемъ.

Фрошъ.

Романсъ на славу! Разлихой!

Зибель.

Будь такъ со всякою блохой!

Брандеръ.

Ты изловчись—и схватишь неравно!

Алтмейеръ.

Да здравствуетъ свобода и вино!

Мефистофель.

Стаканъ свободѣ въ честь и я бы радъ испить,
Да вина-то у васъ могли бы лучше быть.

Зибель.

Мы просимъ такъ не говорить!

Мефистофель.

Обидится хозяинъ, я боюсь;
А то бы могъ я для начала
Гостямъ поднесть изъ нашего подвала.

Зибель.

Давайте! Быть въ отвѣтѣ я берусь.

Фрошъ.

Вино хорошее лишь честь вамъ принесло бы,
Но слишкомъ малыя не наливайте пробы.
Когда приходится судить,
Я полонъ ротъ хочу налить.

Алтмейеръ (тихо).

Ихъ родина не въ рейнской ли долинѣ?

Мефистофель.

Достаньте мнѣ буравъ!

Брандеръ.

На что̀ такой снарядъ?
Не бочки же у васъ за дверью тамъ стоятъ?

Алтмейеръ.

Тамъ у хозяина есть инструментъ въ корзинѣ.

Мефистофель (беретъ буравъ—Фрошу).

Скажите, вамъ какія вина любы?

Фрошъ.

Какъ? развѣ можете различныхъ предлагать?

Мефистофель.

Я каждаго прошу избрать.

Алтмейеръ (Фрошу).

Эге! А ты уже облизываешь губы.

Фрошъ.

Коль выбирать,—Рейнвейнъ я пить всего согласнѣй.
Отечество дары приноситъ всѣхъ прекраснѣй.

Мефистофель (въ томъ мѣстѣ, гдѣ сидитъ Фрошъ, вертитъ дыру въ столѣ).

Немного воску мнѣ на пробки восковыя!

Алтмейеръ.

Ахъ, это фокусы пустые!

Мефистофель (Брандеру).

А вамъ?

Брандеръ.

Шампанскаго вина,
Да чтобъ игра была видна!

Мефистофель (вертитъ; между тѣмъ одинъ навертѣлъ пробокъ и заткнулъ дыры).

Брандеръ.

Нельзя гнушаться вѣкъ чужбиной неизвѣстной,
Хорошее вдали нерѣдко можетъ быть.
Француза полюбить не можетъ нѣмецъ честный,
Его вино же станетъ пить.

Зибель (когда Мефистофель приближается къ его мѣсту).

Мнѣ кислое ужасно вяжетъ ротъ,
Я предпочту вино послаже!

Мефистофель (буравитъ).

Токайскимъ угощу васъ даже.

Алтмейеръ.

Нѣтъ, господа, смотрю я вотъ
И вижу самъ, смѣетесь вы надъ нами.

Мефистофель.

Эхъ! эхъ! Съ такими господами
Не много ль это затѣвать?
Скорѣй! рѣшайтесь заявлять
Какимъ виномъ служить могу я?

Алтмейеръ.

Да всякимъ! что̀ тутъ толковать!

Мефистофель (послѣ того, какъ всѣ дыры заткнуты, со странными движеніями).

Гроздья на лозѣ,

Роги на козѣ!

Хоть дерево лозы, но сокъ ихъ желанный,

Вина можетъ дать намъ и столъ деревянный.

Вотъ на природу взглядъ прямой!

Тутъ чудеса! ручаюсь головой!

Ну, пробки вонъ! и каждый пей!

Всѣ (вытягиваютъ пробки и вино бѣжитъ въ стаканы).

О, ключъ, сладчайшій изъ ключей!

Мефистофель.

Зато, никто и капли не пролей!

(Они пьютъ въ нѣсколько пріемовъ.)

Всѣ (поютъ).

Намъ, словно пятистамъ свиньямъ,

По-канибальски любо!

Мефистофель.

Народъ свободный! Видишь, какъ живутъ!

Фаустъ.

А я готовъ бы удалиться.

Мефистофель.

Ты погляди, и бестіальность тутъ

Должна отлично проявиться.

Зибель (пьетъ неосторожно, вино проливается на землю и превращается въ пламя).

Сюда! Горю! Огни зажглись!

Мефистофель (заговаривая пламя).

Стихія милая, уймись! (Къ Зибелю.)

То капелька одна огня изъ кухни адской.

Зибель.

Что̀ это значитъ? Стой! что̀ за подвохъ дурацкій?

Не знаешь, видно, насъ? Нѣтъ, братецъ, не наткнись.

Фрошъ.

Мы просимъ этого не дѣлать намъ вторично!

Алтмейеръ.

По-моему, его бъ тихонько отпустить.

Зибель.

Какъ, господа? Онъ смѣетъ такъ шутить?

И фокусы тутъ строить неприлично?

Engelbert Seibertz erf. u gez.   ИЗДАНIЕ А. Ф. МАРКСА. ВЪ СПБ.   Adrian Schleich

Мефистофель.

Ты, бочка винная, молчать!

Зибель.

Ахъ, кочерга!

Еще грубить ты смѣешь сдуру!

Брандеръ.

Постой! тебѣ мы вздуемъ шкуру!

Алтмейеръ (вытягиваетъ пробку изъ стола, на него пышетъ огнемъ).

Горю, горю!

Зибель.

Тутъ волшебство!

Онъ внѣ закона! рѣжь его!

(Онъ вынимаетъ ножъ и идетъ на Мефистофеля.)

Мефистофель (съ серьезнымъ лицомъ).

По призрачнымъ словамъ,

Обманъ по всѣмъ мѣстамъ!

Вы будьте здѣсь и тамъ!

(Они стоятъ въ изумленіи, глядя другъ на друга.)

Алтмейеръ.

Гдѣ я? Прекрасный видъ какой!

Фрошъ.

Знать виноградники?

Зибель.

И грозды подъ рукой!

Брандеръ.

Бесѣдка, не сыскать тѣнистѣй;

Чтò за лоза! какія кисти!

(Хватаетъ Зибеля за носъ; другіе дѣлаютъ то же и подымаютъ ножи.)

Мефистофель (какъ прежде).

Обманъ, спади съ нихъ пеленою!

Шутить вамъ съ чортомъ не пришлось.

(Онъ исчезаетъ съ Фаустомъ. Товарищи отскакиваютъ другъ отъ друга.)

Зибель.

Чтò это?

Алтмейеръ.

Какъ?

Фрошъ.

Ужель твой носъ?

Брандеръ (Зибелю).

А твой я ухватилъ рукою!

Алтмейеръ.

Вотъ былъ ударъ! По всѣмъ суставамъ больно!

Стулъ дайте; падаю невольно!

Фрошъ.

Нѣтъ, чтò случилось? кто бъ сказалъ.

Зибель.

Гдѣ онъ, злодѣй? Его бы вмигъ не стало,
Когда бъ его я повстрѣчалъ!

Алтмейеръ.

Я видѣлъ самъ, какъ въ двери онъ подвала —
Верхомъ на бочкѣ ускакалъ. —
Въ ногахъ свинецъ, какъ мнѣ сдается.

(Оборачиваясь къ столу.)

Какъ думаешь, вино еще польется?

Зибель.

Одинъ обманъ, затменіе одно.

Фрошъ.

Мнѣ помнится, я будто пилъ вино.

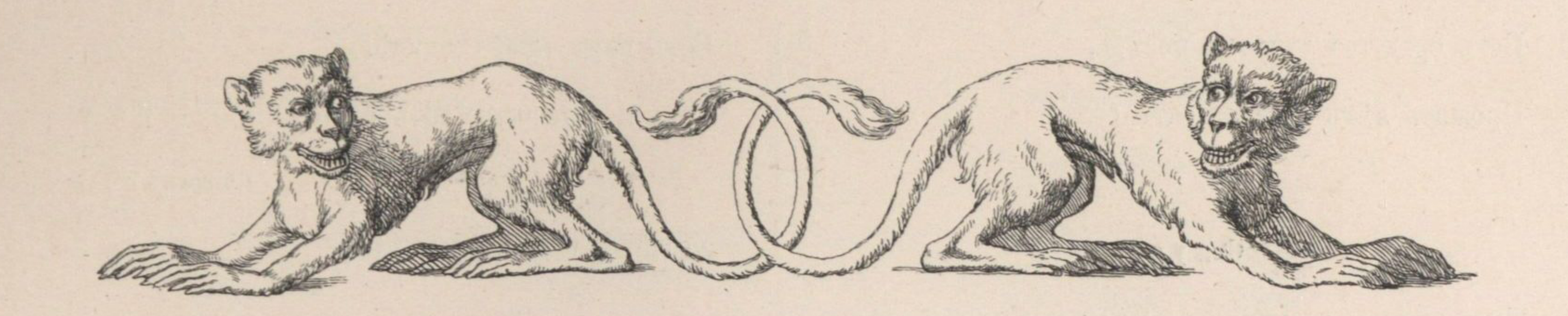
Брандеръ.

А виноградъ-то, что̀ манилъ повсюду?

Алтмейеръ.

Вотъ говори, какъ не повѣрить чуду!

Кухня вѣдьмы.

(На низкомъ очагѣ стоитъ большой котелъ на огнѣ. Въ подымающемся отъ него пару являются различные образы.—Мартышка сидитъ около котла и снимаетъ, заботясь, чтобы онъ не ушелъ. — Мартынъ съ молодыми грѣется подлѣ. — Стѣны и потолокъ убраны странною утварью колдуньи.)

Фаустъ и Мефистофель.

Фаустъ.

Все это волшебство—уродство!
Скажи, такое сумасбродство
Способно ль исцѣлить меня?
Какой совѣтъ старуха дать мнѣ можетъ?
И точно ль эта пачкотня
Съ костей моихъ лѣтъ триддать сложитъ?
Пропалъ я! если нѣтъ тутъ помощи иной.
Ужъ я отчаиваюсь прямо.
Ужель природа или духъ благой
Такого не нашли бальзама?

Мефистофель.

Опять разумна рѣчь твоя!
Въ природѣ средство есть снять лѣтъ твоихъ вериги;
Но эта странная статья
Написана въ особой книгѣ.

Фаустъ.

А какъ?

Мефистофель.

Безъ вѣдьмъ и докторовъ,
Безъ всякихъ денегъ на расплату!
Ступай ты въ поле; будь готовъ
Тамъ взять топоръ или лопату.
Воздерживай себя и тѣломъ и умомъ
Ото всего, что̀ не твое жилище;
Несложною питайся пищей,
Живи среди скота и самъ какъ звѣрь,
Самъ не стыдись свое навозить поле;

Вотъ средство лучшее, повѣрь,
Прожить лѣтъ восемьдесятъ болѣ!

Фаустъ.

Такъ жить я не привыкъ; не могъ я и отъ скуки
Взять никогда лопаты въ руки,
И узость жизни мнѣ тошна.

Мефистофель.

Такъ вѣдьма все-таки нужна!

Фаустъ.

Зачѣмъ старуху эту брать!
Иль ты сварить питья не можешь?

Мефистофель.

Охота время мнѣ терять!
Вѣдь той порой мостовъ пять тысячъ сложишь.
Тутъ мало знать или умѣть,
Терпѣнье нужно тутъ имѣть.
Въ теченьи многихъ лѣтъ оставить во вниманьи;
Броженью время лишь дать силу въ состояньи.
Предметовъ разныхъ нужно тьму.
Никто такъ скоро ихъ не сложитъ!
Хоть чортъ наставилъ ихъ уму,
А самъ-то сдѣлать чортъ не можетъ.

(Указывая на звѣрей.)

Вотъ пара—любо дорога!
Вотъ и служанка! вотъ слуга!

(Звѣрямъ.)

Хозяйки, видно, дома нѣту?

Звѣри.

По свѣту,
Гулять захотѣла,
Въ трубу улетѣла!

Мефистофель.

Когда жъ ей снова прилетѣть?

Звѣри.

Успѣемъ лапы отогрѣть.

Мефистофель (Фаусту).

Ну, что же? Нравятся ли звѣри?

Фаустъ.

Ужъ вѣрно гаже не найду!

Мефистофель.

Нѣтъ, разговоръ, какой теперь веду,
Мнѣ больше нравится всего, по крайней мѣрѣ.

(Звѣрямъ.)

Ну, говорите, какъ ни глупы,
Какой взболтали тамъ припасъ?

Звѣри.

Мы варимъ нищенскіе супы.

Мефистофель.

Большая жъ публика у васъ.

Мартынъ. (подходитъ и ласкается къ Мефистофелю).

Костей кидай,

И проиграй

Мнѣ только денегъ груду!

Все только прахъ;

А при деньгахъ

Я тоже умникъ буду.

Мефистофель.

Вѣдь какъ бы эту харю одолжили,

Когда бъ въ лото ей ставку предложили!

(Молодыя мартышки играютъ большимъ шаромъ и выкатили его.)

Мартынъ.

Вотъ вамъ и свѣтъ.

Задержки нѣтъ,

Бѣжитъ понынѣ.

Стеклянный звонъ!

Но хрупокъ онъ.

Пустъ въ серединѣ.

Блеститъ съ боковъ;

Но прочь готовъ

Я, по причинѣ.

Сынокъ, играть

Оставь опять!

Знать, вамъ неймется!

Тутъ глина, — глядь

И разобьется.

Мефистофель.

На что рѣшето?

Мартынъ (снимаетъ его).

Про вора взято;

Сейчасъ его признаю.

(Бѣжитъ къ мартышкѣ и заставляетъ ее смотрѣть въ рѣшето.)

Гляди въ рѣшето!

А воръ-то кто?

Назвать запрещаю!

Мефистофель (приближаясь къ огню).

Горшокъ зачѣмъ?

Мартынъ и Мартышка.

Онъ дурень совсѣмъ!

Горшокъ, вишь, зачѣмъ?

Въ котелъ-то вглядися.

Мефистофель.

Невѣжа, смотри!

Мартынъ.

Ты вѣникъ бери,

На кресло садися!

(Принуждаетъ Мефистофеля сѣсть.)

Фаустъ (стоящій это время передъ зеркаломъ, то приближаясь, то отходя отъ него).

Что̀ вижу я? Какой здѣсь ликъ небесный
Въ волшебномъ зеркалѣ увидѣлъ я!
О, дай, любовь, мнѣ твой полетъ чудесный,
Чтобъ унестись за ней, въ ея края!
Ахъ, если я хоть на мгновенье
Дерзаю подступать къ стеклу,
То исчезаетъ, какъ во мглу,
Прелестной женщины видѣнье!
Какъ ей воздать достойную хвалу?
Не познаю ли всѣхъ небесъ я отраженье
По распростертому здѣсь тѣлу одному?
Возможно ль на землѣ ее сыскать?

Мефистофель.

Что жъ, если Богъ шесть дней трудился,
И крикнуть *браво* самъ рѣшился,
Тутъ можно толку ожидать.
На этотъ разъ ты налюбуйся ей;
Тебѣ такое золотце отрою,
И тотъ блаженъ, кому дано судьбою,
Назвать ее невѣстою своей!

(Фаустъ все еще смотритъ въ зеркало. Мефистофель, потягиваясь въ креслѣ и играя вѣникомъ, продолжаетъ говорить.)

Я какъ властитель здѣсь сижу на тронѣ;
Вотъ скипетръ мой и дѣло лишь въ коронѣ.

Звѣри (исполнявшіе досель различныя странныя тѣлодвиженія, съ великимъ крикомъ подносятъ Мефистофелю корону.)

Ты потомъ-то склей,
Да кровью скорѣй
Корону съ зубцами!

(Разламываютъ ее надвое, неуклюже съ нею обходясь, и прыгаютъ съ половинками.)

Теперь не сберемъ!
А мы-то оремъ,
И даже стихами!

Фаустъ (противъ зеркала).

Съ ума сойду! безумство началось.

Мефистофель (указывая на звѣрей).

И у меня башка, того гляди, свернется.

Звѣри.

А если пришлось,
И намъ удалось,
За мысли сочтется.

Engelbert Seibertz erf. u. gez.
ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ
Adrian Schleich

Фаустъ (какъ прежде).

Въ груди огонь! въ глазахъ видѣнье!
Бѣжать отсюда поспѣши!

Мефистофель (какъ прежде).

По крайней мѣрѣ, нѣтъ сомнѣнья,
Они поэты отъ души.

(Котелъ, за которымъ мартышка до тѣхъ поръ не смотрѣла, начинаетъ перекипать; возникаетъ большое пламя, подымающееся въ трубу. Вѣдьма спускается по пламени со страшнымъ крикомъ.)

Вѣдьма.

Ау! ау! А вотъ и я!
Ахъ, ты проклятый звѣрь! свинья!
Забылъ котелъ! Спалилъ меня!
Проклятый звѣрь!

(Завидя Фауста и Мефистофеля.)

Кто въ эту дверь?
Кто здѣсь теперь?
Какъ смѣли къ намъ?
Что̀ нужно вамъ?
Ахъ, сто чертей
Вамъ до костей!

(Она опускаетъ уполовникъ въ котелъ и брызжетъ пламенемъ на Фауста, Мефистофеля и звѣрей. Звѣри визжатъ.)

Мефистофель (перевернувъ метлу, которую держитъ въ рукѣ, бьетъ по склянкамъ и горшкамъ).

Въ кусочки, — глянь!
Всю эту дрянь.
Ты, шельма, не робѣй!
Я пошутилъ,
Я тактъ пробилъ
Къ мелодіи твоей!

(Въ то время какъ Вѣдьма въ злобѣ и ужасѣ отступаетъ.)

Признала, что ль, ты, шкура, кто я самъ?
Владыка твой, я милостивъ ужъ слишкомъ;
Пойду тузить по всѣмъ угламъ, —
Конецъ тебѣ и всѣмъ твоимъ мартышкамъ!
Иль краснаго плаща не признаешь?
Пѣтушьяго пера ты не узнала?
Чтобъ назвался я, видно, пожелала?
Или лицо мое не то жъ?

Вѣдьма.

Затменья, господинъ, простите мигъ единый!
Вѣдь я ноги не вижу лошадиной
И пары вороновъ тутъ нѣтъ.

Мефистофель.

Прощаю дерзостныя рѣчи;
Дѣйствительно, съ послѣдней встрѣчи

Съ тобой прошло не мало лѣтъ.
Да и культура,—свѣтъ сначала,
Затѣмъ и чорта прилизала.
И призракъ Сѣвера не бродитъ между нами;
Куда дѣвался хвостъ, съ рогами и когтями?
Зато съ ногою мнѣ возиться суждено,
И на людяхъ она смущала;
Такъ икры я завелъ фальшивыя давно,
Какъ носитъ юношей не мало.

Колдунья (пляшетъ).

Схожу съ ума—и стариной тряхну,
Какъ вижу я ихъ милость сатану!

Мефистофель.

Не смѣй меня ты звать, какъ въ старину.

Вѣдьма.

Чѣмъ это имя гнѣвъ могло вашъ заслужить?

Мефистофель.

Оно ужъ баснь, и всѣ надъ нимъ смѣются;
Но людямъ отъ того не лучше стало жить:
Отъ злого отошли, а злые остаются.
Я господинъ баронъ,—ты уши приготовь,
Я кавалеръ, какихъ и мало.
Высокая во мнѣ (сама ты знаешь) кровь;
А вотъ и гербъ мой,—чай видала?

(Дѣлаетъ неприличное движеніе.)

Вѣдьма (заливаясь смѣхомъ).

Ха-ха! да съ вами тутъ бѣда!
Вы сорванецъ,—и были имъ всегда!

Мефистофель (Фаусту).

Вотъ, другъ, ты можешь поучиться,
Какъ надо съ вѣдьмой обходиться.

Вѣдьма.

Скажите, чѣмъ служить вамъ, господа?

Мефистофель.

Извѣстнаго намъ соку дай сюда!
Но я прошу какого нѣту старѣ;
Удвоиваютъ силы въ немъ года.

Вѣдьма.

Охотно! Я бутылку знаю,
Я и сама къ ней припадаю,
Ужъ нѣтъ и вони въ ней, такъ сокъ-то притомленъ;
Стаканчикъ я налью,—и выпьетъ не услышитъ.

(Тихо.)

Но если будетъ пить безъ подготовки онъ,
Вы сами знаете, онъ часу не продышитъ.

Мефистофель.

Мы съ нимъ пріятели, изъ кухни мнѣ твоей
И угостить его не жалко на здоровье.
Кругъ обводи, проговори присловье,
И чашку полную налей!

Engelbert Seibertz erf. u. gez.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА. ВЪ СПБ.

Adrian Schleich gest.

Вѣдьма

(со странными тѣлодвиженіями обводитъ кругъ и ставитъ въ него разнообразныя вещи; склянки начинаютъ звенѣть, котлы звучатъ и составляютъ музыку. Наконецъ она приноситъ большую книгу, вводитъ мартышекъ въ кругъ и заставляетъ спинами поддерживать книгу, держа факелъ. Она даетъ Фаусту знакъ подойти).

Фаустъ (Мефистофелю).

Скажи мнѣ, сдѣлай одолженье,
Что̀ за безумныя движенья?
Все надувательство одно,—
Оно противно мнѣ давно.

Мефистофель.

Эхъ, вздоръ! — Все на смѣхъ лишь отъ скуки;
Не будь такъ неумѣстно строгъ!
Какъ врачъ она выкидываетъ штуки,
Чтобъ сокъ тебя оправить могъ.

(Онъ принуждаетъ Фауста вступить въ кругъ.)

Вѣдьма (съ большимъ одушевленіемъ читаетъ по книгѣ).

Зачѣмъ чудесить!
Одинъ будь десять,
Какъ два уйдетъ,
Въ трехъ будетъ четъ.
Считай, не бойсь!
Четыре брось!
А пять и шесть
Велятъ зачесть
За семь, да восемь,
Хоть вѣдьму спросимъ!
А девять, десять
Забрось сперва.
Вотъ это вѣдьмамъ дважды два!

Фаустъ.

Старуха бредитъ знать въ припадкѣ.

Мефистофель.

О, это лишь одни начатки;
Вся книга такъ извѣстна мнѣ.
Я изучалъ ее: успѣхъ черезвычайный!
Противорѣчіе вполнѣ
И умнымъ и глупцамъ навѣкъ пребудетъ тайной.
Любезный другъ, тутъ все искусство въ томъ,
Чтобъ, какъ велось и вдревлѣ безъ сомнѣнья,
Однимъ ли въ трехъ, тремя ль въ одномъ,
За правду выдать заблужденье.
И вотъ пойдетъ болтать пустая голова. —
Съ глупцами споръ плохой; ихъ племя такъ сердито.
А человѣкъ привыкъ, услышавши слова,
Предполагать, что тутъ и мысль должна быть скрыта.

Вѣдьма (продолжаетъ).

Хоть знанья власть
Намъ не подъ масть,
Себя напрасно мучишь!
Но думать брось —

И принеслось,

Все безъ труда получишь.

Фаустъ.

Какой она тамъ мелетъ вздоръ?

Въ мозгу трещать ужъ начинаетъ.

Мнѣ кажется, что цѣлый хоръ

Ста тысячъ дураковъ болтаетъ.

Мефистофель.

Довольно, дивная Сивилла!

Неси, коль соку нацѣдила,

Налей намъ чашу по края!

Пріятелю твой сокъ не причинитъ худого:

Онъ мужъ достоинства большого,

И самъ не прочь былъ отъ питья.

(Вѣдьма съ большими церемоніями наливаетъ соку въ чашу; когда Фаустъ ее подноситъ къ устамъ, появляется небольшой огонь.)

Мефистофель.

Пей! пей! все дѣтскія мечты!

Сейчасъ всѣ радости на сердце устремятся.

Сошелся съ чортомъ ты на-ты,

И станешь пламени бояться?

(Вѣдьма разрѣшаетъ кругъ, Фаустъ выходитъ.)

Мефистофель.

Теперь и вонъ! Тебѣ нельзя стоять.

Вѣдьма.

Мой сокъ во здравіе; господъ я не обижу!

Мефистофель (Вѣдьмѣ).

Ты если вздумаешь за трудъ свой получить,—

Такъ на Вальпургіи увижу.

Вѣдьма.

Вотъ пѣсенка! Споете въ часъ иной,

Она подѣйствуетъ незримо.

Мефистофель (Фаусту).

Ну, поскорѣй иди за мной;

Тебѣ вспотѣть необходимо,

Чтобъ сила-то насквозь могла тебя пробрать.

Потомъ ужъ ты покой познаешь благородный,

Затѣмъ почувствуешь ты въ радости свободной,

Какъ станетъ купидонъ рождаться и скакать.

Фаустъ.

Но въ этомъ зеркалѣ какъ образъ тотъ оставлю!

Позволь взглянуть хоть подъ конецъ!

Мефистофель.

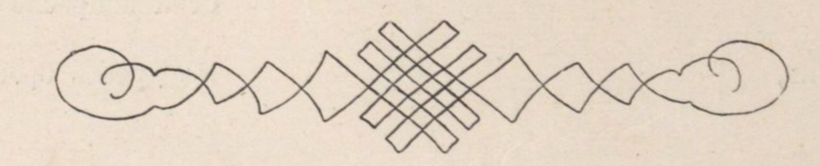
Нѣтъ, нѣтъ! я въ скорости доставлю

Тебѣ живьемъ всѣхъ женщинъ образецъ.

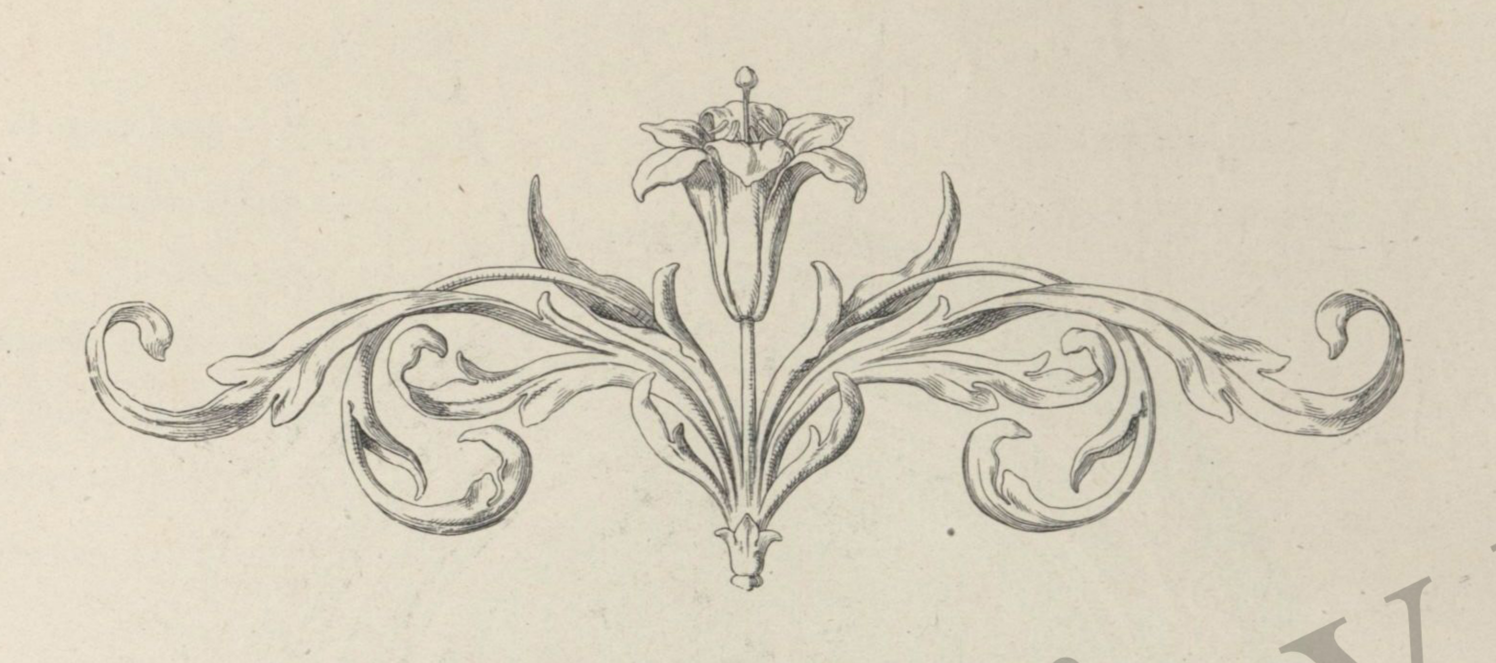
(Тихо.)

Съ напиткомъ этимъ будешь съ жаждой

Елену видѣть въ бабѣ каждой.

Улица.

Фаустъ.—Маргарита (проходитъ).

Фаустъ.

Прекрасной барышнѣ почтенье!

Дерзну ль сопровождать? примите предложенье.

Маргарита.

Не барышня и не прекрасна,

На провожатыхъ не согласна. (Уходитъ.)

Фаустъ.

Клянусь, прелестное дитя!

Не видывалъ подобной я;

Благочестива и кротка,

А также нѣсколько рѣзка.

Подобныхъ устъ, подобнаго лица—

Я въ жизни не забуду до конца!

Какъ опускала рѣсницы она,

Проникло въ сердце мнѣ до дна;

А какъ меня она отбрила,

Такъ восхищеніе какъ мило!

(Мефистофель является).

Фаустъ.

Слышь, ты достань мнѣ эту вотъ!

Мефистофель.

Которую?

Фаустъ.

Что шла тутъ,—безъ сомнѣнья.

Мефистофель.

Нѣтъ, эта отъ попа идетъ,

Онъ отпустилъ ей прегрѣшенья;

Прильнулъ я къ креслу на мгновенье,—

Нельзя невиннѣй быть, скромнѣй,—

И каяться-то не въ чемъ ей.—

Моя тутъ сила не возьметъ!

Фаустъ.

Пятнадцатый ей вѣрно годъ.

Мефистофель.

Ты говоришь то какъ ходокъ,
Которому что ни цвѣтокъ—
То подавай; хоть благодать,
Хоть честь,—онъ все готовъ срывать.
Я радъ бы,—только не готовъ.

Фаустъ.

Ну, ты профессоръ дураковъ,
Оставь законы всѣ пустые!
Пойми—и часу не просрочь:
Коль ты не въ силахъ мнѣ помочь
Ее обнять сегодня въ ночь,—
Съ тобою въ полночь мы чужіе.

Мефистофель.

Подумай, какъ чего желать!
Я двѣ недѣли долженъ ждать,
Чтобъ случай вызвать понемножку.

Фаустъ.

Когда бъ на полдня я остылъ,
Я бъ даже чорта не спросилъ,
Чтобъ соблазнить такую крошку.

Мефистофель.

Послушать, точно ты французъ;
Но я тебя прошу не обижаться;
Что̀ пользы прямо наслаждаться?
Совсѣмъ другой выходитъ вкусъ,
Когда, задавши кругъ большой,
Ты финтифлюшекъ мишурой
Подводишь куколку къ развязкѣ;
Какъ говорится часто въ сказкѣ.

Фаустъ.

Къ чему? Я голоденъ и такъ.

Мефистофель.

Безъ раздраженій и безъ вракъ!
Но знай, прекрасное дитя
Не думай ты увлечь шутя.
Ломить тутъ силой не годится;
А надо въ хитрости пуститься.

Фаустъ.

Достань мнѣ что-нибудь отъ ней!
Своди къ ней въ комнату скорѣй!
Достань съ груди ея платокъ,
Подвязку съ этихъ милыхъ ногъ!

Мефистофель.

Тебя готовъ я убѣдить,
Что радъ тоскѣ твоей служить.
Минутки мы одной не потеряемъ,
Еще сегодня къ ней мы въ комнату слетаемъ.

Фаустъ.

Покажешь мнѣ ее? отдашь?

Мефистофель.

Ну вотъ!
Она къ сосѣдкѣ въ домъ пойдетъ.
Тѣмъ временемъ ты безъ хлопотъ,
Питаясь чудною химерой,
Дыши отрадной атмосферой.

Фаустъ.

Не отправляться ль?

Мефистофель.

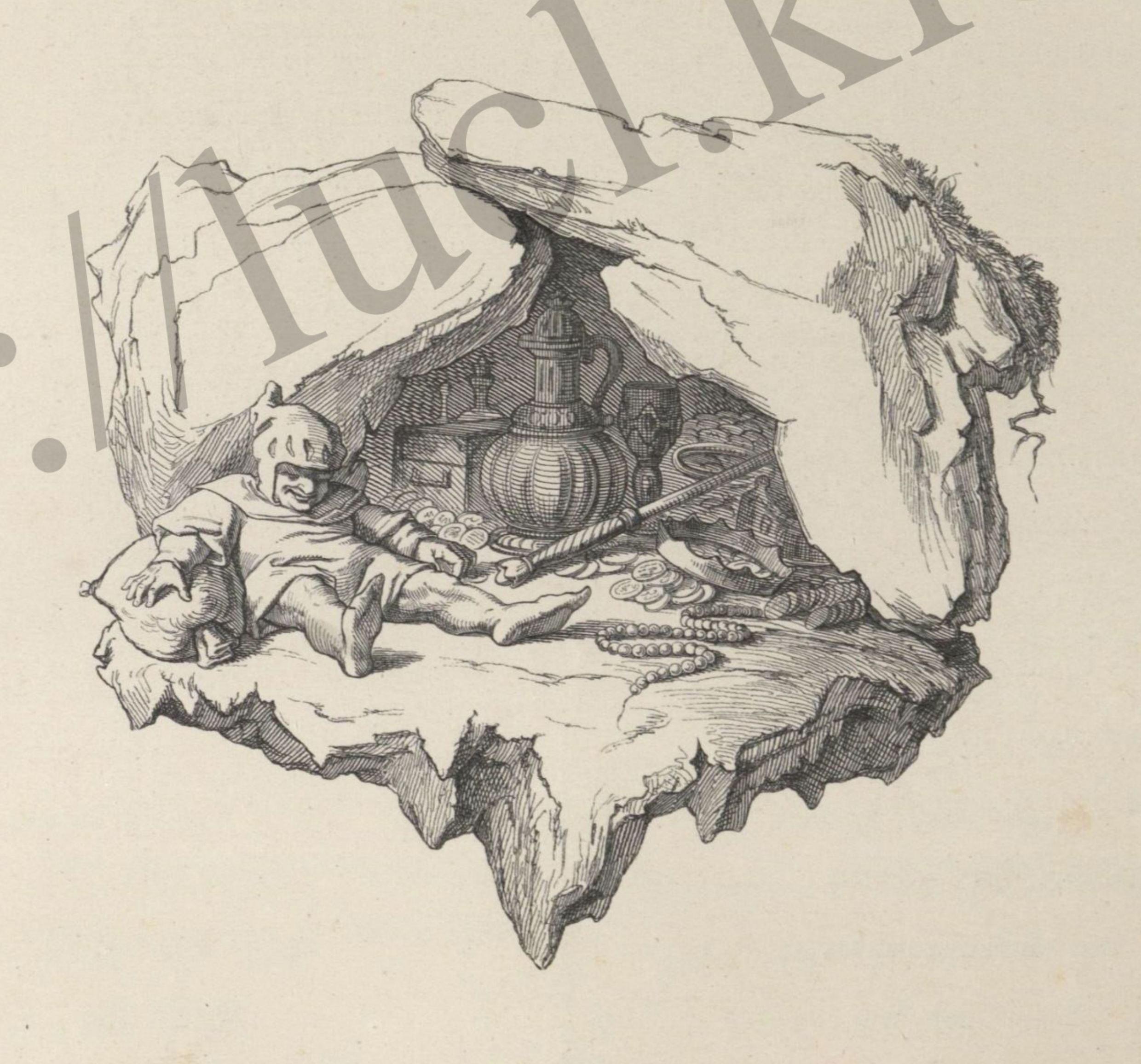
Обожди

Фаустъ.

Ты мнѣ подарокъ ей найди.
(Уходитъ.)

Мефистофель.

Сейчасъ дарить? что жъ! такъ успѣхъ возможенъ!
Давно мѣстами я богатъ,
Гдѣ не одинъ запрятанъ кладъ,
Взгляну какой куда положенъ.
(Уходитъ.)

Вечеръ.

Небольшая, чистая комната

Маргарита (плететъ и заклады-
ваетъ косы).

Желала бы я знать, кто былъ
Тотъ господинъ, что нынче подходилъ!
Такой хорошій, право, онъ,
И въ знатномъ домѣ онъ рожденъ;
Я это тотчасъ разглядѣла—
Не подошелъ бы онъ такъ смѣло.

(Уходитъ.)

Мефистофель и Фаустъ.

Мефистофель.

Входи! Тихонечко входи!

Фаустъ (послѣ нѣкотораго молчанія).

Прошу, ты самъ-то отойди!

Мефистофель (осматриваясь).

Вотъ чистота гдѣ,—погляди.

Фаустъ (осматриваясь кругомъ).

Привѣтъ тебѣ, отрадный полусвѣтъ,
Въ моемъ святилищѣ разлитый.
Встрѣчай меня живой любви привѣтъ!
Росой надежды сердце обнови ты.
Здѣсь тишина повсюду разлита,
Порядокъ, чувства совершенство!
Здѣсь въ этой бѣдности какая полнота!
Въ такой тюрьмѣ—и сколько тутъ блаженства!

(Бросается на кожаное кресло у постели.)

Прими меня! какъ многихъ ты съ пеленъ
Взлелѣяло въ весельи и въ печали!
Ахъ, вѣрно ужъ не разъ отцовскій этотъ тронъ
Толпы дѣтей веселыхъ окружали!
У дѣда можетъ-быть за дѣтскій даръ Христа
И милая моя здѣсь руку цѣловала,
Съ румянцемъ на щекахъ, покорна и чиста.
Я чувствую, о, дѣвушка! твой духъ
Порядка, тишины здѣсь вѣетъ надо мною,
Онъ каждый день твой поучаетъ слухъ,
Столъ чистой скатертью покрыть, а тамъ вокругъ
Песочкомъ раскидать хрустящимъ подъ ногою.
О, руки милыя! подъ вашимъ обаяньемъ
Небеснымъ хижина наполнена сіяньемъ.

(Открываетъ занавѣсъ ея постели.)

А здѣсь! Блаженства дрожь меня взяла!
Здѣсь радъ сидѣть я цѣлыми часами.
Природа! здѣсь ты золотыми снами
Взлелѣять ангела могла.

Дитя лежало здѣсь; въ груди его дышала
Вся нѣжность жизни молодой
Здѣсь постоянно возникало—
Все, что̀ явилось красотой!

А ты! что̀ привело тебя?
Какъ глубоко я тронутъ, слышу я!
Зачѣмъ ты здѣсь? что̀ давитъ грудь твою?
Несчастный Фаустъ! Тебя не узнаю.

Волшебные ли здѣсь витаютъ сны?
Рвался я прямо насладиться,
И вотъ пришлось въ любовномъ снѣ разлиться!
Иль мы среды игрушкой быть должны?

А если бъ вдругъ ее я повстрѣчалъ,
О, какъ бы самъ я ужаснулся!
Большой болванъ какъ сталъ бы малъ!
У ногъ ея бы растянулся.

Мефистофель.

Скорѣй! она идетъ, я вижу.

Фаустъ.

Вонъ! вонъ! я не вернусь назадъ!

Мефистофель.

Вотъ ящикъ; онъ тяжеловатъ,
Кого другого ужъ обижу.
Ты въ шкапъ поставь его скорѣй;
Клянусь, она не взвидитъ свѣта;
Я тамъ наклалъ такихъ вещей,
Что отъ другой бы ждалъ привѣта.
А дѣти — дѣти, и игра — игра.

Фаустъ.

Рѣшиться ль мнѣ?

Мефистофель.

Вотъ спрашивать пора!
Ты драгоцѣнности припрятать хочешь, что ли?
Такъ сладострастіе твое
Пусть время сбережетъ свое
И мучиться меня не заставляетъ болѣ.
Не скупостью же ты, конечно, зараженъ?
Я въ головѣ чешу и руки зазудило —

(Ставитъ ящикъ въ шкапъ и запираетъ замокъ.)

Скорѣе вонъ!
Чтобъ только твой любовный сонъ
Прекрасное дитя осуществило;
А ты глядишь,
Какъ будто ты на каѳедрѣ стоишь,
Какъ будто предъ тобой воочію тоска
И физика и метафизика!
Скорѣй! (Уходятъ.)

Маргарита (съ лампадой).

Какъ душно здѣсь, я задохнусь. (Открываетъ окна.)
А на дворѣ совсѣмъ не зной.
Чего-то словно я боюсь! —
Хоть мать скорѣй бы шла домой.
Дрожитъ вся внутренность моя! —
Вотъ глупая трусиха я!

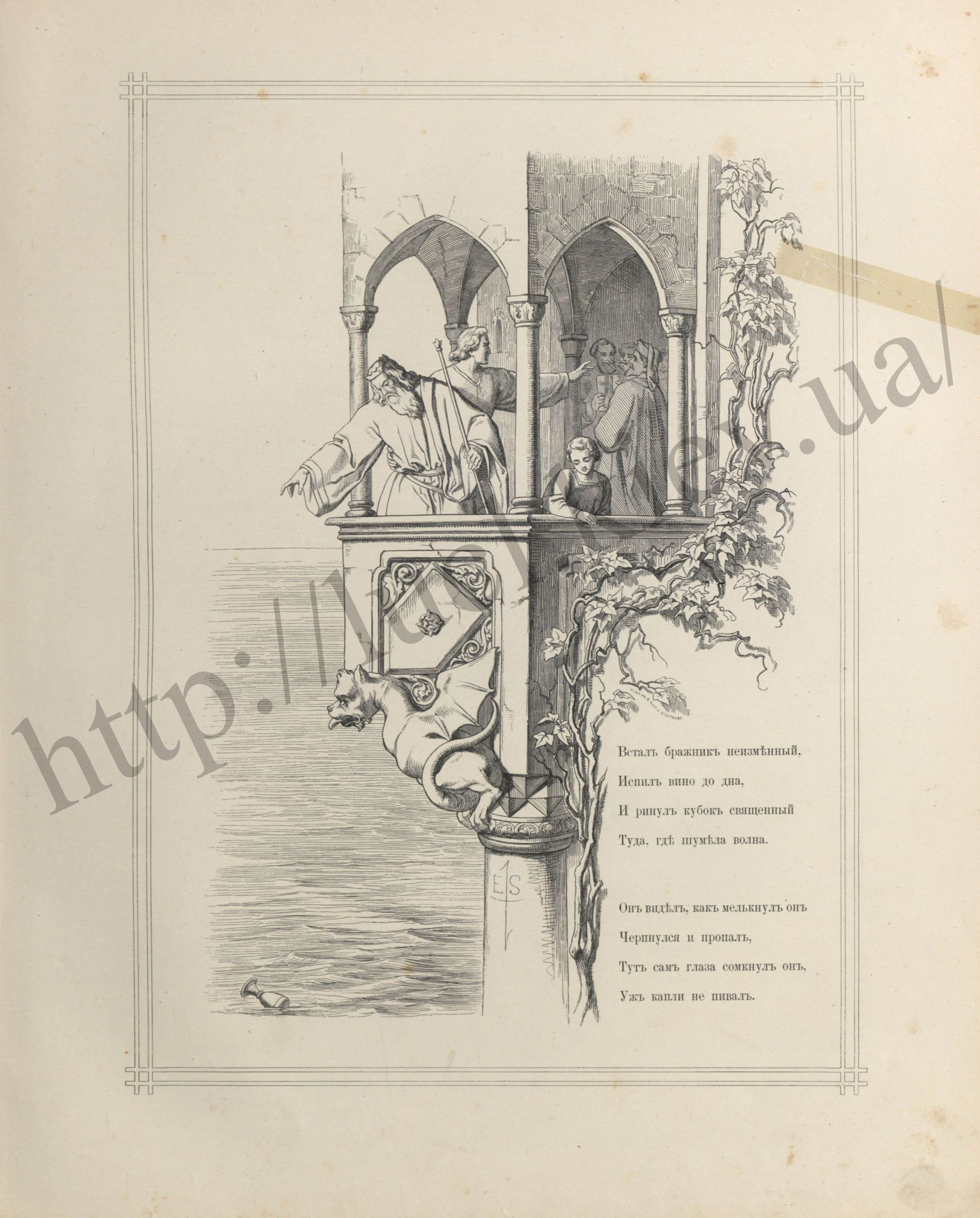
(Поетъ раздѣваясь.)

Жилъ въ Ѳулѣ король, — до могилы
Онъ вѣренъ былъ душой;
Ему, умирая, вручила
Любовница кубокъ златой.

Не зналъ онъ дороже бокала;
Что пиръ, онъ его осушалъ;
Слеза на глаза проступала,
Когда изъ него онъ пивалъ.

Передъ своей кончиной
Онъ земли подѣлилъ,
Всѣ роздалъ до единой,
Но кубка не дарилъ.

Вотъ съ рыцарской семьею
Сидитъ онъ у стола,
Гдѣ замокъ надъ волною
Морской взнесла скала.

Всталъ бражникъ неизмѣнный,
Испилъ вино до дна,
И ринулъ кубокъ священный
Туда, гдѣ шумѣла волна.

Онъ видѣлъ, какъ мелькнулъ онъ
Черпнулся и пропалъ,
Тутъ самъ глаза сомкнулъ онъ,
Ужъ капли не пивалъ.

(Раскрываетъ шкапъ убрать платье и видитъ ящикъ.)

Попасть сюда какъ ящикъ могъ?
Я затворила на замо̀къ.
Какъ странно! можетъ-быть въ залогъ
Онъ принесенъ—и мать могла
Деньгами подъ него ссудить.
На лентѣ ключикъ я нашла;
Попробую замокъ открыть.
Гляди! О, Господи! что̀ это?
Уборъ, какого мнѣ не доводилось видать:
Дворянка въ праздникъ въ немъ была бы разодѣта,
Вотъ хоть цѣпочку эту взять!
Могла ли бъ мнѣ она пристать?
Чьи это вещи дорогія?

(Надѣваетъ уборъ и становится передъ зеркаломъ.)

Вотъ мнѣ сережки бы такія!
Не такъ на васъ сейчасъ глядятъ.
Хоть молода ты, хоть прекрасна,
Все превосходно, да напрасно;—
Вниманія не обратятъ.
Похвалятъ лишь съ участіемъ безслѣднымъ.
Къ богатству льнутъ,
Богатства ждутъ
Всѣ. Ахъ, и горе же намъ, бѣднымъ!

Гулянье.

Фаустъ въ раздумьи ходитъ взадъ и впередъ.—
Подходитъ Мефистофель.

Мефистофель.

Клянусь отверженной любовью! пыломъ ада!
Знай хуже что̀, клялся бъ и тѣмъ я! Вотъ досада!

Фаустъ.

Что такъ? и въ чемъ бѣда твоя?
Подобнаго лица и видѣть не случится!

Мефистофель.

Готовъ бы къ чорту провалиться,
Когда бъ самъ чортомъ не былъ я!

Фаустъ.

Иль голова твоя сбиваться съ толку стала?
Тебѣ такъ бушевать ужасно не пристало!

Мефистофель.

Подумай, тотъ уборъ, что Гретхенъ я припасъ,
Попъ подцѣпить сумѣлъ какъ разъ!
Мать эту штуку усмотрѣла,
И вмигъ сомнѣнье возымѣла.
У этой бабы чуткій носъ,
Онъ на молитвенникѣ взросъ,
И чуетъ всюду, въ каждый слѣдъ,
Святая это вещь, иль нѣтъ.
Она уборъ какъ увидала,
Въ немъ благодати не сыскала.
Дитя! сказала, — грѣхъ и страхъ!
Неправое стяжанье прахъ.
Снесемъ Богородицѣ даръ неизвѣстный,
Она насъ порадуетъ манной небесной!
А Гретхенъ ротъ скривила свой,
Я чай, подумала, конь даровой,
И какъ безбожникомъ считать
Того, кто это могъ прислать!
Мать за попомъ послала скоро;

Тотъ понялъ все изъ разговора,
Взглянулъ и говоритъ: разсудокъ
На путь васъ истинный навелъ.
Кто побѣждаетъ, — пріобрѣлъ.
У церкви все варитъ желудокъ,
Она и страны пожираетъ,
А все же сытой не бываетъ;
Не вредно церкви, безъ сомнѣнья,
Неправое пріобрѣтенье.

Фаустъ.

Обычай общій; — онъ таковъ
У королей и у жидовъ.

Мефистофель.

Забралъ тутъ серьги и цѣпочки
Онъ какъ грибки поодиночкѣ,
И даже не благодарилъ,
Орѣховъ словно навалилъ,
Небесныя всѣмъ посулилъ награды,
Онѣ сердечно были рады.

Фаустъ.

А Гретхенъ?

Мефистофель.

Стала тосковать,
Не знаетъ какъ, чего желать,
Уборъ ей голову вскружилъ,
А больше тотъ, кто приносилъ.

Фаустъ.

Мнѣ жаль бѣдняжечки моей.
Уборъ достань ты новый ей!
Да прежній плохъ былъ, знаешь самъ.

Мефистофель.

Все шутки этимъ господамъ.

Фаустъ.

Ты постарайся, не лѣнись,
Къ ея сосѣдкѣ подкатись.
Ты, чортъ, не будь же размазней,
Достань ты мнѣ уборъ другой!

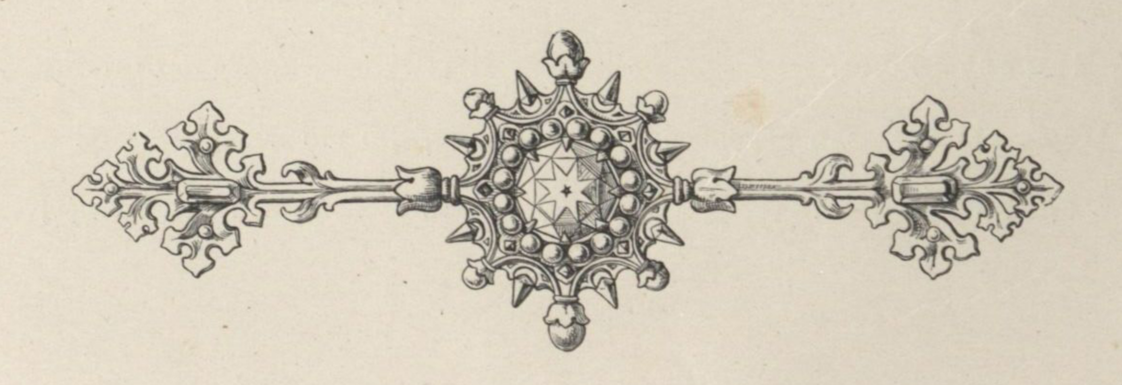
Мефистофель.

Да, сударь, вашъ слуга ослушаться не смѣетъ.

(Фаустъ уходитъ.)

Какъ съ дуракомъ влюбленнымъ быть?
Онъ солнце и луну, и звѣзды всѣ разсѣетъ,
Чтобъ только милой угодить.

(Уходитъ.)

Домъ Сосѣдки.

Марта (одна).

Мой муженекъ, чтобъ Богъ ему простилъ,

Со мною дурно поступилъ!

Ушелъ шататься, — тѣсно въ домѣ.

Вотъ и одна я на соломѣ,

А, кажется, ему я не грубила

И, видитъ Богъ, какъ я его любила.

(Плачетъ.)

Быть-можетъ, ужъ Господь успѣлъ его прибрать!

Гдѣ мнѣ свидѣтельство-то взять?

Маргарита (входитъ).

Я, Марта, къ вамъ.

Марта.

Дружокъ, зачѣмъ?

Маргарита.

Я вся дрожу, чуть не упала!

Въ шкапу я ящикъ увидала

Такой, какъ былъ и передъ тѣмъ.

А вещи, — не было такихъ

И въ томъ — чудесныхъ, дорогихъ.

Марта.

Про нихъ ты матери ни слова!

Она попу отдастъ ихъ снова.

Маргарита

Гляди! Ахъ! обрати вниманье!

Марта (наряжаетъ ее).

Ахъ, ты счастливое созданье!

Маргарита.

Жаль! что нельзя въ нихъ ни гулять,

Ни даже въ церкви ихъ казать.

Марта.

Ко мнѣ почаще урывайся,

Тихонько здѣсь, въ уборѣ этомъ всемъ,

Предъ зеркаломъ часочекъ прогуляйся,

Мы налюбуемся вдвоемъ.

А въ праздники ты станешь надѣвать

По малости, — и людямъ ихъ казать.

Сперва цѣпочку, серьги тамъ одни.

Мать не замѣтитъ; ей, пожалуй, что сболтни.

Маргарита.

Но кто два ящика принесъ-то?

Тутъ дѣло, кажется, не спроста!

(Стучать.)

Маргарита.

О, Боже! Ну, какъ мать идетъ! — я вся дрожу.

Марта (смотря за занавѣсъ двери).

Чужой тамъ господинъ. — Войдите!

Мефистофель (входя).

Я прошу

Прощенья напередъ у дамъ,

Что прямо такъ вхожу я самъ.

(Почтительно отступаетъ передъ Маргаритой.)

О Мартѣ Швертлейнъ я спросить два слова!

Марта.

Я самая. Я отвѣчать готова!

Мефистофель (тихо ей).

Теперь я знаю васъ, — и впредь я очень радъ;

Но гости знатные у васъ сидятъ.

Простите, что вошелъ безъ зова,

Но въ полдень къ вамъ явлюсь я снова.

Марта (громко).

Дитя! Вотъ чудеса пошли!

Тебя за барышню сочли.

Маргарита.

Бѣдняжка я, и господину

Дала къ любезности причину.

А весь чужой на мнѣ уборъ. —

Мефистофель.

Не онъ одинъ, а вашъ и взоръ

Блистаетъ благородной волей;

Я радъ, что остаюсь тутъ долѣ!

Марта.

Съ чѣмъ вы пришли? Хочу скорѣй...

Мефистофель.

Желалъ бы лучшихъ я вѣстей!

И не хотѣлъ бы вызвать стоновъ.

Мужъ умеръ вашъ и шлетъ поклоновъ.

Марта.

Онъ умеръ? милый другъ! Ахти!

Онъ умеръ, ахъ, не въ силахъ я снести!

Маргарита.

Въ отчаянье не приходите!

Мефистофель.

Печальной повѣсти внемлите!

Маргарита.

Я полюбить весь вѣкъ свой не желаю,
Утраты я не вынесу,—я знаю.

Мефистофель.

Грусть въ радости, а радость въ грусти вѣчно.

Марта.

Скажите же, какъ умеръ онъ?

Мефистофель.

Онъ у Антонія, сердечный,
Тамъ въ Падуѣ похороненъ,
На благодатнѣйшемъ погостѣ
Свои онъ успокоилъ кости.

Марта

А мнѣ вы ничего затѣмъ не сообщите?

Мефистофель.

Большую просьбу приношу:
Вы триста панихидъ по мертвомъ закажите!
Во всемъ другомъ не взыскивать прошу.

Марта.

Какъ! бездѣлушки даже никакой!
Какую въ сумочкѣ рабочій припасетъ,
Да въ память принесетъ,
Скорѣй попроситъ подаянья!—

Мефистофель.

Мадамъ, скорблю я самъ душой;
Но все жъ на вѣтеръ онъ не бросилъ достоянья.
Онъ о своихъ проступкахъ сожалѣлъ,
И очень о своемъ несчастіи скорбѣлъ.

Маргарита.

Какъ трудно людямъ жить и гибнуть безъ пути!
За упокой его послѣдній грошъ отдамъ ужъ.

Мефистофель.

Достойны вы сейчасъ же выйти замужъ:
Такое вы прелестное дитя.

Маргарита.

Ахъ, нѣтъ, чередъ не вышелъ мой.

Мефистофель.

Коли не мужъ, такъ кавалеръ любой.
Какое райское блаженство,
Обнять такое совершенство.

Маргарита.

Не принятъ здѣсь подобный обиходъ.

Мефистофель.

Ну, принятъ или нѣтъ! а все одинъ исходъ.

Марта.

Да разскажите мнѣ!

Мефистофель.

Я въ часъ его кончины
Былъ у его одра; то былъ навозъ одинъ,
Но умиралъ онъ, какъ христіанинъ,
А за собой еще онъ находилъ причины.
Какъ долженъ, онъ твердилъ, себя я ненавидѣть,
Что могъ такъ долгъ попрать и такъ жену обидѣть!
Ахъ, тяжело! онъ продолжалъ, стеня,
Хотя бъ простить меня она въ душѣ рѣшила!

Марта (плачетъ).

Мой бѣдный мужъ! ужъ я давно ему простила.

Мефистофель.

Но видитъ Богъ! она виновнѣе меня.

Марта.

Онъ лжетъ! какъ! лгать передъ кончиной этакъ!

Мефистофель.

Онъ вѣрно бредилъ подъ послѣдокъ,
Коль я могу судить о чемъ.
Мнѣ, говорилъ онъ, жить досталось не зѣвая,
Сперва дѣтей, потомъ ей хлѣба добывая,
И хлѣба въ смыслѣ не прямомъ,
А я не могъ куска-то съѣсть покойно.

Марта.

Всю нѣжность, всю любовь забыть такъ недостойно,
Все надрыванье день и ночь!

Мефистофель.

Нѣтъ, было позабыть о нихъ ему не въ мочь.
Онъ говорилъ: когда изъ Мальты я
Отплылъ, я за жену и за дѣтей молился,
И до небесъ дошла молитва, знать, моя,
Въ плѣну у насъ корабль турецкій очутился,
Который везъ казну великому султану.—
Тутъ было роздано возмездье храбрецамъ.
Я получилъ, скрываться въ томъ не стану,
Часть приходящуюся самъ.

Марта.

Ахъ, что? Ахъ, гдѣ? Ее онъ не зарылъ ли?

Мефистофель.

Не знаю подлинно; онъ денегъ не спустилъ ли?
Въ Неаполѣ съ нимъ барышня сошлась,
Когда уже въ трудахъ не изнурялъ онъ силы;
Она его любить такъ вѣрно принялась,
Что это чувствовалъ онъ даже до могилы.

Марта.

Ахъ, онъ подлецъ! Дѣтей грабитель!
Бѣда, нужда со всѣхъ сторонъ,
А онъ такой же расточитель!

Мефистофель.

Вы видите, за то и умеръ онъ.
Когда бъ я сталъ на мѣсто ваше,
Хоть горевалъ бы годъ, другой,
Межъ тѣмъ дружка высматривалъ бы краше.

Марта.

О, Боже! Все жъ каковъ былъ первый мой,
Едва ль другой отыщется на свѣтѣ!
Подобный дурачокъ найдется ль средь живыхъ.
Онъ только странствія любилъ всѣ эти,
Вино чужое, женъ чужихъ
И эти проклятыя кости.

Мефистофель.

Ну, можно было и терпѣть,
Когда и онъ безъ всякой злости
Могъ и на вашу жизнь смотрѣть.
Клянусь, съ такимъ условьемъ самъ
Кольцо въ обмѣнъ я бъ отдалъ вамъ!

Марта.

Вы только шутите изъ лести!

Мефистофель (про себя).

Нѣтъ, отъ нея пора бѣжать!
Готова чорта на словѣ поймать.

(Обращаясь къ Гретхенъ.)

А ваше сердце все на мѣстѣ?

Гретхенъ.

Какъ мнѣ васъ понимать?

Мефистофель (про себя).

Невинное дитя!

(Громко.)

Прощайте, барыни!

Маргарита.

Прощайте!

Марта.

Не шутя!
Свидѣтельство-то мнѣ, премного бъ одолжили,
Какъ, гдѣ, когда дружка вы схоронили.
Порядокъ вѣкъ блюдя во всѣхъ предметахъ,
Про смерть его прочесть желала бы въ газетахъ.

Мефистофель.

Двухъ очевидцевъ можетъ быть
Довольно, дѣло подтвердить.
Товарищъ у меня приличный,—
Онъ явится на ставкѣ личной.
Мы съ нимъ придемъ.

Марта.

Прошу я васъ!

Мефистофель.

А вотъ и дѣвушка какъ разъ?
Онъ ловкій малый! Просвѣщенъ,
Любезенъ съ барышнями онъ.

Маргарита.

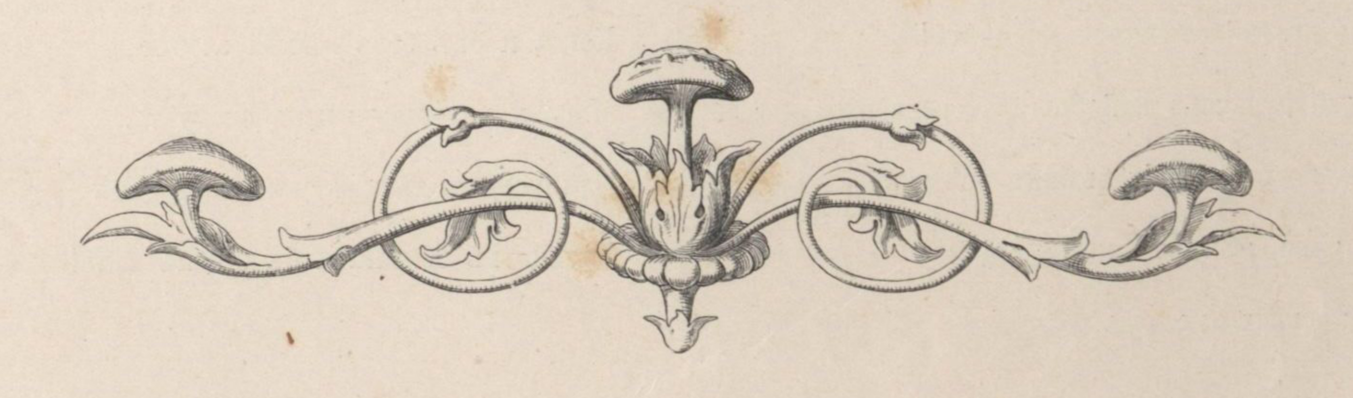
Сгорю я со стыда предъ этимъ господиномъ.

Мефистофель.

Да ни передъ царемъ единымъ.

Марта.

Вотъ тамъ въ моемъ саду, за этимъ домомъ,
Сегодня вечеркомъ мы ждемъ васъ со знакомымъ.

Улица.

Фаустъ и Мефистофель.

Фаустъ.

Ну что? каковъ успѣхъ? Дождусь ли я?

Мефистофель.

А, браво! Весь горишь какъ жаръ ты?
И Гретхенъ въ скорости твоя.
Съ ней вечеромъ увидишься у Марты.
Вотъ женщина; ужъ рождена
Цыганкой, сводней быть она!

Фаустъ.

Чудесно!

Мефистофель.

Но и къ намъ есть просьба, милый мой.

Фаустъ.

Услуга требуетъ другой.

Мефистофель.

Мы показать должны, въ томъ только вся услуга,
Что прахъ ея покойнаго супруга
Былъ въ Падуѣ похороненъ.

Фаустъ.

Умно! И долженъ путь туда свершить сперва я!

Мефистофель.

Sancta simplicitas!—Тутъ выходъ не мудренъ;
Ты засвидѣтельствуй, не зная!

Фаустъ.

Другое выдумай! То выдумка плохая.

Мефистофель.

О, мужъ святой! Давно ли освященъ?
Какъ будто въ жизни ужъ понынѣ

Ты лжесвидѣтельствъ не давалъ?—
О Богѣ, о душѣ не самъ ли ты вѣщалъ,
О мірѣ, доходя до всѣхъ его началъ,
Опредѣленій ты не ставилъ ли въ гордынѣ?
Да съ мѣднымъ лбомъ, съ отвагой огневой?
А загляни въ себя ты честно,
Вѣдь это все тебѣ не болѣе извѣстно
Кончины Швертлейна самой!

Фаустъ.

Ты все софистъ и вѣчный лжецъ.

Мефистофель.

Когда бы я не зналъ людскихъ сердецъ.
А завтра неравно случится,
У Гретхенъ станешь горячиться,
И бѣдненькой въ любви божиться!

Фаустъ.

И отъ души.

Мефистофель.

Отлично! Не спѣши!
Тутъ о любви и страсти вѣчной,
И безграничной и сердечной—
И это тоже отъ души?

Фаустъ.

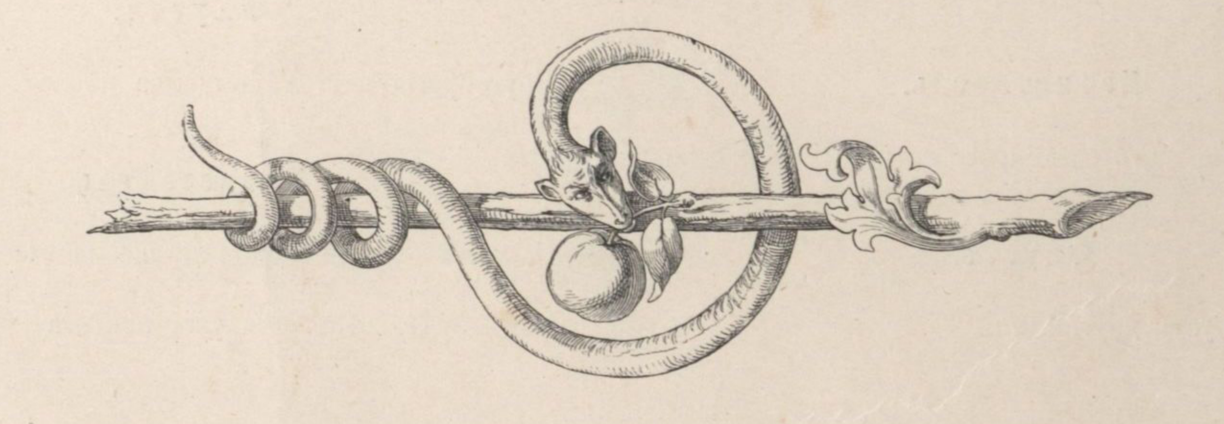
Оставь! Ну да! Когда горю я,
Когда весь пылъ, всю эту дрожь
Назвать и слова не сыщу я,
И въ цѣломъ мірѣ сердцемъ снова
Ищу достойнѣйшаго слова,
И этотъ пылъ съ стремленіемъ сердечнымъ
Я называю вѣчнымъ, вѣчнымъ,—
Иль это дьявольская ложь?

Мефистофель.

А правъ-то я!

Фаустъ.

Послушай-ко! Оставь—
Пожалуйста, мои хоть легкія жалѣя:—
Кто хочетъ правымъ быть, лишь языкомъ владѣя,
Тотъ будетъ правъ.
Пойдемъ.—Наскучила мнѣ эта болтовня.
Ты правъ ужъ тѣмъ,—что нужно для меня.

Садъ.

Маргарита и Фаустъ подъ руку.—Марта и Мефистофель прогуливаются.

Маргарита.

Я чувствую все снисхожденье въ васъ
Ко мнѣ,—и я стыдомъ сгораю небывалымъ.
Кто странствуетъ, привыкъ уже подчасъ
Довольствоваться слишкомъ малымъ;
И я увѣрена, мужъ опытный такой
Не можетъ занятъ быть моею болтовней.

Фаустъ.

Одинъ твой взглядъ и звукъ рѣчей
Дороже мудрости мнѣ всей.

(Цѣлуетъ ея руку.)

Маргарита.

Не безпокойтесь! что̀ вамъ за охота
И цѣловать? Она жестка, груба!
Не минетъ этихъ рукъ и черная работа;
Мать на взысканье не слаба.

(Проходятъ.)

Марта.

А вы, сударь, вы вѣчно на пути?

Мефистофель.

Ахъ, ремесло и долгъ! Не въ нашей это волѣ!
Какъ тяжело порой изъ мѣстъ иныхъ уйти,
А все нельзя остаться долѣ!

Марта.

Въ порывистыхъ годахъ куда ни шло
Носиться по свѣту, испытывая силы,
Но вотъ лѣта приносятъ зло,
И такъ холостякомъ тащиться до могилы
Кого-либо къ добру едва ли привело.

Мефистофель.

Предвижу это съ содроганьемъ!

Марта.

Размыслите о томъ за время со вниманьемъ.

(Проходятъ.)

Маргарита.

Да, вонъ изъ глазъ, изъ сердца вонъ!
Вы съ вѣжливымъ сдружились обращеньемъ.
Не мнѣ чета; разумнѣйшимъ сужденьемъ
Вашъ кругъ знакомства надѣленъ.

Фаустъ.

О, милая! Повѣрь, разумнымъ-то слыветъ
Нерѣдко спесь одна, да близорукость.

Маргарита.

Да?

Фаустъ.

Ахъ, жаль, что въ простотѣ невинность никогда
Себя и всей цѣны своей не сознаетъ!
Что скромность нѣжную смиренному разсудку
Готовы мы въ вину поставить и считать...

Маргарита.

Попомните меня единую минутку,
Достанетъ времени о васъ мнѣ вспоминать.

Фаустъ.

Вы все одни?

Маргарита.

Да, хлопоты всѣ дни,
Хоть необширныя они.
У насъ служанки нѣтъ; вязать, мести, варить,
Шить надо мнѣ, бѣги туда, бѣги обратно,
А матери моей трудненько угодить,—
Такъ аккуратна!
Не то, чтобъ нужно ей стѣснять себя во всемъ,
Мы даже болѣе иныхъ имѣемъ средства:
Отецъ-таки оставилъ намъ наслѣдство,
Есть домикъ за городомъ, садъ.
Теперь мои поразвязались руки:
Мой братъ солдатъ,
Сестричка умерла.
Съ ребенкомъ этимъ, что̀ я горя приняла,
Но я бы съ радостью опять пошла на муки,
Будь живъ онъ.

Фаустъ.

Ангелъ былъ, коль сходенъ былъ съ тобой!

Маргарита.

Вскормила я его,—тянулся онъ за мной.
Ужъ послѣ онъ отца родился;—
И недугъ матери продлился,
Ужъ мы отчаялись сперва,—
И поднялась она едва-едва.
Тутъ думать нечего ей было,
Чтобъ крошечку сама она кормила.
Вотъ и вскормила я ее
Водой да молокомъ; сказать,—дитя мое.
И съ рукъ моихъ оно не шло,
Смѣялось, прыгало, росло.

Фаустъ.

Чистѣйшую изъ всѣхъ ты радость испытала.

Маргарита.

Но сколько я и горя принимала.
Малютки колыбель стояла близъ меня,
Въ ночное время,—чуть бывало шевельнется—
Проснусь и я;
То надо напоить, то взять къ себѣ; неймется,—
Кричитъ,—тогда вставай, на мѣстѣ не сиди,
А съ нимъ по горницѣ взадъ и впередъ ходи,
А по утру опять къ корыту подходи;
На рынокъ, въ кухню будь готова,
Сегодня такъ и завтра снова.
Веселье не пойдетъ на умъ тутъ, сударь мой;
Зато какъ вкусенъ хлѣбъ и сладостенъ покой.

(Проходятъ.)

Марта.

Задача бѣдныхъ женщинъ тяжела:
Холостяка нельзя исправить.

Мефистофель.

А вѣдь любая бъ, кажется, могла
На лучшій путь меня направить.

Марта.

Еще ни съ кѣмъ вы такъ-то не встрѣчались?
И сердцемъ вы нигдѣ не прилѣплялись?

Мефистофель.

Пословица гласитъ намъ: свой очагъ,
Да добрая жена всѣхъ выше благъ.

Марта.

Я говорю: такихъ вы мыслей не держали?

Мефистофель.

Меня вездѣ любезно принимали.

Марта.

Я спрашиваю: мысль питали ль вы сердечно?

Мефистофель.

Кто съ женщиной шутить осмѣлится безпечно?

Марта.

Ахъ, вы не поняли!

Мефистофель.

Ужасно жалко мнѣ!
Но понялъ только я, что вы добры вполнѣ.

(Проходятъ.)

Фаустъ.

Такъ ты, мой ангелокъ, сейчасъ сообразила,
Узнала ты меня, когда я въ садъ вошелъ.

Маргарита.

Вы не замѣтили? Глаза я опустила.

Фаустъ.

И ты простила мнѣ, что подошелъ
Такъ дерзко я, хотя тогда ты волновалась,
Когда намедни ты изъ церкви возвращалась?

Маргарита.

Я смущена была, мнѣ это было ново;
Худого про меня никто бъ не могъ сказать.
Подумала я: онъ чего-нибудь дурного

Иль наглаго во мнѣ не могъ ли увидать?

Съ чего бы кажется и статься,

Такъ прямо къ дѣвкѣ привязаться.

И признаюсь, никакъ не знала я,

Что въ пользу вашу здѣсь ужъ стало шевелиться;

Но вѣрно то, я злилась на себя,

Что я на васъ сильнѣй не въ силахъ злиться.

Фаустъ.

Душа!

Маргарита.

Позвольте!

(Она срываетъ астру и обрываетъ лепестки одинъ за другимъ.)

Фаустъ.

Это что? Букетъ какой?

Маргарита.

Нѣтъ, такъ, забава.

Фаустъ.

Какъ?

Маргарита.

Не смѣйтесь надо мной.

(Она обрываетъ и шепчетъ.)

Фаустъ.

Что шепчешь ты?

Маргарита (вполголоса).

Меня онъ любитъ,—нѣтъ—

Фаустъ.

О ты, очей отрадный свѣтъ!

Маргарита (продолжаетъ).

Онъ любитъ,—нѣтъ, онъ любитъ,—нѣтъ,

(Обрывая послѣднiй лепестокъ, съ нѣжной радостью)

Меня онъ любитъ!

Фаустъ.

Дитя мое! прими ты рѣчь цвѣтка

За приговоръ небесъ. Тебя онъ любитъ!

Поймешь ли ты слова? тебя онъ любитъ!

(Беретъ ее за обѣ руки.)

Маргарита.

Я трепещу!

Фаустъ.

О, не дрожи! Пусть этотъ взоръ

И пусть руки моей пожатье

Проговорятъ, чего сказать нѣтъ словъ:

Вполнѣ предаться, чувствуя блаженство,

Которое должно быть вѣчно!

Да, вѣчно! Вѣдь его конецъ бы былъ

Отчаянье.—Нѣтъ, безъ конца! и вѣчно!

(Маргарита жметъ ему руки, вырывается и убѣгаетъ. Онъ стоитъ нѣкоторое время въ задумчивости, потомъ слѣдуетъ за ней.)

Марта (входя).

Ужъ скоро ночь.

Мефистофель.

И мы уйдемъ сейчасъ.

Марта.

Я бъ васъ просила дольше здѣсь остаться;
Да мѣсто-то прегнусное у насъ.
Здѣсь всѣ, вотъ словно имъ и нечѣмъ заниматься,
И дѣла точно нѣтъ другого,
Какъ у сосѣда все высматривать любого.
А тутъ пойдутъ судить, не избѣжишь рѣчей.
А наша парочка?

Мефистофель.

Порхнула въ липникъ тотъ.
Вотъ птички вешнія!

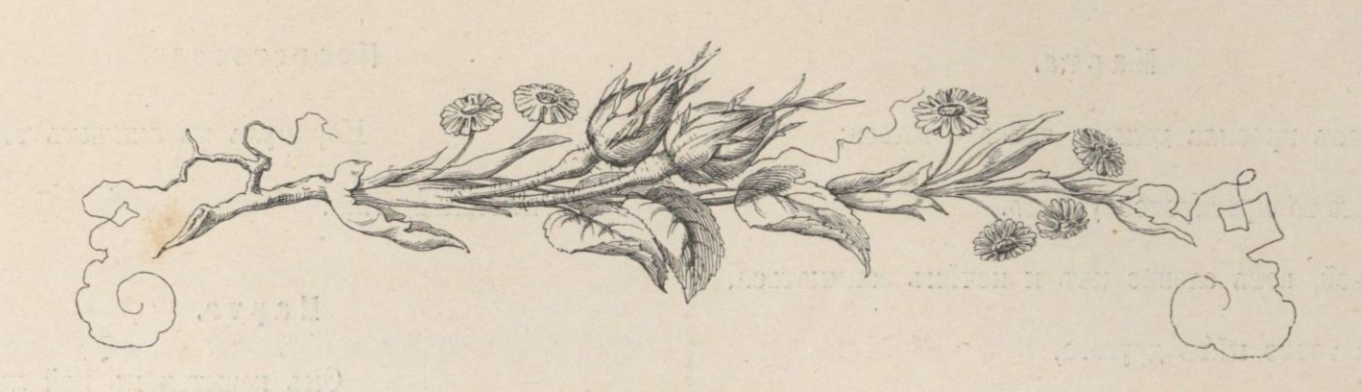
Марта.

Онъ кажется къ ней льнетъ.

Мефистофель.

Она къ нему. Таковъ законъ вещей!

Бесѣдка.

Маргарита (вбѣгаетъ, прячется за дверь, прикладываетъ палецъ къ губамъ и смотритъ въ щель двери).

Идетъ!

Фаустъ (входитъ).

Плутовка, какъ, смѣяться надо мной?

Постой же! (Цѣлуетъ ее.)

Маргарита (обнимая его, возвращаетъ поцѣлуй).

Другъ! тебя люблю я всей душой!

Мефистофель (стучится).

Фаустъ (топнувъ ногой).

Кто тамъ?

Мефистофель.

Пріятель!

Фаустъ.

Звѣрь!

Мефистофель.

Разстаться не порэ ль?

Марта (входитъ).

Ужъ поздно, сударь.

Фаустъ.

Мнѣ васъ провожать нельзя ль?

Маргарита.

Мать стала бы меня... прощайте!

Фаустъ.

Такъ не ждать?

Прощайте!

Марта.

Добрый путь!

Маргарита.

Увидимся опять!

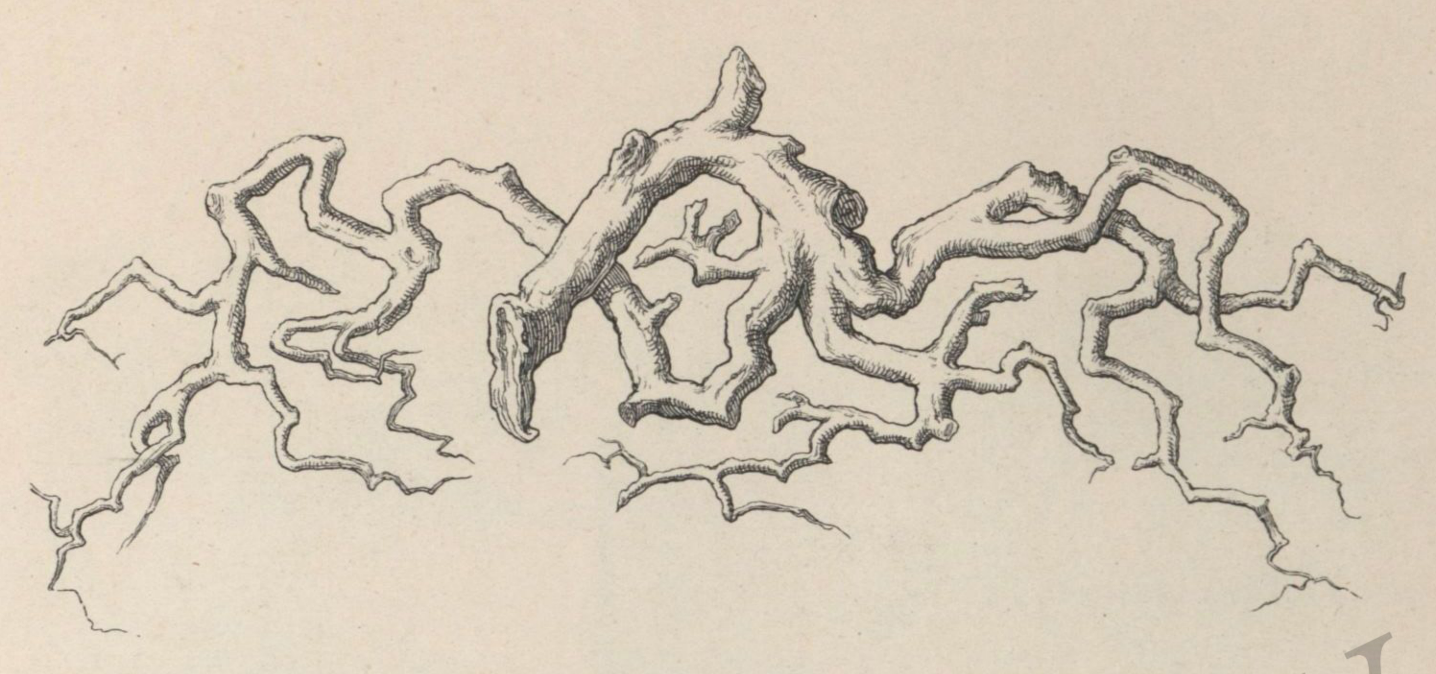
(Фаустъ и Мефистофель уходятъ.)

Маргарита.

О, Господи! чего, чего
Не передумалъ онъ всего!
А я въ смущеніи гляжу
И ко всему лишь *да* твержу.
Заговоритъ—я какъ во снѣ,
И что̀ онъ могъ найти во мнѣ?

(Уходитъ.)

ALLGAIER & SIEGLE. STUTTGART
E S

Лѣсъ и пещера.

Фаустъ (одинъ).

Высокій духъ, ты все послалъ мнѣ, все,
О чемъ просилъ я. Не вотще свой ликъ
Ты обратилъ во пламени ко мнѣ.
Отдавъ мнѣ въ царство чудную природу,
Ты далъ мнѣ силъ цѣнить ее, вкушать.
Къ ней разрѣшилъ не доступъ лишь холодный,
А даровалъ взглянуть ей прямо въ грудь,
Какъ будто въ грудь привѣтливую друга.
Ты рядъ живыхъ проводишь предо мной
И научаешь братьевъ узнавать
На воздухѣ, въ водѣ и въ тихой рощѣ.
Когда же буря по лѣсу гудетъ
И исполинъ сосна треща валится,
Сосѣдніе ломя стволы и сучья,
И грянетъ холмъ отъ тяжкаго паденья,
Тогда ты мнѣ въ пещерѣ безопасной
Указываешь самого себя,
И грудь моя свои мнѣ кажетъ тайны.
Когда же чистая луна засвѣтитъ
Успокоительно, ко мнѣ слетаютъ
Съ отвѣсныхъ скалъ и изъ кустовъ росистыхъ
Минувшаго серебряныя тѣни,
Жаръ созерцанья строгій укротить.

О, я позналъ теперь, что человѣку
Не вѣдать совершенства. Къ наслажденью,
Ведущему меня къ богамъ все ближе,
Ты пріобщилъ мнѣ спутника, съ которымъ
Ужъ я разстаться не могу, хоть онъ
Въ моихъ глазахъ меня же унижаетъ,
Какъ всѣ твои дары, единымъ словомъ.
Въ моей груди онъ будитъ пламень дикій,
Чтобъ дивную ту омрачить картину.
Такъ восхотя, ищу я наслажденій,
И въ наслажденьи жажду восхотѣть.

Мефистофель (входитъ).

Вести такую жизнь не надоѣло знать?
Какъ на одной стоять затѣѣ?
Прекрасно это все однажды испытать;
А тамъ чего бы поновѣе!

Фаустъ.

Знать дѣлать нечего, коль въ чудный день такой
Тебѣ терзать меня досужно.

Мефистофель.

Ну, ну! Мнѣ дорогъ твой покой;
И повторять о томъ не нужно.
Въ тебѣ, съ причудами твоими, да съ душкомъ
Всегда заносчивымъ—немного потеряешь.
Тутъ полны руки дѣлъ въ любое время днемъ!
Что нравится ему и неугода въ чемъ,
Ужъ по носу у васъ никакъ не угадаешь.

Фаустъ.

Такъ вотъ дѣла куда пошли!
Благодари я даже за докуку.

Мефистофель.

Ну, какъ бы, бѣдный сынъ земли,
Ты жилъ, когда бъ не протянулъ я руку?
Вѣдь дурь твоей растрепанной мечты
Прогнать-то я надолго постарался.
И если бы не я, давно бы ты
Съ земного шара прогулялся.
Ну, что ты здѣсь въ пещерахъ подъ скалой,
Въ разсѣлинахъ сидишь сова совой?
По мхамъ да влажнымъ камнямъ, только знаешь
Какъ жаба пищи набираешь?
Занятье чудное и видъ!
Въ тебѣ все докторъ знать сидитъ.

Фаустъ.

Поймешь ли ты, какимъ приливомъ силъ
Пустынный этотъ видъ мнѣ душу оживилъ?
Но если бъ понялъ ты хоть частью,
Какъ истый чортъ, ты помѣшалъ бы счастью.

Мефистофель.

Сверхчувственно—могу сказать!
Въ росѣ, въ горахъ, да по ночамъ шагать,
И съ небомъ и съ землею обниматься,
До божества пытаясь раздуваться,
И въ глубь земли стремиться путь найти,
Шесть дней творенья всѣ вмѣщать въ груди,
Вкушать въ гордынѣ не вѣсть что такое?
Въ блаженствѣ утопать, все позабывъ земное
И сына праха заглушивъ;
И вдохновенія приливъ

(Дѣлаетъ движеніе)

Закончить чѣмъ?

Оставлю ужъ въ покоѣ.

Фаустъ.

Фи! гадость!

Мефистофель.

Видишь ли, тебѣ не нравлюсь я.
Фи! въ правѣ говорить ты, нравственность блюдя,
И уши чистыя то пропускають мимо,
Что̀ чистымъ всѣмъ сердцамъ вполнѣ необходимо.
Ну, словомъ, я твоей предоставляю волѣ,
Налгать при случаѣ себѣ какъ можно болѣ;
Но долго ль будетъ такъ съ тобой.
Въ тебѣ ужъ что-то шевелится,
Дай срокъ, оно и разразится
Безумствомъ, страхомъ иль тоской,
Оставимъ это!—Твой дружочекъ милый
Сидитъ теперь печальна и грустна;
Къ тебѣ она стремится всею силой,
Въ тебя она до страсти влюблена.
Любовнымъ бѣшенствомъ сначала забурлилъ ты,
Какъ въ таяньи снѣговъ бушующій ручей;
Волненіе свое ей въ сердце перелилъ ты,
Теперь ручейчикъ твой смирнѣй.
Мнѣ кажется, чѣмъ по лѣсамъ скитаться,
Великій мужъ бы, не шутя,
Могъ это бѣдное дитя
Вознаградить за нѣжность постараться.
Тоска ее ужасная беретъ;
То станетъ у окна да все глядитъ, какъ тучи
То тянутся, то наплываютъ въ кучи.
«Когда бъ была я птичкой!» запоетъ.
Такъ цѣлый день, гляди, и ночь пройдетъ,
То весела, не то грустна,
То вдругъ слезами вся зальется,
Потомъ какъ будто и уймется,
И все влюблена.

Фаустъ.

Змѣя! змѣя!

Мефистофель (про себя).

Ага! тебя поймалъ же я!—

Фаустъ.

Проклятый! къ дѣлу и не къ дѣлу,
Прекрасной женщины не поминай!
И похоти во мнѣ не возбуждай
Къ ея ты сладостному тѣлу!

Мефистофель.

Что жъ это будетъ? Ты, въ ея глазахъ,
Теперь бѣжалъ. Вѣдь это просто страхъ.

Фаустъ.

Я близокъ къ ней,—вездѣ она моя,
И къ ней навѣкъ мечты мои несутся;
Завидую Христову тѣлу я,
Когда ея уста его коснутся.

Мефистофель.

Отлично, другъ! и мнѣ завидно часто было
Двоешекъ наблюдать, что розами прикрыло.

ALLGAIER & SIEGLE. STUTTGART.

Фаустъ.

Прочь, сводникъ!

Мефистофель.

Ты меня бранишь, а мнѣ забавно.
Богъ, что дѣвицъ и парней создавалъ,
Въ томъ силу главную призналъ,
Чтобъ случай подвести исправно.
Пойдемъ! Подумаешь, вотъ горе!
Вѣдь ты у милой будешь вскорѣ,
Не смерть, а счастье впереди.

Фаустъ.

Что мнѣ и рай ея дыханья?
Могу ль забыть ея страданья
Я даже на ея груди?
Я развѣ не бѣглецъ? и не безумный?
Не выродокъ слѣпой, познавшій страсть,
Который какъ потокъ со скалъ несется шумный,
Чтобъ въ безднѣ сумрачной пропасть?
А въ сторонѣ она съ младенческой душою;—
На выступѣ скалы стоитъ ея домокъ,
Заботою домашнею одною
Наполненъ весь ея мірокъ.—
Богоотверженный, я мало
Того что захватилъ
И раздробилъ
Ея родныя скалы!
Я подъ ея покой рѣшился подкопаться!
Подобной жертвой, адъ, ты можешь услаждаться!
Ты, чортъ, разсѣй измученную душу!
Чему ужъ быть, пусть будетъ поскорѣй!
Пусть на себя судьбу ея обрушу,
Погибнуть чтобъ со мной и ей.

Мефистофель.

Опять кипишь ты и пылаешь!
Ступай, утѣшь ее, глупецъ!
Гдѣ въ бѣдной головѣ ты выходъ потеряешь,
Тебѣ мерещится конецъ.
Хвала тому, кто дѣйствуетъ смѣлѣй!
И огнь и воду ты вѣдь человѣкъ прошедшій.
По-моему нѣтъ ничего глупѣй,
Какъ чортъ, въ отчаянье пришедшій.

Комната Гретхенъ.

Гретхенъ (за прялкой одна).

Прости мой покой,
Тоска въ груди;
Никогда мнѣ его—
Никогда не найти.

Гдѣ онъ не со мной,
Все гробъ пустой;
Глядѣть на свѣтъ
Охоты нѣтъ.

Мой бѣдный умъ
Пошелъ кругомъ,
Мой бѣдный смыслъ
Исчезъ во всемъ.

Прости мой покой,
Тоска въ груди;
Никогда мнѣ его—
Никогда не найти.

За нимъ лишь гляжу я
Изъ окна,
За нимъ лишь иду я
Изъ дома одна.

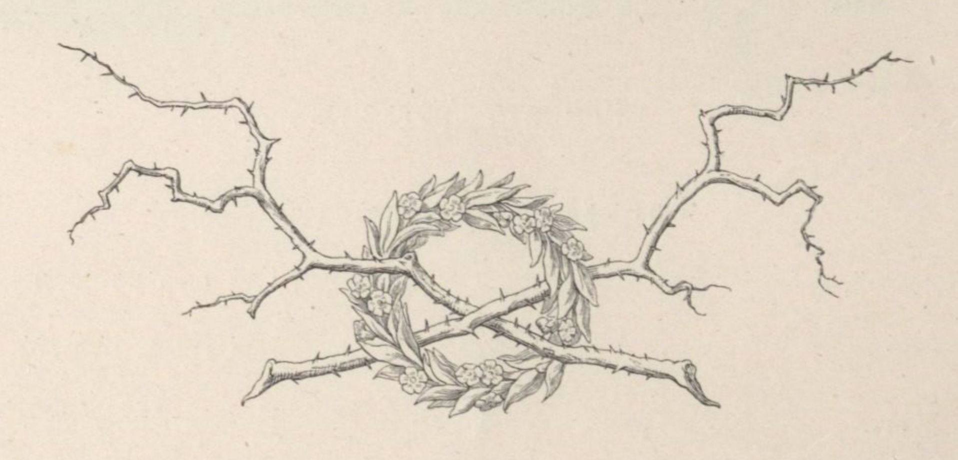
Какая поступь,
Какъ сложенъ,
Кто улыбнется,
Кто глянетъ, какъ онъ?

И эта рѣчь,
Какъ пѣнье струй,
И рукожатье,
И поцѣлуй!

Прости мой покой,
Тоска въ груди;
Никогда мнѣ его—
Никогда не найти.

Душа летитъ
Его встрѣчать.
Ахъ, какъ бы схватить
И его удержать!

И цѣловать
Его и млѣть,
И въ поцѣлуяхъ
Умереть!

Садъ Марты.

Маргарита.—Фаустъ.

Маргарита.

Дай слово, Генрихъ!

Фаустъ.

Въ чемъ могу!

Маргарита.

Насколько ты религіи послушенъ?
Ты добрый человѣкъ, но я едва ль солгу—
Сказавъ, что къ ней ты равнодушенъ.

Фаустъ.

Оставь, дитя! Мою ты сознаешь любовь;
За близкихъ сердцу я готовъ пролить и кровь,
Не стану отнимать я церкви у страны.

Маргарита.

Нѣтъ, мало этого; мы вѣровать должны!

Фаустъ.

Должны ли мы?

Маргарита.

Мнѣ ль убѣждать? Самъ знаешь!
И таинствъ ты не почитаешь.

Фаустъ.

Я чту ихъ.

Маргарита.

Только безъ желанья.
Не приносилъ давно ты въ церкви покаянья.
А въ Бога вѣришь ли?

Фаустъ.

Кто въ правѣ въ цѣломъ свѣтѣ,
«Я въ Бога вѣрую», сказать?

Спроси священника иль мудреца,—въ отвѣтѣ
Скорѣе можно бы насмѣшку услыхать
Надъ вопрошающимъ.

Маргарита.

Итакъ, не вѣришь ты?

Фаустъ.

Какъ объяснить тебѣ, мой ангелъ чистоты!
Кто назоветъ Его? укажетъ
И скажетъ:
«Въ Него я вѣрю.»
Кто ощущаетъ
И самъ дерзаетъ
Сказать: «не вѣрю я»?
И Вседержитель,
Всеохранитель
Не охраняетъ ли тебя,
Меня и самого себя?
Не сводъ ли неба тамъ надъ нами?
И не крѣпка ль земля подъ нашими ногами?
Не вѣчныя ли звѣзды всходятъ
Все выше, весело блестя?
Глаза въ глаза тебѣ я не гляжу ль,
И не стремится ль все
Къ тебѣ и въ голову, и въ сердце,
И вѣетъ тайной безотвѣтной
Незримо, зримо вкругъ тебя?
Наполни этимъ грудь со всѣмъ участьемъ,
И если сердце вдругъ замлѣетъ счастьемъ,
Какъ хочешь это чувство назови:
Любовью! счастьемъ! сердцемъ! Богомъ!
Я имени не знаю
На это!--Чувство—все;
А имя—звукъ и дымъ, вокругъ
Небеснаго огня.

Маргарита.

Прекрасно это, добрый другъ;
Священникъ то же, помню я,
Иными говорилъ словами.

Фаустъ.

Все это говорятъ сердцами
Всѣ люди по свѣту кругомъ,
На языкѣ своемъ родномъ.—
Зачѣмъ мнѣ на своемъ не высказать того же?

Маргарита.

Послушать, такъ и съ правдой схоже,
Но въ этомъ есть изъянъ одинъ;—
Въ душѣ ты не христіанинъ.

Фаустъ.

Дитя!

Маргарита.

И вижу я скорбя,
Въ подобномъ обществѣ тебя.

Фаустъ.

Какъ такъ?

Маргарита.

Тотъ человѣкъ, съ которымъ ты хорошъ,
Мнѣ прямо въ сердце острый ножъ;
И въ жизни, съ самаго начала,
Я ничего страшнѣй не знала
Его лица-то одного.

Фаустъ.

Не бойся, куколка, его!

Маргарита.

Въ его присутствіи стѣсненье я терплю.
А то я всѣхъ людей люблю;
Какъ жажду я тебя увидѣть,
Такъ этого въ душѣ готова ненавидѣть,
И я его считаю шельмецомъ!
Прости мнѣ, Господи, коль ошибаюсь въ томъ!

Фаустъ.

Есть и такимъ на свѣтѣ дѣло.

Маргарита.

Съ подобными ему я жить бы не хотѣла!
Какъ въ двери онъ войдетъ, заговоритъ,
Съ такой насмѣшкою глядитъ,
Какъ бы со зломъ;
Не приметъ видимо участья онъ ни въ чемъ;
На лбу написано признанье,
Что онъ любитъ не въ состояньи.
Въ объятіяхъ твоихъ мнѣ такъ свѣтло,
Такъ по себѣ, такъ преданно тепло,
А вотъ при немъ я вся больна душой

Фаустъ.

О, чистый, вѣщій ангелъ мой!

Маргарита.

Такое я насиліе терплю,
Что стóитъ лишь ему межъ нами появиться,
Я словно и тебя ужъ больше не люблю.
При немъ я бъ не могла молиться,
Какъ будто пробираетъ дрожь;
Съ тобою, Генрихъ, вѣрно тожъ.

Фаустъ.

Антипатія у тебя.

Маргарита.

А мнѣ пора домой.

Фаустъ.

Ахъ, хоть бы я
Часокъ съ тобой покойно могъ остаться,
Чтобъ грудь на грудь, душа съ душой сливаться!

Маргарита.

Ахъ, если бъ я спала одна!
Сегодня бъ я въ ночи замка не задвигала;
Но мать чутка во время сна,
И если бъ насъ она застала,
Я бъ тутъ на мѣстѣ умерла?

Фаустъ.

Мой ангелъ, въ чемъ бѣду нашла!
Вотъ пузырекъ! Три капли влить
Въ ея напитокъ и довольно,
Чтобъ въ сонъ ее глубокій погрузить.

Маргарита.

Тебя я слушаюсь невольно!
Надѣюсь, ей вреда не будетъ въ этомъ?

Фаустъ.

Не вызвался бъ иначе я съ совѣтомъ.

Маргарита.

Другъ, близъ тебя стихаетъ вся тревога,
Куда велишь, иду я какъ во снѣ;
Я для тебя ужъ сдѣлала такъ много,
Что нечего и дѣлать больше мнѣ.

(Уходитъ.)

Мефистофель (входитъ).

Мартышка-то ушла?

Фаустъ.

А ты шпіонилъ снова?

Мефистофель.

Я все разслушалъ слово въ слово,
Изъ катехизиса пришлось вамъ отвѣчать,
Надѣюсь, докторъ, это вамъ здорово.
А дѣвушкамъ страхъ хочется узнать,
Блюдетъ ли кто законъ по старинѣ.
Коль тутъ онъ тихъ, такъ сдастся-молъ и мнѣ.

Фаустъ.

А ты, чудовище, ты не поймешь никакъ,
Что чистая душа, святая,—
Глубокой вѣрою полна,
Которая въ ея глазахъ
Одна спасительна,—томится, помышляя,
Что милаго она погибшимъ счесть должна.

Engelbert Seibertz erf. u. gez.

Adrian Schleich gest.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА, ВЪ СПБ.

Мефистофель.

Сверхчувственный и чувственный мой другъ,
Проводитъ за носъ васъ дѣвица.

Фаустъ.

Ты грязь и адской бездны духъ!

Мефистофель.

А по лицу читать она премастерица.
При мнѣ она какъ будто не своя,
Тревожу чувства въ ней я маской небывалой;
Она предчувствуетъ, что вѣрно геній я,
Коли не самъ я чортъ, пожалуй.
Такъ нынѣшнюю ночь...?

Фаустъ.

Тебѣ-то что же?

Мефистофель.

И я порадуюся тоже!

У колодца.

Гретхенъ и Лиза (съ кувшинами).

Лиза.

Ты о Варюшѣ не слыхала?

Гретхенъ.

Ни слова! Выхожу въ народъ я рѣдко такъ.

Лиза.

Навѣрное. Вечоръ Сивилла мнѣ сказала!
Попала наконецъ впросакъ:
Доважничалась!

Гретхенъ.

Какъ?

Лиза.

Не говори, воняетъ!
Коль ѣстъ она иль пьетъ, такъ этимъ двухъ питаетъ.

Гретхенъ.

Ахъ!

Лиза.

Вотъ наконецъ ей подѣломъ;
Довольно виснула на парнѣ-то своемъ!
Довольно гуляла,
На танцахъ, прогулкахъ мелькала,
Вишь, нужно первой быть во всемъ,
То съ пирожками къ ней онъ, то съ виномъ;—
Ужъ краше, думала, и нѣтъ ея кругомъ,
Стыда-то, совѣсти не знала,
Его подарки принимала.
Шептались, миловались, знай;
А вотъ цвѣтокъ-то и прощай!

Гретхенъ.

Бѣдняжка!

Лиза.

Что о ней жалѣть!
Какъ намъ за прялкою сидѣть,
Да ночью не пускаетъ мать,—

Ей все съ возлюбленнымъ стоять;—
И на скамьѣ, и въ темномъ переходѣ
Часами были на свободѣ.
Теперь пускай не погнѣвится
Въ рубашку грѣшницъ нарядиться!

Гретхенъ.

Онъ вѣрно женится на ней.

Лиза.

Онъ не дуракъ. Такому молодцу
Вездѣ просторъ и все къ лицу.
Ужъ онъ ушелъ.

Гретхенъ.

Поступокъ не хорошъ!

Лиза.

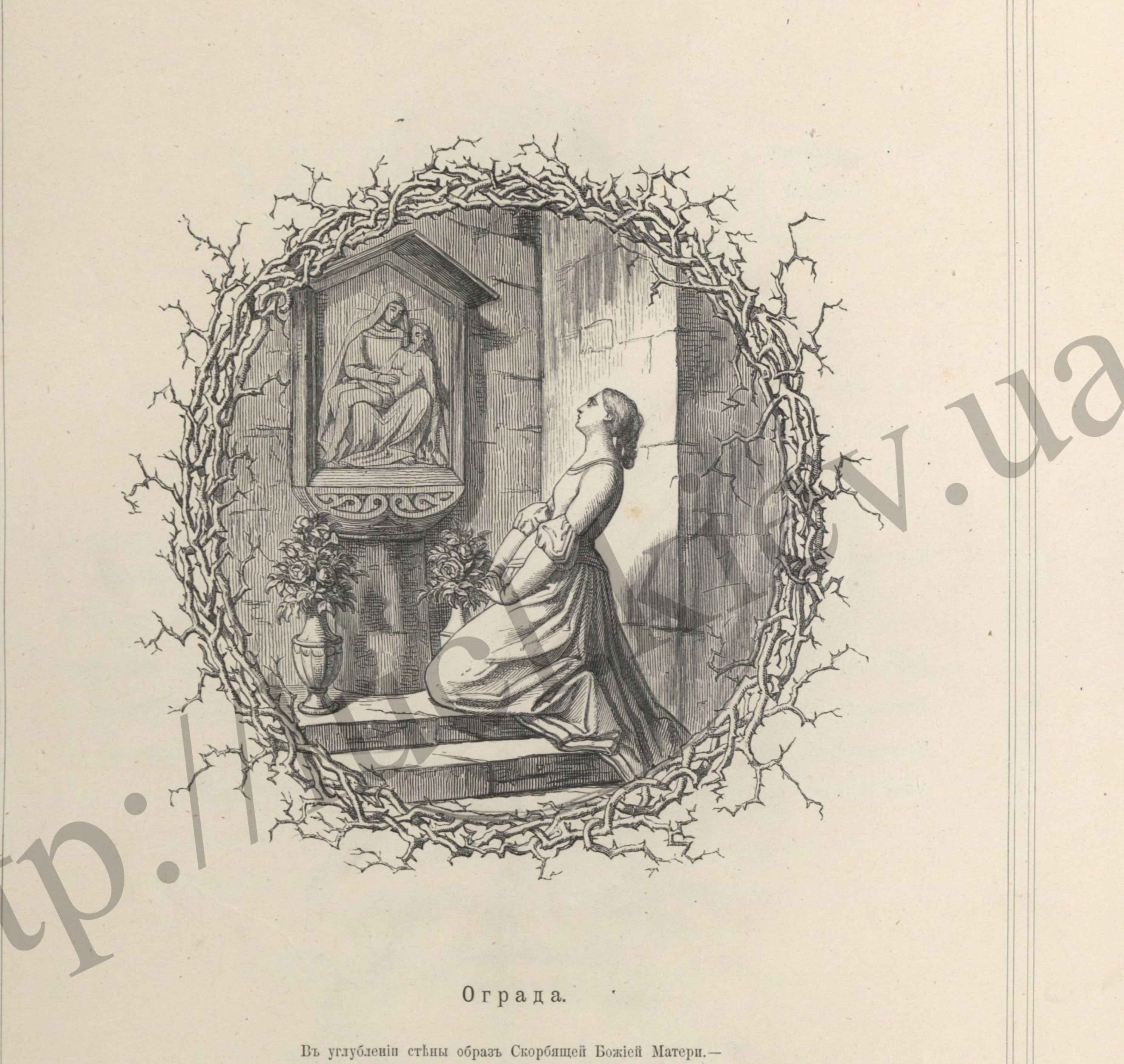
Хоть онъ женись, а все ей будетъ то жъ.
Ей парни разорвутъ вѣнокъ,
А мы насыплемъ рѣзки на порогъ!

(Уходитъ.)

Гретхенъ (уходя домой).

Какъ прежде мнѣ казались тяжки
Проступки дѣвушки-бѣдняжки!
Для прегрѣшенія чужого
Бывало не находишь слова!
Бывало черно, все чернишь,—
А надо больше—говоришь.
Гордилася я въ собственныхъ глазахъ!
А вотъ сама я во грѣхахъ!
Но все,—что къ этому вело,
Ахъ! было нѣжно такъ! и такъ свѣтло!

Ограда.

Въ углубленіи стѣны образъ Скорбящей Божіей Матери.—
Передъ нимъ вазы для цвѣтовъ.

Гретхенъ (ставитъ свѣжіе цвѣты въ вазы).

Къ молящей
Ты ликъ скорбящій
Склони, пойми тоску мою!

Твоя кручина
О смерти Сына
Мечомъ пронзила грудь твою.

Къ Отцу взираешь,
И возсылаешь
Ты воздыханьемъ скорбь свою.

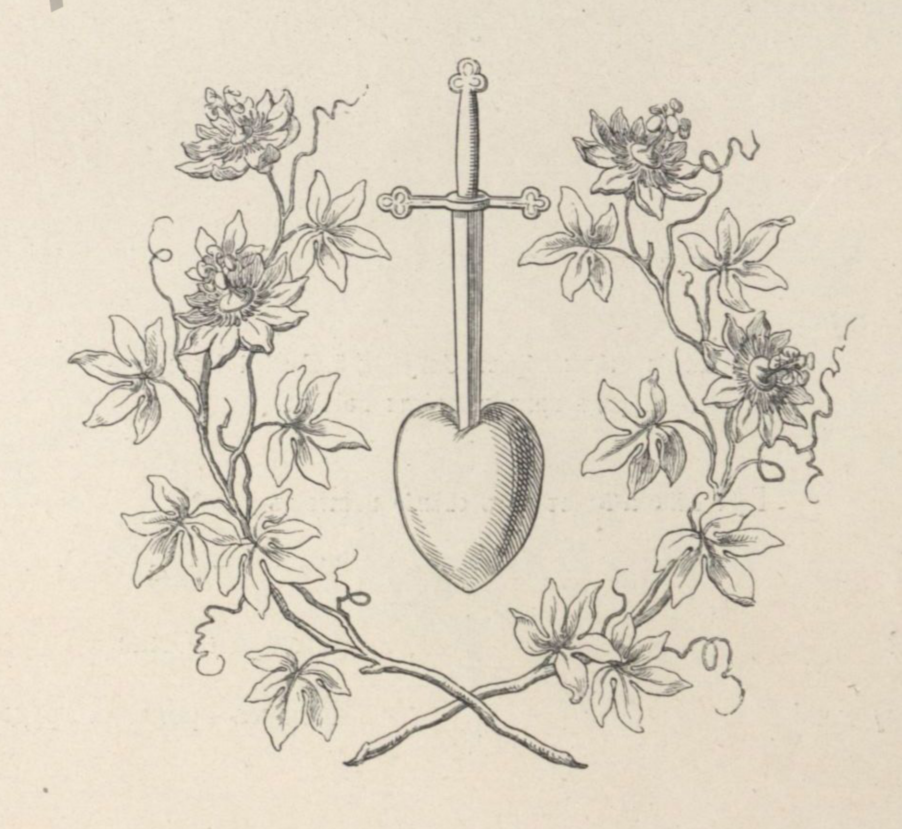
Кто знаетъ,
Какъ таетъ
Во мнѣ вся сила до дна?
Чѣмъ бѣдное сердце страдаетъ,
Что̀ дрожью его обнимаетъ,
Ты знаешь, ты знаешь одна!

Куда бы ни пошла я,
Больна, больна, больна я,
Тоска въ моей груди!
Уйду ль и горе спрячу,
Я плачу, плачу, плачу,
И сердцу не снести.

Всѣ стекла въ моемъ окошкѣ
Слезами вновь политы,
Когда я сегодня срывала
Тебѣ вотъ эти цвѣты.

Чуть солнце заблестѣло
По утру мнѣ въ окно,
А я опять сидѣла
Въ постели ужъ давно.

Спаси! укрой рабу свою!
Къ молящей
Ты ликъ скорбящій
Склони, пойми тоску мою!

Ночь.

Улица у двери Гретхенъ.

Валентинъ (солдатъ, братъ Гретхенъ).

Бывало на пиру иномъ,
Какъ похвальба пойдетъ кругомъ,
И станетъ кто мнѣ говорить
И лучшихъ дѣвушекъ хвалить,
Съ стаканомъ полнымъ избочась,
На край стола облокотясь;
Сижу спокойно я себѣ,
Внимая этой похвальбѣ.
Молчу, а смѣхъ въ душѣ таю,
И подыму стаканъ съ виномъ,
Да и скажу: всякъ за свою!
Но есть ли гдѣ-нибудь кругомъ,
Чтобъ съ Гретхенъ можно спорить ей,
Съ сестрою дорогой моей?
Топъ! топъ! чокъ! чокъ! пойдетъ вокругъ.
Они кричатъ: «онъ точно правъ;
Какая прелесть, что̀ за нравъ!»
А хвастуны затихнутъ вдругъ.—
И вотъ!—рвать волосы придется,
На стѣнку лѣзть мнѣ остается!
Радъ подпустить тебѣ иголку
Шельмецъ послѣдній втихомолку!
А я, я, какъ преступникъ тайный,
Потѣй отъ выходки случайной!
Хоть размозжи ихъ кулаками—
А все не назовешь лгунами.

Кто тамъ? кто крадется вотъ тутъ?
Ихъ двое кажется идутъ.
И если онъ, его схвачу я,—
И ужъ живымъ не отпущу я!

Фаустъ и Мефистофель.

Фаустъ.

Какъ въ ризницѣ тамъ у окна
Лампада вѣчная лишь свѣтитъ вверхъ сильнѣе,

Теряясь въ стороны слабѣе и слабѣе,
И ночь кругомъ ея черна:
Такъ и въ груди моей все темно.

Мефистофель.

А мнѣ такъ словно кошкѣ томно,
Что вверхъ по лѣстницѣ крутой
Взошла и скрылась за стѣной;
И добродѣтельно я чувствую сперва
Немножко похоти, немножко воровства.
Всего какъ бы манитъ и нудитъ
Вальпургіева ночь опять!
Она же послѣзавтра будетъ,
Тогда не жаль и не поспать.

Фаустъ.

А между тѣмъ, подымется ль тотъ кладъ,
Гдѣ вижу огоньки тамъ назади блестятъ?

Мефистофель.

Ужъ не далекъ твой часъ отрадный,
Котельчикъ вынешь преизрядный.
Въ него намедни я глядѣлъ;
Онъ полонъ талеровъ горѣлъ.

Фаустъ.

И ни запястья, ни кольца?
Мнѣ милой подарить бы нужно.—

Мефистофель.

Какихъ-то видѣлъ два конца,
Отъ нитки кажется жемчужной.

Фаустъ.

Вотъ хорошо! Мнѣ больно къ ней идти,
И ничего съ собой не принести.

Мефистофель.

Ты могъ бы съ мыслью помириться,
Порой и даромъ насладиться.
Теперь послушай лютню ты мою,
При блескѣ звѣздъ и я смѣлѣе;
Я пѣснь моральную спою,
Чтобъ съ толку сбить ее вѣрнѣе.

(Поетъ подъ лютню.)

Напрасно, вѣрь,
Къ дружку ты въ дверь
Глядишь теперь,
Катюша, предъ денницей!
Тебя тайкомъ,
Введетъ путемъ,
Дѣвицей въ домъ,
Но пустить не дѣвицей.

Такъ ты гляди!
Себя блюди;
Того и жди,
Накличешь дней печальныхъ!
Мы всѣмъ твердимъ:
Вы ни съ однимъ

Engelbert Seibertz erf. u. gez.

ИЗДАНIЕ А. Ф. МАРКСА. ВЪ СПБ.

Adrian Schleich gest.

Не знайтесь съ нимъ

До колецъ обручальныхъ!

Валентинъ (выступаетъ).

Кого, проклятый, манишь тамъ?

Ахъ, крысоловъ—кривая рожа!

Сперва гудокъ ко всѣмъ чертямъ!

И къ чорту пѣсенника тоже!

Мефистофель.

Вотъ лютня сломана! Не велика забота.

Валентинъ.

По черепамъ пойдетъ работа!

Мефистофель (Фаусту).

Вы, докторъ, тожъ, куда ни шло!

За мной, когда я наступаю!

Свою шпажонку наголо!

Колите вы! Я отбиваю.

Валентинъ.

Ну, отбивай!

Мефистофель.

Что жъ! я-таки натертъ.

Валентинъ.

И этотъ?

Мефистофель.

Да!

Валентинъ.

Дерется онъ, какъ чортъ!

Но что̀ со мной? Слабѣю, какъ ребенокъ.

Мефистофель (Фаусту).

Коли!

Валентинъ (падая).

Увы!

Мефистофель (подходя).

Знать присмирѣлъ теленокъ!

Теперь уйдемъ! Скорѣе, прочь отсюда!

Уже орутъ разбой во всѣхъ концахъ.

Съ полиціей я былъ всегда въ ладахъ,

Но голосъ крови—съ нимъ я лажу худо!

Марта (изъ окна).

Сюда! сюда!

Гретхенъ (изъ окна).

Огня скорѣй!

Марта (какъ прежде).

Здѣсь споръ и брань и звонъ мечей.

Народъ.

Одинъ успѣлъ ужъ мертвымъ пасть!

Марта (выходя на улицу).

Убійцы, знать, ушли скорѣй?

Гретхенъ (выходя).

Убитъ-то кто?

Народъ.

Сынъ матери твоей.

Гретхенъ.

О, Милосердый! что̀ за страсть!

Валентинъ.

Я умираю!—говорить
Недолгая статья.
Вы, бабы, полно плакать, выть!
А слушайте меня!

(Всѣ его обступаютъ).

Ты, Гретхенъ! видишь, молода,
Еще глупа, въ твои года
Концовъ не можешь скрыть.
Тайкомъ хотѣлъ тебѣ сказать:
Выходишь подлинно ты б . . . ,
Ужъ такъ тому и быть!

Гретхенъ.

Братъ! Господи! за что̀ же мнѣ?

Валентинъ.

Оставь ты Бога въ сторонѣ!
Что̀ миновало—не вернешь,
А что̀ посѣешь, то пожнешь.
Ты тайно начала съ однимъ,
Чередъ настанетъ и другимъ,
А какъ до дюжины дойдешь,
Къ тебѣ весь городъ будетъ вхожъ.

Когда вначалѣ стыдъ родится,
Его пугаетъ свѣтъ дневной,
Ночною ищетъ пеленой
И съ головою онъ укрыться;
Его убить желанье наше.
А какъ пошелъ онъ только въ ростъ,
Такъ среди дня онъ ходитъ простъ,
А все не дѣлается краше.
И чѣмъ гнуснѣе онъ на видъ,
Тѣмъ больше къ свѣту норовитъ.

Настанетъ день и не одинъ,
Что всякій честный гражданинъ
Тебя—ты, шкура!—побоится,
Какъ отъ чумы онъ самъ посторонится,—
И сердце кровью будетъ обливаться
Твое, какъ ты ихъ встрѣтишь взоръ!
Въ цѣпочкѣ золотой не красоваться
У алтаря тебѣ отъ этихъ поръ!
Въ воротничкѣ ты съ кружевами
На танцы не пойдешь съ друзьями!
А будешь по угламъ стараться
Средь нищихъ и калѣкъ прижаться,
И, хоть и Богъ проститъ тогда,
На сей землѣ будь проклята!

Марта.

Отдать готовься душу Богу!
Зачѣмъ хулой грѣшишь ты на дорогу?

Валентинъ.

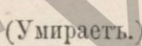
Ты, сводня! если бъ до сухихъ
Костей добраться мнѣ твоихъ,
Тогда бы мнѣ—въ души спасенье
Всѣ отпустились прегрѣшенья.

Гретхенъ.

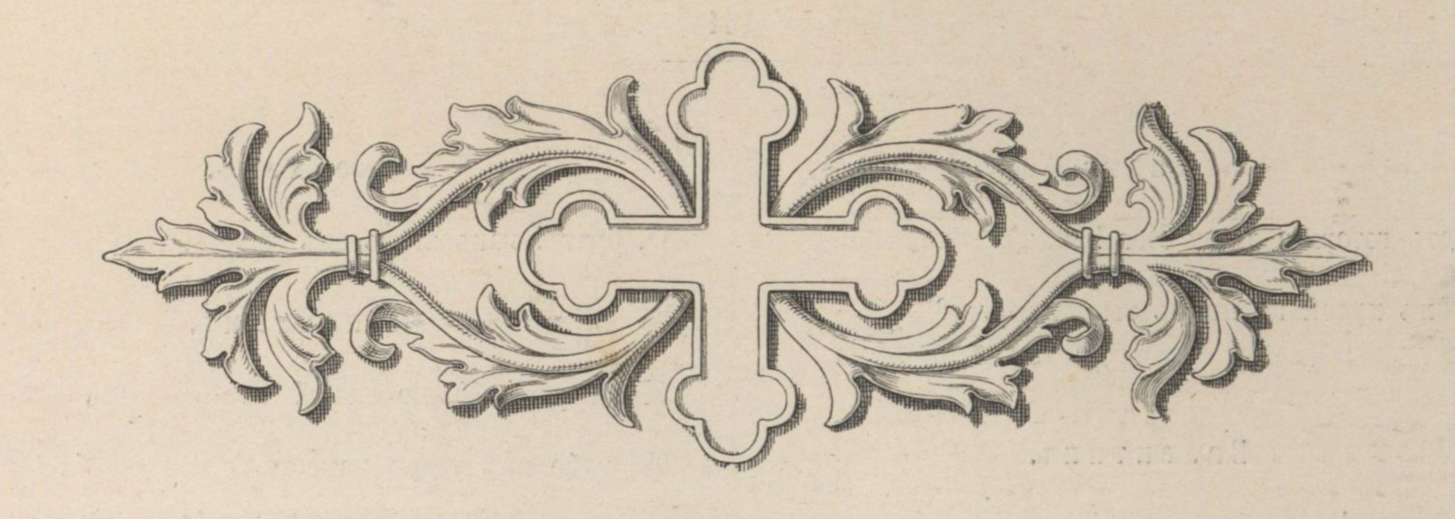
О, братъ! какъ этотъ адъ горячъ!

Валентинъ.

Я говорю тебѣ, не плачь!
Ты злѣе мнѣ ударъ нанесть
Рѣшилась, потерявши честь.
А я стою у вѣчныхъ вратъ
Предъ Богомъ правъ и какъ солдатъ.

(Умираетъ.)

Соборъ.

Обѣдня.—Органъ и пѣніе.

(Гретхенъ среди толпы народа. Злой духъ позади Гретхенъ.)

Злой духъ.

Съ тобою то ли, Гретхенъ,
Бывало, какъ съ невинной
Душой предъ алтаремъ,
Ты по избитой книжкѣ
Молитвы лепетала,
Не то о дѣтскихъ играхъ,
Не то о Богѣ помня!
Гретхенъ!
Что въ головѣ твоей?
А въ сердцѣ
Какое прегрѣшенье?
Молилась ли о матери, которой
Пришлось изъ-за тебя почить въ страданьи долгомъ?
У двери, у твоей чья кровь?—
А у тебя подъ сердцемъ
Не движется ль уже и не растетъ ли
Себѣ на муку и тебѣ
Своимъ присутствіемъ зловѣщимъ?

Гретхенъ.

Увы! увы!
Хотя бъ уйти отъ мыслей,
Которыя туда, сюда мятутся
Невольно!

Хоръ.

Dies irae, dies illa
Solvet saeclum in favilla.

(Звукъ органа.)

Злой духъ.

Тебя хватаетъ ужасъ!
Труба трубитъ!
Гроба трясутся!
И сердце

Твое, изъ праха
Въ огнѣ мученій
Рождаясь снова,
Дрожитъ!

Гретхенъ.

Хотя бъ уйти!
Мнѣ кажется, органъ
Захватываетъ духъ мнѣ,
А пѣнье въ сердце
Идетъ до дна.

Хоръ.

Judex ergo cum sedebit,
Quidquid latet apparebit,
Nil inultum remanebit.

Гретхенъ.

Такъ тѣсно мнѣ!
Всѣ эти стѣны
Меня стѣснили,
А своды давятъ!
Нѣтъ силъ дышать!

Злой духъ.

Укройся! Грѣхъ и стыдъ не можетъ
Нигдѣ укрыться.
Свѣтъ? Воздухъ? Горе
Тебѣ!

Хоръ.

Quid sum miser tunc dicturus
Quem patronum rogaturus,
Cum vix justus sit securus?

Злой духъ.

Святые отвратили
Прославленные лики отъ тебя.
И руку протянуть
Тебѣ трепещетъ чистый!
Увы!

Хоръ.

Quid sum miser tunc dicturus?

Гретхенъ.

Сосѣдка! вашъ флаконъ!

(Падаетъ въ обморокъ.)

Вальпургіева ночь.

ГАРЦЪ.

Мѣстность Ширке и Элендъ.

Фаустъ.—Мефистофель.

Мефистофель.

Не нужно ль помела тебѣ хоть для подмоги?
Козла бы взялъ я подюжѣй.
А этакъ колесить не мало намъ дороги.

Фаустъ.

Покуда мнѣ еще такъ бодро служатъ ноги,
Довольно палки мнѣ моей.
Что̀ пользы путь отыскивать прямой!
Въ извилинахъ долинъ тихонько подвигаться,
И на утесъ потомъ взбираться,
Откуда этотъ ключъ свергается струей,
Вотъ чѣмъ отраденъ путь такой!
Весна ужъ просится повѣять отъ березы,
Да и сосна душку пустила своего;
А вешнія на насъ не дѣйствуютъ ли грезы?

Мефистофель.

Не чую, право, ничего!
Я полонъ скуки небывалой;
Морозъ да снѣгъ мой оживили бъ духъ.
Какъ грустно, восходя, краснѣетъ запоздалый
Луны недовершенный кругъ,
И плохо свѣтитъ; какъ незрящій,
На дерево, скалу тутъ всякій набѣжитъ!
Дай подзову огонь блудящій!
Я вижу, тамъ одинъ такъ весело горитъ.
Эй! милый другъ! Послушай-ко любезный!

Чѣмъ тратить пламень безполезный,
Ужъ будь такъ добръ и вверхъ намъ посвѣти!

Блудящій огонь.

Я постараюсь, вамъ въ угоду,
Сдержать свою летучую природу;
По сторонамъ мы мечемся въ пути.

Мефистофель.

Эге! идешь людской стезею!
Держи же прямо, чортъ съ тобою!
Не то задую въ мигъ одинъ.

Блудящій огонекъ.

Я чувствую, что здѣсь вы господинъ.
Охотно вамъ готовъ служить.
Но на горѣ теперь содомъ тутъ настоящій,
И если долженъ васъ водить огонь блудящій,
Нельзя взыскательному быть.

Фаустъ, Мефистофель и Блудящій огонь.

(Поютъ вмѣстѣ.)

Въ область сновъ и волхвованья
Мы, какъ кажется, вступили.
Приложи свѣтить старанье!
Чтобы мы скорѣй забыли,
Какъ пустынно здѣсь и дико!

За деревьями смотри-ко,
Какъ деревья пробѣгаютъ,
Какъ тамъ скалы присѣдаютъ,
И утесы, что надъ нами
Дуютъ и сопятъ носами!

По каменьямъ межъ кустами
Ручеекъ и чистъ, и тѣсенъ.
Шумъ ли это? звуки ль пѣсенъ?
Или стонъ любви печальной,
Молодой, первоначальной?
Что мы любимъ, что намъ мило!
Только эха голосъ дальній
Какъ преданіе чудесенъ.

Угу! гаркнули съ просонка;
Сычъ, сова, сизоворонка,
Или въ сонъ васъ не клонило?
Саламандры знать въ опушкѣ?
Тонконожки! толстобрюшки!
Словно змѣи тамъ коренья
Изъ-подъ камней, надъ песками,
Завязалися узлами,
Намъ на страхъ и на смятенье;
Нити выпустивъ упрямо,
Какъ полипы, лѣзутъ прямо
На прохожихъ.—И стадами,
Между травами и мхами,
Мыши пестрыя шныряютъ!

Свѣтляки жъ, вокругъ летая,
Словно туча огневая,
Хуже съ толку насъ сбиваютъ.

Но скажи, съ тобою вмѣстѣ
Мы идемъ или на мѣстѣ?
Все вертится ходуномъ,
А скалы, деревья тоже
Искривяся, корчатъ рожи
Предъ блудящимъ огонькомъ.

Мефистофель.

Ухватись за плащъ мой длинный!
На скалѣ мы серединной,
Здѣсь увидишь, изумленъ,
Какъ въ горѣ блеститъ мамонъ.

Фаустъ.

Какъ странно въ глубинѣ мерцаетъ
Какой-то отблескъ заревой!
И даже словно проникаетъ
И въ сумракъ бездны онъ самой.
Тамъ точно паръ блеститъ сторонкой,
Здѣсь пылъ такъ ярокъ и могучъ,
Тамъ потянулся нитью тонкой,
А тутъ сверкаетъ словно ключъ.
Вотъ здѣсь по жиламъ онъ прелестнымъ
Спѣшитъ въ долину низойти,
А здѣсь, за поворотомъ тѣснымъ,
Разъединился на пути.
Какъ искры, розсыпь золотая
Пескомъ разбросаннымъ блеститъ.
Но посмотри, скала сплошная
Во весь свой ростъ огнемъ горитъ.

Мефистофель.

Не правда ль, какъ мамонъ отлично
Дворецъ свой въ праздникъ освѣтилъ?
Ты счастливъ, что при этомъ былъ;
Хоть гости шумны неприлично.

Фаустъ.

Какъ этотъ вихрь и кружитъ все и рветъ!
Какъ онъ жестоко бьетъ меня по шеѣ!

Мефистофель.

За ребра старыхъ скалъ держись смѣлѣе;
Иначе онъ тебя въ тѣ пропасти столкнетъ.
Туманъ кругомъ разлитъ.
Послушай, какъ въ лѣсахъ трещитъ!
Взлетаютъ испуганно совы.
Въ осколки дробятся основы
Зеленыхъ и вѣчныхъ дворцовъ.
Ты слышишь ломанье суковъ,
Стволовъ непреклонныхъ стенанье,

Кореньевъ и трескъ, и зѣванье!
Всѣ въ общемъ погромѣ тѣснятся,
И дружка на дружку валятся,
И вдоль заваленныхъ ущелій,
Взвывая несутся мятели.—
Слышишь ли ты говоръ дикій?
И вдали и близко крики?
Ужъ по всѣмъ ущельямъ горъ
Заревѣлъ волшебный хоръ!

Вѣдьмы хоромъ.

На Брокенъ вѣдьмамъ всѣмъ походъ;
Хоть жнивье желто, зеленъ всходъ.
Туда толпа поспѣть спѣшитъ,
Гдѣ Уріанъ вверху сидитъ.
По пнямъ, по каменьямъ гони, пошелъ!
Колдунья п—тъ, воняетъ козелъ!

Голосъ.

А старая Баубо осталась одна;
Верхомъ на поросной свиньѣ она.

Хоръ.

Честь честью, кому подобаетъ почетъ!
Ты тетушка Баубо! ступай напередъ!
Свинья поздоровѣй, да тетка верхомъ,
Всѣ вѣдьмы за нею гурьбою пойдемъ.

Голосъ.

Откуда ты?

Голосъ.

На Ильзенштейнъ летѣла!
Совѣ въ гнѣздо тамъ посмотрѣла.
Какъ глянетъ пара глазъ!

Голосъ.

Эхъ, чтобъ те провалиться!
Куда верхомъ такъ торопиться!

Голосъ.

На раны глянь! сдуру,
Ссадила всю шкуру.

Хоръ вѣдьмъ.

Дорога долга и для всѣхъ широка;
Какой васъ тутъ лѣшій толкаетъ въ бока?
Намъ вилы—колоть, а метла чтобъ драть,
Задохся ребенокъ и лопнула мать.

Колдуны (полухоръ).

Нашъ какъ улитка медленъ ходъ;
А бабы всѣ ушли впередъ.
Гдѣ только царство злого ждетъ,
Тамъ бабы за версту впередъ.

Другой полухоръ.

Рѣшаетъ споръ одна черта:
Имъ, женщинамъ, нужна верста,

Но пусть спѣшатъ—что толку въ томъ?
Мужчина, глядь, догналъ прыжкомъ.

Голосъ (сверху).

Сюда! тамъ съ горныхъ вы озеръ!

Голосъ (снизу).

Мы рады бъ къ вамъ на выси горъ!
Мы моемъ, чисты, какъ вода; (4)
Зато безплодны навсегда.

Оба хора.

Звѣзда скатилась, вѣтеръ спитъ;
Ужъ мѣсяцъ спрятаться спѣшитъ;
И искрами волшебный хоръ
Горитъ, летя какъ метеоръ.

Голосъ (снизу).

Стой! стой!

Голосъ (сверху).

Кто тамъ кричитъ изъ-подъ скалы крутой?

Голосъ (снизу).

Возьмите меня! Возьмите меня!
Карабкаюсь триста я лѣтъ,
А все до вершины подняться
Нѣтъ мочи; а горько остаться.

Оба хора.

Везетъ метла, везетъ и колъ,
Везетъ ухватъ, везетъ козелъ;
Кто нынче ужъ не полетѣлъ,
Тому ужъ положенъ предѣлъ.

Полувѣдьма (внизу).

Топчусь, ужъ ноги отекли;
А вишь другія какъ ушли!
И дома ладу не найду,
Да и сюда не попаду.

Хоръ вѣдьмъ.

У вѣдьмъ для бодрости настой,
На парусъ взялъ лоскутъ любой,
Корыто лодка тоже чай;
Кто нынче не летитъ—прощай!

Оба хора.

Какъ мы вершину облетимъ,
Спускайтесь вы къ степямъ самимъ,
Чтобъ весь уступъ, какъ глазъ глядитъ,
Былъ всюду вѣдьмами покрытъ!

(Опускаются.)

Мефистофель.

Толкутся, суются, трещатъ!
Болтаютъ, жмутся и шипятъ!
И блескъ, и дымъ, и вонь, и чадъ!
А вѣдьмамъ любо—сущій адъ!
Ты за меня держись! не то насъ разлучатъ.
Ты гдѣ?

Фаустъ (издали).

Я здѣсь!

Мефистофель.

Ужъ вонъ куда оттерли?
Нѣтъ, съ ними толковать начну съ ножомъ на горлѣ.
Прочь! Видишь, самъ идетъ. Прочь, сволочь! чернь!
пусти!
Дай руку, докторъ, тутъ чтобъ разомъ намъ пройти,
Пока толпа сильнѣе не нагрянетъ;
Тутъ даже мнѣ, такъ тошно станетъ.
Вонъ что-то свѣтится особеннымъ огнемъ,
Вонъ въ тѣ кусты меня все тянетъ.
Скорѣй! скорѣй! Туда юркнемъ.

Фаустъ.

Противорѣчья духъ! какое поведенье!
Иду съ тобой, хоть не пойму путемъ.
Въ Вальпургіеву ночь на Брокенъ мы идемъ,
Чтобъ тамъ искать уединенья.

Мефистофель.

Смотри, что̀ за огни цвѣтные!
Веселый клубъ! Гляди какіе!
И въ маломъ будешь не одинъ.

Фаустъ.

Добраться лучше до вершинъ!
Тамъ у огней въ дыму толпа видна.
Гдѣ возсѣдаетъ зло, тамъ ей и сладко;
Тамъ выйдетъ не одна разгадка

Мефистофель.

Загадка тоже не одна.
Оставь ты свѣтъ большой кружиться;
Мы станемъ въ маломъ веселиться.
Давно ужъ это не секретъ,
Что малые мірки большой вмѣщаютъ свѣтъ.
Вотъ молодая вѣдьма—вся нага,
А вонъ старушка какъ хитро прикрылась.
Любезенъ будь, хоть мнѣ-то сдѣлай милость;
Трудъ не великъ, забава дорога.
Ну, инструменты грянули! Досада!
Проклятый хрипъ! А все привыкнуть надо!
Пойдемъ! Пойдемъ! Я буду впереди;
Необходимо мнѣ тебя ввести,
Чтобъ было и тебѣ вольготнѣй.
Что̀ скажешь, другъ? Не маленькій просторъ.
Во всѣ концы едва хватаетъ взоръ!
Огней пылаетъ больше сотни;
Танцуютъ, врутъ, варятъ, смѣются, пьютъ;
Скажи, гдѣ лучшій есть пріютъ?

Фаустъ.

А ты себя, чтобъ выйти на просторъ-то,
За колдуна имъ выдашь иль за чорта?

Мефистофель.

Меня всегда инкогнито прельщаетъ;
Но въ праздникъ всякъ свой орденъ надѣваетъ.
Подвязки орденской хоть мнѣ недостаетъ;
Но лошадиной тутъ ногѣ большой почетъ.
Улитку видишь ли? Вонъ къ намъ она плетется;
Хоть только ощупью вѣкъ свой,
А что-то ей во мнѣ сдается.
Здѣсь, хоть бы я хотѣлъ, не скроюсь, милый мой!
Пойдемъ къ огнямъ, ко всѣмъ собратамъ,
Ты какъ женихъ, я буду сватомъ.

(Къ нѣкоторымъ сидящимъ вокругъ углей.)

Вы, старички, куда вы тутъ забились?
Я бъ сталъ хвалить, когда бъ вы веселились,
Пустясь въ разгулъ, гдѣ молодежь, огни;
И дома все сидѣли вы одни!

Генералъ.

У націй ужъ такая мода!
Заслугой ихъ не проберешь;
У женщинъ, какъ и у народа,
На первомъ мѣстѣ молодежь.

Министръ.

А мнѣ любезна старина;
Куда теперь заколесили?
Какъ мы всѣмъ правили, такъ были
И золотыя времена.

Parvenu.

Случалося и намъ сбиваться кое въ чемъ,
А все назвать нельзя насъ дураками;
Теперь же все пошло вверхъ дномъ,
И именно, когда все было подъ руками.

Авторъ.

Ну, кто теперь прочтетъ что̀ подѣльнѣй,
Признайтесь-ко нелицемѣрно!
А что̀ касается до молодыхъ людей,
Такъ носъ задрали непомѣрно.

Мефистофель (вдругъ становясь старикомъ).

Пора на Страшный Судъ всѣмъ, вижу я,
Послѣдній разъ иду на эту гору,
И если жить мнѣ хуже день отъ дня,
То міру знать конецъ приходитъ скоро

Вѣдьма торговка.

Вы, господа, куда пошли!
Вы случая не упустите!
Мои товары разглядите;
Тутъ что̀ угодно бы нашли.
Недаромъ выхваляю лавку,
Какой не встрѣтить на землѣ,
Нѣтъ вещи, чтобъ она вдобавку
Въ какомъ не побывала злѣ.

Engelbert Seibertz erf. u. gez. Adrian Schleich gest.

Что̀ ни кинжалъ, то кровь по немъ струилась,
Здѣсь кубка нѣтъ, которому бъ вливать
Горячій ядъ въ тѣла не приходилось.
Что̀ ни уборъ—то женщинъ соблазнять.
Привыкъ,—что̀ мечъ—измѣнѣ послужившій,
Хоть въ спину, напримѣръ, противника сразившій.

Мефистофель.

Ты, тетка! плохо знать слѣдишь за временами!
Что̀ было,—минуло давно!
Торгуй-ко лучше новостями!
Намъ нужно новое одно.

Фаустъ.

Хоть самому бъ не затеряться!
Вотъ это ярмарка, признаться!

Мефистофель.

Все больше кверху напираютъ.
Ты норовишь толкать, а самого толкаютъ.

Фаустъ.

А это кто?

Мефистофель.

Лилитъ.—Сама она.

Фаустъ.

Кто?

Мефистофель.

Первая Адамова жена.
Ты берегись волосъ ея прекрасныхъ,—
Единственный уборъ ея, замѣть.
Кого изъ юношей поймаетъ въ эту сѣть,
Не скоро вырвется тотъ изъ объятій страстныхъ.

Фаустъ.

Вонъ двѣ сидятъ, старуха съ молодой;
Ужъ вѣрно плясъ задали не плохой!

Мефистофель.

Сегодня все идетъ кругомъ.
Вотъ новый танецъ! что жъ, пойдемъ! и мы возьмемъ.

Фаустъ (танцуя съ молодой).

Прекрасный сонъ приснился мнѣ,
Я видѣлъ яблоню во снѣ,
Два чудныхъ яблока на ней,
За ними я полѣзъ скорѣй.

Красавица.

До яблокъ падки вы всегда
Еще изъ рая, господа.
Я въ восхищеніи большомъ,
Что есть они въ саду моемъ.

Мефистофель (со старухой).

Томился я тяжелымъ сномъ;
Я видѣлъ дерево съ дупломъ,

И хоть .... на немъ была,

Охота все меня брала.

Старуха.

Прошу принять привѣтъ большой,

Мой рыцарь съ конскою ногой!

Держи исправно ...... ты свой

Коль не запуганъ ты ....

Проктофантасмистъ.

Проклятый вы народъ! и непослушный—страхъ!

Иль не доказано давно, что въ самомъ дѣлѣ,

Духъ никогда не крѣпокъ на ногахъ?

А вы еще плясать, какъ люди захотѣли!

Красавица (танцуя).

Зачѣмъ пришелъ онъ къ намъ на балъ?

Фаустъ (танцуя).

Эхъ! онъ нигдѣ не отставалъ.

Другой танцуетъ—онъ обсудитъ.

И если каждый шагъ имъ оцѣненъ не будетъ,

То шагъ какъ будто не пройденъ.

Движеніемъ впередъ онъ злѣй всего взбѣшенъ.

Вотъ если бы при немъ все лишь кружиться,

Какъ въ старой мельницѣ своей онъ то завелъ,

Пожалуй слово бы онъ доброе нашелъ;

Особенно, какъ тутъ ему же поклониться.

Проктофантасмистъ.

А вы еще все здѣсь! Наладили одно!

Исчезните! Вѣдь все давно просвѣщено!

Вотъ чортовъ-то народъ не слушается правилъ;

Мы такъ умны, а тутъ кто эту дрянь оставилъ?

Всѣ предразсудки я повымелъ за порогъ!

А все нечисто тутъ. Ну кто бъ повѣрить могъ!

Красавица.

Ну, что онъ намъ надоѣдаетъ?

Проктофантасмистъ.

Въ лицо вамъ, духи, говорю:

Духовный деспотизмъ—его я не терплю;

Мой духъ его не допускаетъ.

(Продолжаютъ танцовать.)

Сегодня здѣсь моихъ не слушаютъ совѣтовъ;

Но путешествіе отбуду молодцомъ,

Въ надеждѣ, что хотя передъ концомъ

Сумѣю покорить чертей я и поэтовъ.

Мефистофель.

Пожалуй въ лужу онъ усѣсться соберется,

Такъ облегчаетъ онъ обычно тяжкій трудъ—

И если пьявокъ тамъ побольше присосется,

Уймется духъ его и духи пропадутъ.

(Фаусту, выступившему изъ круга танцующихъ.)

Зачѣмъ прекрасную дѣвицу ты оставилъ?
Она ужъ пѣла все нѣжнѣй.

Фаустъ.

Ахъ! вмѣстѣ съ пѣніемъ у ней
Шмыгнулъ изъ устъ мышенокъ красный.

Мефистофель.

Вотъ выдумалъ! какая жъ тутъ бѣда;
Была вѣдь мышь-то не сѣда.
Есть чѣмъ тревожить говоръ страстный!

Фаустъ.

Потомъ я видѣлъ...

Мефистофель.

Что̀?

Фаустъ.

Ты самъ вонъ погляди!
Прекрасное дитя, вдали отъ всѣхъ одна,
Такая блѣдная, не движется почти,
Плыветъ, какъ будто ногъ не двигаетъ она.
Скажу по совѣсти своей,
Есть съ милой Гретхенъ сходство въ ней.

Мефистофель.

Оставь ее! Она грозитъ бѣдой.
То ликъ волшебный, идолъ не живой.
Съ ней встрѣтиться—напасть себѣ готовь;
Отъ глазъ застывшихъ застываетъ кровь,
Взглянулъ—и тотчасъ камнемъ сталъ.
Ты о Медузѣ-то слыхалъ?

Фаустъ.

Ну, право, мертвецы одни глядятъ такъ вяло,
Когда имъ глазъ никто изъ близкихъ не смыкалъ.
Вотъ грудь, которую мнѣ Гретхенъ отверзала;
Вотъ тѣло нѣжное, какимъ я обладалъ.

Мефистофель.

Въ томъ все и волшебство, иль въ умъ тебѣ нейдетъ!
Что каждый милую свою въ ней узнаетъ.

Фаустъ.

О, что̀ за счастье! За терзанье!
Я глазъ свести не въ состояньи.
Какъ изумительно присталъ
Шнурочекъ красный къ тонкой шеѣ,
Спины ножа не шире, не виднѣе!

Мефистофель.

Такъ точно! Самъ я увидалъ.
Ей голову носить подъ мышкою удобно;
Ей отрубилъ ее Персей богоподобный.—
Страсть у тебя къ мечтанію во всемъ!
Вотъ на пригорокъ дай взойдемъ!
Тутъ словно въ Пратерѣ движенье;
И если нѣтъ обмана въ томъ,

Театръ я вижу, безъ сомнѣнья.

А что̀ даютъ?

Servibilis.

Сейчасъ опять начнемъ.

Вещь новая! Седьмое представленье!

Семь пьесъ всегда играютъ тутъ.

То дилетанта сочиненье,

И дилетанты все даютъ.

Простите, господа, что васъ я оставляю;

Какъ дилетантъ, поднять я занавѣсъ спѣшу.

Мефистофель.

Я радъ, что я тебя на Блоксбергѣ встрѣчаю.

Да гдѣ жъ и быть тебѣ? покорнѣйше спрошу.

Сонъ въ Вальпургіеву ночь

или

ОБЕРОНА И ТИТАНІИ ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА.

INTERMEZZO.

Режиссеръ.

Нынче Мидинга сынамъ (5).
Есть въ трудахъ замѣна;
Холмъ да лугъ росистый намъ,
Вотъ и вся тутъ сцена!

Герольдъ.

Чтобы свадьбѣ золотой
Стать—полвѣка надо,
Будь за трудъ мой мировой
Золото награда.

Оберонъ.

Полно, духи, вамъ порхать,
Вы бы прислужились,
Царь съ царицею опять
Здѣсь соединились.

Пукъ.

Если Пукъ прыжкомъ какимъ
Въ пляскѣ отличится;
Сотни бросятся за нимъ
Въ хороводъ кружиться.

Аріель.

Съ Аріелемъ запоешь—
Выйдетъ такъ пригоже;
Много онъ приманитъ рожъ
И красавицъ тоже.

Оберонъ.

Каждой парѣ можетъ быть
Нашъ примѣръ—наука!
Чтобъ другъ друга полюбить,
Имъ нужна разлука.

Титанія.

Взъѣлся мужъ, а на него
Зло беретъ супругу,
Мчите къ Сѣверу его,
А ее вы къ Югу.

Весь оркестръ

(fortissimo).

Эй, лягушки, ты, комарь!
Мухи! все таланты!
Ты, кузнечикъ, пріударь!
Вотъ и музыканты!

Соло.

Вотъ сама волынка къ намъ!
То пузырь лишь мыльный.
Заревётъ, такъ лопнетъ самъ
Отъ натуги сильной!

Духъ начинающій образовываться.

Къ жабѣ крылья, паука
Ножки—вотъ смѣшенье!
Хоть не вышло такъ звѣрка—
Есть стихотворенье.

Парочка.

Мы пустились дружно въ плясъ,
Вся роса слетаетъ;
Но на воздухъ что-то насъ
Все не подымаетъ.

Любопытный путешественникъ.

Маскарадный, знать, чертогъ?
Вотъ ужъ изумился!
Оберонъ, прекрасный богъ,
Ты ли мнѣ явился?

Ортодоксъ.

Нѣтъ когтей, не при хвостѣ!
Но и онъ въ итогѣ
Все такой же чортъ, какъ тѣ
Греческіе боги.

Сѣверный художникъ.

Что набросилъ я—одни
Очерки—признаюсь;
Но въ Италію всѣ дни
Я подготовляюсь.

Пуристъ.

Вѣдь не цѣнитъ этотъ людъ
Строгости премудрой!
Изо всѣхъ волшебницъ тутъ
Только двѣ подъ пудрой.

Молодая вѣдьма.

Пудра съ платьемъ и тряпьемъ—
Бабамъ перезрѣлымъ;
На козлѣ я нагишомъ
Щеголяю тѣломъ.

Матрона.

Мы привыкли тонко жить,
Вздорить не ведется.
Молода, свѣжа, а сгнить
Заживо придется.

Капельмейстеръ.

Эй, вы, мухи, ты, комарь,
Къ голой что̀ пристали!
Ты, кузнечикъ, пріударь!
Тактъ вы потеряли!

Флюгеръ (въ одну сторону).

Гдѣ подобный кругъ найдешь?
Что̀ ни шагъ—невѣста!
На подборъ и молодежь,
Вся добьется мѣста.

Флюгеръ (въ другую сторону).

Коль земля не поглотитъ
Эту шваль сплошную,
Самый адъ не устрашитъ,
И туда спрыгну я.

Ксеніи ([6]).

Насѣкомыми пришли
Мы—и клещи наши
Мы на службу принесли
Сатанѣ-папашѣ.

Геннингсъ ([7]).

Смотрите, какъ ихъ тѣсенъ рядъ,
Какъ шутки ихъ безпечны;
Пожалуй скажутъ, что язвятъ
Отъ доброты сердечной.

Музагетъ.

Мнѣ этихъ вѣдьмъ мила семья,
Толкался бъ между ними;
Тутъ легче справился бы я,
Чѣмъ съ Музами своими.

Ci-devant Геній своего времени.

Какіе люди все у васъ!
Дай руку. Вотъ пролѣзъ-то!
И Блоксбергъ, какъ и нашъ Парнассъ,
Обширнѣйшее мѣсто.

Любопытный путешественникъ.

Кто этотъ гордый, что притомъ
Глядитъ такъ сановито?
Онъ всюду нюхаетъ кругомъ.
«Онъ ищетъ іезуита».

Журавль.

И въ мутной я готовъ водѣ
Попользоваться рыбкой.
Хоть набоженъ, спѣшу вездѣ
Чертей встрѣчать съ улыбкой.

Свѣтскій.

Да, средство набожнымъ во всемъ,
Чтобъ зло исправить въ корнѣ;
Они на Блоксбергѣ самомъ
Устроятъ все соборнѣ.

Танцующій.

Знать новый хоръ звенитъ въ ушахъ
Не бубны ль загремѣли?
Нѣтъ, это выпи въ камышахъ
Такъ глухо загудѣли.

Танцмейстеръ.

И всякъ-то пляшетъ. Эка блажь!
Кажись бы, до того ли.
Хромой и увалень туда жъ,
Не спросятъ, хорошо ли.

Гудочникъ.

Вѣдь эта сволочь, ей же ей,
Другъ дружку бъ задушила;
Но какъ Орфей скликалъ звѣрей,
Волынка ихъ смирила.

Догматикъ.

Не сдамся критикѣ отнюдь,
И спорить радъ до смерти.
Чортъ долженъ быть же чѣмъ-нибудь;
Откуда жъ были бъ черти?

Идеалистъ.

Шалитъ фантазія моя,
Чуть мѣры не утратилъ;
Коль это все,—все самъ же я,
Такъ я сегодня спятилъ.

Реалистъ.

Какъ надоѣла мнѣ сейчасъ
Вся эта суматоха;
И на ногахъ я въ первый разъ
Стою довольно плохо.

Супернатуралистъ.

А мнѣ такъ стало веселѣй,
Хожу я торжествуя;
О добрыхъ духахъ отъ чертей
Ужъ заключать могу я.

Скептикъ.

За огонькомъ бѣгутъ вездѣ,
Все кладъ въ воображеньи.
А я, я риѳму помню: гдѣ
Видѣнье, тамъ сомнѣнье.

Капельмейстеръ.

Вы, кузнечики—смотри!
Эхъ вы дилетанты!
Что жъ вы, мухи, комари,
Вы вѣдь музыканты!

Ловкіе.

Sans souci слыветъ нашъ кругъ,
Весело межъ нами.
Отказались ноги вдругъ,
Ходимъ вверхъ ногами.

Неловкіе.

Пришлось и намъ хватать куски;
Теперь чередъ не нашимъ!
Мы протоптали башмаки
И босикомъ ужъ пляшемъ.

Блудящіе огни.

Всѣ мы вышли изъ болотъ,
Родины смердящей,
А посмотришь—мы народъ
Самый здѣсь блестящій.

Падучая звѣзда.

Разлетѣлась я съ высотъ
Какъ звѣзда большая,
А теперь лежу я вотъ,
Съ мѣста не вставая.

Массивные.

Мѣста! мѣста! Тутъ примнешь
Траву, какъ ни хуже.
Мчатся духи, духи тожъ,
Только неуклюжи.

Пукъ.

Что̀ вы, точно какъ слоны!
Кажете намъ дюжесть.
Уступить ужъ вы должны
Пуку неуклюжесть!

Аріель.

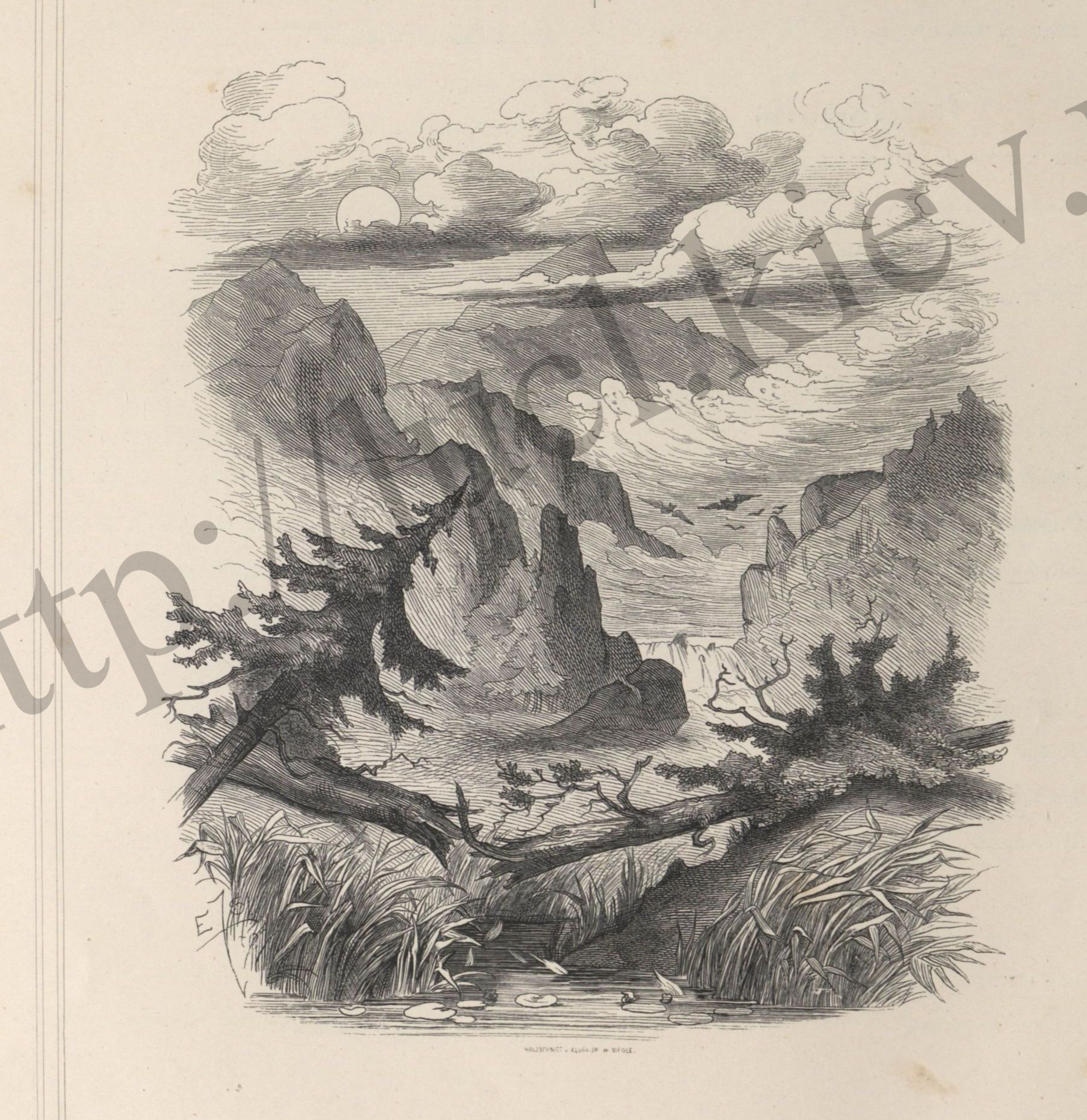
Если крылья вамъ даны
Духомъ и рожденьемъ,
Вы летѣть за мной должны
Къ выспреннимъ селеньямъ!

Духи

(pianissimo).

Тучекъ нѣтъ, туманъ поникъ,
Сверху просіяло,

Вѣтра вздохъ,—заснулъ тростникъ,
Вотъ и все пропало.

Пасмурный день.

Поле.

Фаустъ и Мефистофель.

Фаустъ.

Въ нуждѣ! Въ отчаяньи! Скиталась съ горемъ долго по землѣ и вотъ задержана! Какъ преступница заключена въ темницу на страшную муку, прелестное, несчастное созданье! Вотъ до чего! до чего! Предательскій недостойный духъ, и это ты отъ меня скрывалъ! Стой, стой тутъ! Ворочай злобно своими дьявольскими глазами! Стой и вызывай меня своимъ невыносимымъ присутствіемъ! Въ заключеньи! Въ неисправимомъ бѣдствіи! Преданная во власть злыхъ духовъ и безчувственнаго суда человѣческаго! А меня ты тѣмъ временемъ морочишь безсмысленными развлеченіями, скрываешь отъ меня ея возрастающее горе и оставляешь ее безпомощно погибать!

Мефистофель.

Она не первая!

Фаустъ.

Собака! Отвратительное чудовище! Преврати его ты, духъ безконечный! преврати этого змѣя снова въ его собачій видъ, въ какомъ часто нравилось ему ночною порою являться передо мною, катиться безпечному путнику подъ ноги и виснуть у наткнувшагося на плечахъ. Обрати его снова въ любимый его образъ, чтобы онъ на брюхѣ ползалъ передо мною на пескѣ, чтобы я ногами топталъ его, отверженца! Не первая! Горе! горе, ни въ какой человѣческой душѣ невмѣстимое, что болѣе чѣмъ одно созданіе потонуло въ глубинѣ этого бѣдствія, что первая не искупила вины всѣхъ остальныхъ своими предсмертными муками передъ лицомъ вѣчно Прощающаго! До мозга костей все существо мое проницаетъ бѣдствіе этой одной; а ты спокойно скалишься надъ судьбою тысячей!

Мефистофель.

Вотъ мы и опять на границѣ нашей смекалки, гдѣ у васъ, людей, умъ за разумъ заходитъ. Зачѣмъ же ты братаешься съ нами, коли не въ силахъ довести этого до конца? Хочешь летать и подверженъ головокруженью? Мы навязались къ тебѣ или ты къ намъ?

Фаустъ.

Не скаль такъ на меня свои прожорливые зубы! Мнѣ гадко! Великій, возвышенный духъ, удостоившій меня своего появленія, вѣдающій мое сердце и мою душу, зачѣмъ приковалъ ты меня къ этому позорному товарищу, который услаждается наносимымъ зломъ и радуется гибели?

Мефистофель.

Ты кончилъ?

Фаустъ.

Спаси ее! Или горе тебѣ! Страшнѣйшее тебѣ проклятіе на тысячелѣтія!

Мефистофель.

Мстителя узъ я расторгнуть не могу, не могу отворить его затворовъ.—Спасеніе!—Кто же ввергнулъ ее въ бѣдствіе? Я или ты? (Фаустъ дико озирается.) Или ты ищешь грома? Хорошо, что онъ не данъ вамъ, несчастнымъ смертнымъ! Разгромить невиннаго встрѣчнаго—вотъ способъ тирановъ, при стѣсненіи облегчить грудь.

Фаустъ

Неси меня туда! она должна быть свободна!

Мефистофель.

А опасность, которой ты подвергаешься? Знай, еще въ городѣ тебя ищутъ за пролитую кровь. Надъ могилой убитаго носятся духи мщенія, поджидая возврата убійцы.

Фаустъ.

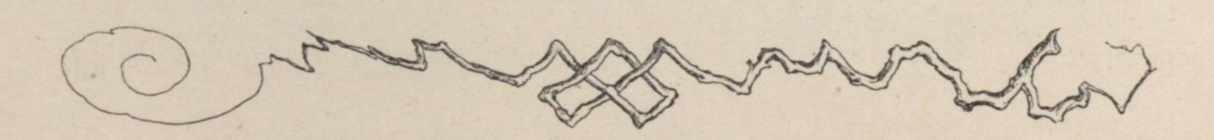
Еще этого отъ тебя недоставало? кровь и смерть цѣлаго міра на твою голову, чудовище! Веди меня туда, говорю я, и освободи ее!

Мефистофель.

Я поведу тебя, но что̀ могу я сдѣлать, слушай! Развѣ мнѣ дана полная власть на небѣ и на землѣ? Я усыплю сторожа; захвати ключи и выведи ее человѣческой рукой! Я стану на стражѣ. Волшебные кони, готовы и я васъ умчу. Вотъ все что̀ могу я.

Фаустъ.

Скорѣй и въ путь!

Engelbert Seibertz erf u. gez. ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА, ВЪ СПБ. Adrian Schleich gest.

Ночь.

Открытое поле.

Фаустъ и Мефистофель (проносятся на вороныхъ коняхъ).

Фаустъ.

Что̀ вьются надъ мѣстомъ тамъ казни онѣ?

Мефистофель.

Не знаю, что̀ дѣлаютъ, варятъ.

Фаустъ.

Подымутся, спустятся, вьются, плывутъ.

Мефистофель.

Слетѣлись колдуньи.

Фаустъ.

И сѣютъ и мѣсто готовятъ.

Мефистофель.

Впередъ! впередъ!

Темница.

Фаустъ (со связкой ключей и лампой у желѣзной двери).

Давно забытый страхъ владѣетъ мною;
Всемірнымъ я страданьемъ потрясенъ.
Вотъ здѣсь она живетъ, за влажною стѣною,
А весь ея проступокъ—милый сонъ!
Ты медлишь ее обнять!
Боишься ее увидать!
Скорѣй! спасенья часъ пока не промедленъ.

(Онъ берется за замокъ. Внутри поетъ.)

Ты, распутница-мать,
Извела ты меня!
Ты, разбойникъ-отецъ,
Ты зачѣмъ съѣлъ меня!
А сестрички меньшой
И могилки сырой
Не сыщу;
Тутъ я птичкою стала лѣсной,
Полечу, полечу!

Фаустъ (отпирая).

Что милый здѣсь, ей не придетъ на умъ,
Что слышитъ звукъ цѣпей онъ и соломы шумъ.

(Онъ входитъ.)

Маргарита (прячась въ постели).

Увы! увы! идутъ. Часъ горькій мой!

Фаустъ (тихо).

Молчи! Сейчасъ на волѣ будешь.

Маргарита (падая къ его ногамъ).

Коль человѣкъ ты,—сжалься надо мной!

Фаустъ.

Ты крикомъ сторожей разбудишь!

(Онъ беретъ ея цѣпи, чтобы отомкнуть.)

Маргарита (на колѣняхъ).

Кто власть, палачъ, тебѣ могъ дать
Здѣсь надо мной такую!

Меня пришелъ ты въ полночь брать.
Умилосердись,—жить хочу я!
Хоть до утра оставь;—тогда...

(Встаетъ.)

Я молода еще, такъ молода!
И вдругъ могила!
И хороша была, вотъ что̀ сгубило.
Другъ близокъ былъ, теперь вдали;
Разорванъ мой вѣнокъ, цвѣточки отцвѣли.
Зачѣмъ твоя рука такъ больно ухватила!
О, пощади! чѣмъ я не угодила?
Не дай напрасно умолять!
Вѣдь мнѣ впервой пришлось тебя и увидать!

Фаустъ.

Какъ съ этимъ горемъ совладать!

Маргарита.

Теперь да будетъ власть твоя.
Дай накормить дитя грудное.
Надъ нимъ вся ночь прошла моя;
Они отняли дорогое,
И говорятъ, его убила я.
Всю жизнь мнѣ проводить съ тоской.
И пѣсни про меня сложили люди злые!
У старой сказки есть конецъ такой;
Зачѣмъ вставлять слова другія

Фаустъ (бросаясь на колѣни).

У ногъ твоихъ здѣсь любящій, готовый
Расторгнуть рабскія оковы.

Маргарита (бросаясь къ нему).

О! предъ святыми станемъ на колѣни!
Смотри! Куда пошли ступени,
Вотъ у порога,
Тамъ въ адъ дорога!
И злобный духъ,
И злая прислуга,
Какъ грянутъ вдругъ!

Фаустъ (громко).

Гретхенъ! Гретхенъ!

Маргарита (вслушиваясь).

То голосъ милаго друга!

(Она вскакиваетъ, цѣпи спадаютъ.)

Гдѣ онъ? онъ звалъ меня сейчасъ.
Теперь свободна я! Никто мнѣ не указъ.
На шею къ нему полечу,
На грудь къ нему пасть я хочу!
Онъ крикнулъ мнѣ: «Гретхенъ!» Онъ былъ на порогѣ.
Средь адскаго гама, въ смертельной тревогѣ,
Подъ дьявольскій смѣхъ и неистовый стукъ,
Узнала я милый и сладостный звукъ.

Фаустъ.

Вотъ я!

Маргарита.

Ты это! О, скажи еще въ другой!

(Хватаясь за него.)

Онъ! это онъ! Куда дѣвался ужасъ мой?
Весь страхъ тюрьмы, цѣпей, во что̀ онъ обратился?
Ты! чтобъ спасти меня явился!
Я спасена!—
Вотъ я и улицу узнала,
Гдѣ въ первый разъ тебя я повстрѣчала,
А вотъ и садикъ увидала,
Гдѣ съ Мартою тебя мы поджидали.

Фаустъ (порываясь).

Пойдемъ! Пойдемъ скорѣе!

Маргарита.

Не спѣши!
Такъ рада я всегда побыть съ тобой.

(Ласково.)

Фаустъ.

Спѣши!
Минутою одной
Погубишь все. Не медли долѣ.

Маргарита.

Какъ? Ты ужъ не цѣлуешь болѣ?
Мой другъ, давно ль я шла тебя встрѣчать,
Ужъ разучился цѣловать?
Зачѣмъ мнѣ страшно на груди твоей?
Когда въ твоихъ рѣчахъ, въ глазахъ твоихъ, встрѣчая,
Бывало, небеса храню въ душѣ моей,
Ты цѣловалъ меня, какъ будто удушая.
Поцѣлуй меня!
Не то я стану цѣловать тебя!

(Обнимаетъ его.)

Увы! твои остыли губы,
Ты нѣмъ.
Куда вся любовь, что я знала,
Пропала?
Кто отнялъ? Зачѣмъ?

(Отворачивается отъ него.)

Фаустъ.

Скорѣй! Опомнись, милая! Бѣжимъ!
Всѣмъ пыломъ страсти буду вновь твоимъ.
Иди за мной! Прошу я объ одномъ!

Маргарита (обращаясь къ нему).

Да ты ли это? Ты ль? Скажи путемъ.

Фаустъ.

Я! Я! Пойдемъ.

Маргарита.

Ты цѣпи разорвешь,
И на колѣни вновь меня возьмешь.

Другъ, отчего ко мнѣ ты страха не питаешь?—
Ты знаешь ли, кого освобождаешь?

Фаустъ.

Скорѣй! Скорѣй! ужъ началъ день свѣтать.

Маргарита.

Я убила родимую мать,
Я дитя утопила свое.
Вѣдь оно жъ и мое, и твое?
И твое!—Это ты!—Это онъ.
Дай мнѣ руку! Такъ это не сонъ!
Эту милую руку!—Но ахъ! посмотри,
Какъ мокра! Ты ее оботри!
На ней кровь.
Боже! что̀ это сдѣлалъ ты вновь!
Эту шпагу вложи,
Умоляю!—Ты знаешь...

Фаустъ.

Что̀ прошло, ужъ о томъ не тужи!
Ты меня убиваешь.

Маргарита.

Нѣтъ, ты долженъ остаться, мой милый!
Опишу я тебѣ всѣ могилы,
Ты по утру ихъ вновь
Изготовь:
Мѣсто лучшее матери взято,
Положи съ нею рядомъ и брата,
А меня такъ-то съ бока,
Да не слишкомъ далеко!
Мнѣ ребенка на правую грудь.
Лечь со мною они не рѣшатся!—
Но къ тебѣ мнѣ, бывало, прижаться
Было счастье, отрада моя!
Но теперь нѣту прежняго болѣ;
Словно льну я къ тебѣ поневолѣ,
И тебѣ точно я не своя.
А вѣдь все же ты здѣсь, съ этимъ добрымъ лицомъ.

Фаустъ.

Коль меня узнаешь, такъ пойдемъ!

Маргарита.

Чтобы я выходила?

Фаустъ.

На волю.

Маргарита.

Коль ждетъ тамъ могила,
И смерть караулитъ, пойдемъ!
Отсюда на вѣчный покой!
И дальше ни шагу!—Теперь ты уходишь?
О, Генрихъ! когда бъ я могла за тобой!

Фаустъ.

Ты можешь! Рѣшайся! отворена дверь.

Маргарита.

Нельзя мнѣ. Надежды нѣтъ теперь.
Что̀ пользы бѣжать? Тамъ меня караулятъ.
Какъ горько просить подаянья,
Къ тому же страшась наказанья!
И тамъ на чужбинѣ узнаютъ,
Они меня снова поймаютъ!

Фаустъ.

Я буду съ тобой.

Маргарита.

Скорѣй! скорѣй!
Къ ребенку своему поспѣй!
Бѣги! по пути,
Гдѣ по кладкамъ ручей
Перейти,
Все дальше въ лѣсъ,
Налѣво, гдѣ доска
Въ прудѣ.
Хватай въ водѣ!
Подняться хочетъ
И бьется оно!
Спаси! Спаси!

Фаустъ.

Мгновенье одно!
Лишь шагъ одинъ—и будь свободной!

Маргарита.

Вонъ къ той горѣ тропой обходной!
На камнѣ мать сидитъ моя,
Меня въ ознобъ кидаетъ!
На камнѣ мать сидитъ моя,
И головой качаетъ;
И не кивнетъ, голова тяжела;
Никакъ не проснется,—такъ долго спала.
Спала, чтобы мы миловались.
Блаженные дни миновались!

Фаустъ.

Коль нѣтъ ни въ моленьяхъ, ни въ просьбахъ пути,
Такъ прямо рѣшаюсь тебя унести.

Маргарита.

Оставь ты меня!—не хочу я насилья!
Зачѣмъ ты меня такъ хватаешь сило̀мъ!
Тебѣ угождать я старалась во всемъ.

Фаустъ.

День близокъ! Другъ мой! милый другъ!

Маргарита.

День! Близокъ день! Послѣднiй день насталъ;
Днемъ свадьбы для меня онъ сталъ!

Не сказывай, что ты уже у Гретхенъ былъ.

Вѣнокъ мой бѣдный!

Не помни былого!

Увидимся снова!

Но не на танцахъ.

Толпа валитъ, ея не слыхать.

На площади и повсемѣстно

На улицахъ тѣсно.

Раздался звонъ, идутъ и брать.

Онъ вяжетъ меня и хватаетъ!

Уже я у плахи стою роковой.

Уже надо всѣми мелькаетъ

Топоръ, что блеститъ надо мной.

И міръ замолчалъ, какъ могила!

Фаустъ.

О, лучше бы я не родился!

Мефистофель (появляясь внѣ).

Скорѣе бы ты торопился!

Все медлятъ! болтаютъ! пустое твердятъ!

Мои кони храпятъ,

И утро мерцаетъ.

Маргарита.

Что̀ тамъ изъ земли возникаетъ?

Тотъ! тотъ! Ушли его опять!

Чего на святомъ ему мѣстѣ искать?

Меня ему нужно!

Фаустъ.

Ты жить должна!

Маргарита.

Судъ Божій! Тебѣ я предана!

Мефистофель (Фаусту).

Скорѣй! Скорѣй! Не то васъ брошу я.

Маргарита.

Твоя я, Отче! Ты спаси меня!

Вы, Ангелы, всѣ прилетите,

Святые меня защитите!

Мнѣ страшно, Генрихъ, быть съ тобой!

Мефистофель.

Ей нѣтъ спасенья!

Голосъ (свыше).

Спасена!

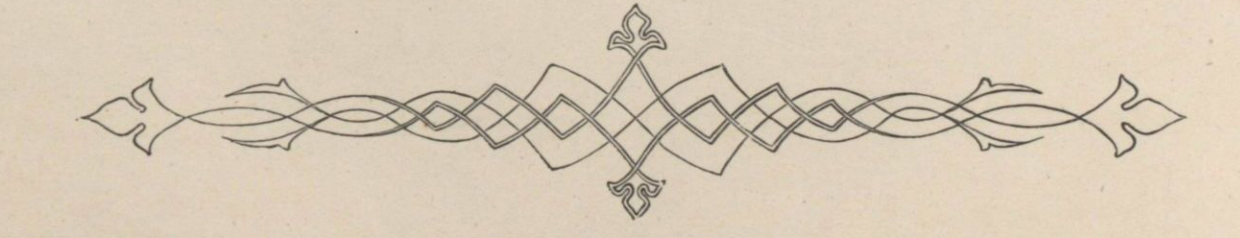
Мефистофель (Фаусту).

За мной!

(Исчезаетъ съ Фаустомъ).

Голосъ (изнутри замираетъ).

Генрихъ! Генрихъ!

ALLGAIER & SIEGLE STUTTGART

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Астрологическій знакъ микрокосма, на подобіе кадрана часовъ, изображенъ въ книгѣ Scheible, *Das Kloster*, стр. 932. Штутгартъ, 1846.

2) По алхимической терминологіи *Красный левъ* означаетъ яркокрасный порошокъ, превращающій металлы въ золото.

3) *Лилія.* Вѣроятно, тотъ серебрящій металлъ, бѣлый порошокъ, который у французскихъ алхимиковъ назывался fille blanche. Древне-французскія серебряныя копеечки были извѣстны подъ именемъ blancs à la fleur de lys. Лилейно-бѣлый металлъ—серебро.

4) Болтливость прачекъ придала нѣмецкому waschen значеніе *болтать.* Намекъ на журналистику.

5) Директоръ театра характеризуетъ себя и машинистовъ, какъ сыновей Mieding'a, памяти котораго посвящено стихотвореніе *Mieding* (Octav-Ausg. 84).

О Мидингѣ еще упоминается въ Goethe's Werke, B. XXXI, 1. 84. I. Мартинъ Мидингъ († 1782) служилъ при Веймарскомъ театрѣ и отличался рвеніемъ къ дѣлу.

6) Ксеніи отъ ξένιον, подразумѣвая (δῶρον) подарокъ гостю, въ ироническомъ смыслѣ, подарочекъ,—сатирическое стихотвореніе. Употреблено у писателя Эвфоріона.

7) Геннингсъ. Директоръ Веймарскаго театра во время Гёте.